ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

Николаемъ Карамзинымъ.

ЧАСТЬ IX.

МОСКВА, 1803.

Въ Университетской Типографіи,

у Любія, Гарія и Попова.

По возложенной отъ Господъ Кураторовъ на меня должности, я разсматривалъ книгу, подъ заглавіемъ: *Вѣстникъ Европы, издаваемый Николаемъ Карамзинымъ, Часть IX.*, и не нашелъ въ ней противнаго наставленію, данному мнѣ о печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгахъ. Коллежской Совѣтникъ, Профессоръ и Ценсоръ,

Антонъ Прокоповичъ-Антонской.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

МАЙ 1803.

№ 9.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

О Богдановичѣ и его сочиненіяхъ (*).

Коллежскій Совѣтникъ Ипполитъ Ѳедоровичь Богдановичь родился въ 1743 году, Декабря 23, въ щастливомъ климатѣ Малороссіи, въ мѣстечкѣ Переволочномъ, гдѣ отецъ его былъ при должности; ему и нѣжной матери онъ единственно обязанъ первымъ своимъ образованіемъ. —

(*) Съ величайшею благодарностію Авторъ сей піесы воспользовался извѣстіями, доставленными ему почтеннымъ братомъ творца *Душеньки*, Иваномъ Ѳедоровичемъ Богдановичемъ; но прибавилъ къ нимъ и нѣкоторые анекдоты, слышанные имъ отъ людей, которые были коротко знакомы съ покойникомъ.

Таланты иногда долго зрѣютъ, но всегда рано открываются: уже въ дѣтствѣ Богдановичь страстно любилъ чтенїе, рисованье, музыку и стихотворство.

Въ 1754 году отвезли его въ Москву и опредѣлили въ Юстицъ-Коллегїю Юнкеромъ. Президентъ ея, Г. Желябужскїй, замѣтивъ въ немъ особенную склонность къ наукамъ, дозволилъ ему учиться въ Математической школѣ, бывшей тогда при Сенатской Конторѣ. Но Математика не могла быть наукою человѣка, рожденнаго для Поэзїи; числа и линеи не питаютъ воображенїя. Богдановичь, утомленный Ариѳметикою и Геометрїею, отдыхалъ за творенїями Ломоносова, котораго лира гремѣла и плѣняла тогда Россїянъ, еще не строгихъ судей въ Поэзїи, но уже чувствительныхъ къ великимъ красотамъ ея.

Драматическое Искусство сильно дѣйствуетъ на всякую нѣжную душу; разборчивость вкуса приходитъ только съ лѣтами и съ тонкимъ образованїемъ душевныхъ способностей: не мудрено, что пылкой молодой человѣкъ, увидѣвъ въ первый разъ драматическїя представленїя, сїи живыя картины страстей, такъ плѣнился ими, что готовъ былъ сдѣлать безразсудность. Однажды являет-

ся къ Директору Московскаго Театра мальчикъ лѣтъ пятнадцати, скромной, даже застѣнчивой, и говоритъ ему, что онъ дворянинъ и желаетъ быть — актеромъ (*)! Директоръ, разговаривая съ нимъ, узнаетъ его охоту къ ученью и стихотворству; доказываетъ ему неприличность актерскаго званія для благороднаго человѣка; записываетъ его въ Университетъ и беретъ жить къ себѣ въ домъ. Сей мальчикъ былъ Ипполитъ (**) Богдановичь, а Директоръ Театра (что не менѣе достойно замѣчанія) Михайло Матвѣевичь Херасковъ. И такъ щастливая звѣзда привела молодаго ученика Музъ къ ихъ знаменитому любимцу, который, имѣя самъ великій талантъ, умѣлъ открывать его и въ другихъ. — Тогда Богдановичь узналъ правила языка и стихотворства, языки иностранные, и пріобрѣлъ другія свѣдѣнія, необходимыя для надежныхъ успѣховъ дарованія; наука не даетъ таланта, но образуетъ его. Творецъ Россіяды былъ ему полезенъ наставленіями, совѣтами и примѣромъ. Богда-

---

(*) Этотъ случай разсказанъ мнѣ вѣрнымъ человѣкомъ.

(**) *Піитическое* имя Ипполита пріятнѣе ушамъ безъ отчества.

новичь учился въ классахъ и писалъ стихи, которые печатались въ Журналѣ, выходившемъ при Университетѣ (*). Они были еще далеки отъ совершенства, но показывали въ Авторѣ способность къ нему приближиться.

Кромѣ Михайла Матвѣевича Хераскова (который былъ тогда Членомъ Университета) молодой Стихотворецъ нашъ имѣлъ еще ревностнаго покровителя въ Князѣ Михайлѣ Ивановичѣ Дашковѣ. Уваженіе, оказанное къ юному таланту, достойно всегда признательнаго воспоминанія добрыхъ сердецъ: сей нѣжный цвѣтъ, отъ знаковъ холодности и невниманія, часто безъ всякаго плода увядаетъ. Но къ чести Рускихъ замѣтимъ, что молодые люди съ дарованіемъ всегда находили и находятъ у насъ дѣятельное покровительство, особливо естьли моральный характеръ ихъ возвышаетъ цѣну ума, какъ въ Ипполитѣ Богдановичѣ, который отличалъ себя и тѣмъ и другимъ — а всего болѣе милымъ *простосердечіемъ*, свойственнымъ любимцу Аполлонову. . .

Сынъ Фебовъ не рожденъ быть тонкимъ знатокомъ
Обычаевъ, условій свѣта;

(*) Въ Полезномъ Увеселеніи.

Невинность, простота видна въ дѣлахъ
Поэта.

Ему вселенная есть домъ,
Гдѣ онъ живетъ съ чужими
Какъ съ братьями родными;
Свободу и покой любя,
Не мыслитъ принуждать себя.

Нѣкоторые Поэты составляютъ изключенїе изъ сего правила; но таковъ былъ Лафонтенъ — и Богдановичь! Осьмнадцати лѣтъ онъ казался еще младенцемъ въ свѣтѣ; говорилъ, что думалъ; дѣлалъ, что хотѣлъ; любилъ слушать умные разговоры и засыпалъ отъ скучныхъ. Къ щастїю, Поэтъ жилъ у Поэта, который требовалъ отъ него хорошихъ стиховъ, а не рабскаго наблюденїя свѣтскихъ обыкновенїй, и забавляясь иногда его невинностїю, любилъ въ немъ какъ дарованїе, такъ и рѣдкое добродушїе. Богдановичь отъ искренности своей казался иногда смѣлымъ; но естьли слово его оскорбляло человѣка, то онъ готовъ былъ плакать отъ раскаянїя; чувствовалъ нужду въ осторожности, и черезъ десять минутъ слѣдовалъ опять движенїю своей природной откровенности: слабость души нѣжной и прекрасной, которая иногда и самую долговременную опытность побѣж-

даетъ! . . Стихотворецъ нашъ, богатый единственно риѳмами, не могъ сыпать золота на бѣдныхъ, но (какъ сказалъ любезной переводчикъ Греевой Элегіи)

Дарилъ нещастныхъ онъ, чѣмъ только могъ —
слезою!

Пріязнь находила въ немъ самую ревностную услужливость. Однажды, ночью, сдѣлался пожаръ близь знакомаго ему дома: онъ забылъ крѣпкой сонъ молодаго человѣка, дурную погоду, разстояніе, и въ одномъ камзолѣ явился тамъ предложить услуги свои. — Хозяинъ и хозяйка, столь любезные и почтенные, обходились съ нимъ какъ съ роднымъ: онъ во всю жизнь сохранилъ къ нимъ сердечную привязанность. — Но мы еще должны замѣтить одну черту характера его, едва ли не во всѣхъ Поэтахъ явную и рѣзкую — чувствительность къ любезности женской, которая всегда служила вдохновеніемъ для стиховъ пріятныхъ. Кто рожденъ быть Поэтомъ Граціи, въ томъ рано обнаруживается сія нѣжная симпатія съ ихъ подругами — но симпатія часто безмолвная. Молодой Стихотворецъ видѣлъ, обожалъ, краснѣлся и вздыхалъ только въ нѣжныхъ мадригалахъ. Какая строгая женщина могла оскорбиться такими чувствами?

Въ 1761 году Богдановичь опредѣленъ былъ въ надзиратели надъ Университетскими классами съ чиномъ Офицера; а по восшествіи на престолъ Императрицы ЕКАТЕРИНЫ II въ Члены Коммиссіи торжественныхъ приготовленій, и сочинялъ надписи для воротъ тріумфальныхъ. Въ 1763 году, черезъ покровительство Княгини Екатерины Романовны Дашковой (*), онъ вступилъ переводчикомъ въ штатъ Графа Петра Ивановича Панина, и въ то же время издавалъ Журналъ (**), въ которомъ сія знаменитая любительница Руской Словесности участвовала собственными трудами своими. Уже дарованіе его съ блескомъ обнаружилось тогда въ переводѣ Вольтеровыхъ стихотвореній, а всего болѣе въ Поэмѣ на разрушеніе Лиссабона, которую Богдановичь перевелъ такъ удачно, что многіе стихи ея не уступаютъ красотѣ и силѣ Французскихъ. На примѣръ:

(*) „Благодѣтельницы фамиліи Богдановичей," прибавляетъ И. Ѳ. Б. въ своихъ извѣстіяхъ: „ибо и братъ его обязанъ ей „своимъ воспитаніемъ." — Мы должны были сохранить сіе изъявленіе благородной признательности.

(**) Подъ титуломъ: *Невинное Упражненіе* No 9.

Богъ держитъ цѣпь въ рукахъ, но ею Онъ
не связанъ.

— — — — — — — —

Когда Творецъ такъ благъ, почто же стра-
ждетъ тварь?

— — — — — — — —

Я живъ, я чувствую, и сердце отъ мученья
Взываетъ ко Творцу и проситъ облегченья..
О дѣти бѣдныя всемощнаго Отца!
На то ли вамъ даны чувствительны сердца?

— — — — — — — —

Кому, о Боже мой! Твои судьбы извѣстны?
Всесовершенный зла не можетъ произвесть:
Другова нѣтъ Творца, а зло на свѣтѣ есть.

— — — — — — — —

Одинъ лишь можетъ Онъ дѣла Свои открыть,
Исправить немощныхъ и мудрыхъ умудрить.

— — — — — — — —

Отверженъ Эпикуръ, оставленъ мной Платонъ:
Бель знаетъ болѣ ихъ — но можно ль осно-
ваться?
Держа вѣсы въ рукахъ, онъ учитъ — сомнѣ-
ваться!
И не пріемля самъ системы никакой,
Всѣ только опровергъ, сражаяся — съ собой,
Подобно какъ Самсонъ, лишенный глазъ врагами,
Подъ зданьемъ палъ, его разрушеннымъ руками!

— — — — — — — —

Калифа (*) нѣкогда, оканчивая вѣкъ,

(*) На[illegible]лежало бы сказать *Калифъ*.

Въ послѣдній часъ сію молитву къ Богу рекъ:
„Я все то приношу Тебѣ, о Царь вселенной!
Чего нѣтъ въ благости Твоей всесовершенной:
Грѣхи, невѣдѣнье, болѣзни, слезы, стонъ!“
Еще прибавить могъ къ тому *надежду* онъ.

Такіе стихи, написанные молодымъ человѣкомъ двадцати лѣтъ, показываютъ рѣдкой талантъ для стихотворства; нѣкоторые изъ нихъ можетъ осудить только набожный, строгій Христіянинъ, а не Критикъ; но и въ первомъ случаѣ долженъ отвѣтствовать Вольтеръ, а не Богдановичь. — Вмѣстѣ съ переводами напечатаны въ семъ Журналѣ и многія его сочиненія, изъ которыхъ иныя отличаются нѣжностію и хорошими мыслями. На примѣръ слѣдующіе стихи къ Клименѣ:

Чтобъ щастливымъ намъ быть,
Я буду жить за тѣмъ, чтобъ мнѣ тебя любить,
А ты люби меня за тѣмъ, чтобъ могъ я жить.

Въ 1765 году Богдановичь, считаясь въ Иностранной Коллегіи Переводчикомъ, издалъ маленькую Поэму: *Сугубое блаженство.* Онъ раздѣлилъ ее на три пѣсни: въ первой изображаетъ картину золотаго вѣка, во второй успѣхи гражданской жизни, наукъ и злоупотребленіе страстей; а въ третьей спасительное дѣй-

ствіе законовъ и царской власти. Сей важный предметъ требовалъ зрѣлости дарованій: еще Стихотворецъ нашъ не имѣлъ ее; однакожь многіе стихи умны и пріятны. Поэтъ складно и хорошо описываетъ наслажденія человѣка въ его невинности:

Въ тотъ часъ, какъ онъ свое увидѣлъ совершенство,
Природою одной и сердцемъ наученъ;
Какъ всякій взоръ ему казалъ его блаженство
И всякимъ новымъ былъ предметомъ восхищенъ;
Пять чувствъ ему вещей познаніе открыли,
Которое его ко щастію вело,
И чувства лишь къ его довольствію служили;
Не зналъ (*) онъ ихъ тогда употреблять возло.
Невинности его не развращали страсти;
Желаній далѣ нуждъ своихъ не простиралъ;
Желалъ того, что онъ всегда имѣлъ во власти,
И слѣдственно имѣлъ онъ все, чего желалъ.

Хорошо также описаны, въ піитическомъ видѣніи, различныя славы Царей... Безчисленные зрю тамъ скипетры, державы,
И разные вѣнцы для кроткихъ или злыхъ.
Одни получатся народною любовью,

(*) Послѣ: *не зналъ*, должно сказать: *какъ* — то есть, *не зналъ, какъ употреблять во зло.*

Предзнаменуя миръ, спокойство, тишину;
Другіе купятся злодѣйствами и кровью:
Имъ будетъ ненависть покорствовать въ плѣну (*).
Пребудутъ первые спокойны, безопасны,
И слава возгласитъ по свѣту имя ихъ;
Но будутъ наконецъ послѣдніе нещастны,
Собою дѣлая нещастными другихъ.

Сія Поэма, приписанная тогда Его Высочеству, Августѣйшему Наслѣднику трона, заключается слѣдующими прекрасными стихами:

Учись, Великій Князь, числомъ примѣровъ сихъ,
Великимъ быть Царемъ, великимъ человѣкомъ,
Ко щастью Твоему и подданныхъ Твоихъ.

Она, сколько намъ извѣстно, не сдѣлала очень сильнаго впечатлѣнія въ публикѣ. Лавровый вѣнокъ уже сплетался для Автора, но еще невидимо.

Въ 1766 году, опредѣленный въ должность Секретаря Посольства къ Саксонскому Двору, Богдановичь отправился въ Дрезденъ съ Министромъ, Княземъ Андреемъ Михайловичемъ Бѣлосельскимъ. Любезность сего Посланника, блестящія собранія въ его домѣ, хорошія знакомства,

(*) Лучшій стихъ въ Поэмѣ.

живописныя окрестности города и драгоцѣнности Искусствъ, въ немъ соединенныя, сдѣлали тамошнюю жизнь весьма пріятною для Богдановича, такъ, что онъ всегда любилъ воспоминать объ ней: она безъ сомнѣнія имѣла щастливое вліяніе и на самый піитическій талантъ его. Но, гуляя по цвѣтущимъ берегамъ Эльбы и мечтая о Нимфахъ, которыхъ они достойны; плѣняясь одушевленною кистію Корреджіо, Рубенса, Веронеза (*), и собирая въ ихъ картинахъ милыя черты для своей *Душеньки*, которая уже занимала его воображеніе, онъ въ то же время описывалъ Конституціи Германіи и соглашалъ удовольствія человѣка свѣтскаго, любителя Искусствъ, Поэта, съ должностію ученаго Дипломата.

Въ 1768 году возвратясь изъ Дрездена, онъ совершенно посвятилъ себя Литтературѣ и Стихотворству; перевелъ разныя статьи изъ Энциклопедіи, Вертотову Исторію бывшихъ перемѣнъ въ Римѣ, мысли Аббата Сен-Пьера о вѣчномъ мирѣ, пѣснь ЕКАТЕРИНѢ Микеля Анджело Джіанетти (за которую имѣлъ щастіе быть представленъ сей великой

(*) Всѣмъ извѣстна Дрезденская картинная галлерея.

Государынѣ); выдавалъ 16 мѣсяцевъ журналъ, подъ титуломъ Петербургскаго Вѣстника, и наконецъ, въ 1775 году, положилъ на олтарь Грацїй свою *Душеньку*. Богдановичь съ удовольствїемъ говаривалъ послѣ о времени ея сочиненїя. Онъ жилъ тогда на Васильевскомъ Острову, въ тихомъ, уединенномъ домикѣ, занимаясь музыкою и стихами, въ щастливой безпечности и свободѣ; имѣлъ прїятныя знакомства; любилъ иногда выѣзжать, но еще болѣе возвращаться домой, гдѣ Муза ожидала его съ новыми идеями и цвѣтами. . . . . Мирныя, неизъяснимыя удовольствїя творческаго дарованїя, можетъ быть самыя вѣрнѣйшїя въ жизни! Не рѣдко призраки суетности и другихъ страстей отвлекаютъ насъ отъ сихъ любезныхъ упражненїй; но какой человѣкъ съ талантомъ, вкусивъ ихъ сладость, и послѣ вверженный въ шумную, дѣятельную праздность свѣта, среди всѣхъ блестящихъ забавъ его не жалѣлъ о плѣнительныхъ минутахъ вдохновенїя? Сильный, хорошїй стихъ, щастливое слово, искусный переходъ отъ одной мысли къ другой, радуютъ Поэта какъ младенца, и не рѣдко на цѣлый день дѣлаютъ веселымъ, особливо, естьли онъ можетъ сообщать свое удовольствїе другу любез-

ному, снисходительному къ его авторской слабости! Оно живо и невинно; самый трудъ, которымъ его пріобрѣтаемъ, есть наслажденіе; а впереди ожидаетъ Писателя благоволеніе добрыхъ сердецъ. Говорятъ о зависти: но ея жалкія усилія не рѣдко еще болѣе способствуютъ торжеству дарованій, и всегда, какъ легкія волны, отражаются твердымъ подножіемъ, на которомъ талантъ возвышается въ честь отечеству, ко славѣ разума и въ память вѣка . . . .

Басня Психеи есть одна изъ прекраснѣйшихъ Миѳологіи и заключаетъ въ себѣ остроумную аллегорію, которую стихотворцы затмили наконецъ своими вымыслами. Древняя басня состояла единственно въ сказаніи, что богъ любви сочетался съ Психеею (душею), *земною* красавицею, и что отъ сего брака родилась *богиня наслажденія*. Мысль аллегоріи есть та, что душа наслаждается въ любви божественнымъ удовольствіемъ. Апулей, славный остроумецъ и колдунъ, по мнѣнію народа Римскаго, сочинилъ изъ нее любопытную и даже трогательную сказку, совсѣмъ не въ духѣ Греческой Миѳологіи, но похожую на волшебныя сказки новѣйшихъ временъ. Лафонтенъ плѣнился ею, украсилъ вымыслъ вымы-

сламиі написалъ складную повѣсть, смѣшавъ трогательное съ забавнымъ и стихи съ прозою. Она служила образцомъ для Руской *Душеньки*; но Богдановичь, не выпуская изъ глазъ Лафонтена, идетъ *своимъ* путемъ и рветъ на лугахъ цвѣты, которые укрылись отъ Французскаго Поэта. Скажемъ безъ аллегоріи, что Лафонтеново твореніе полнѣе и совершеннѣе въ эстетическомъ смыслѣ, а *Душенька* во многихъ мѣстахъ пріятнѣе и живѣе, и вообще превосходнѣе тѣмъ, что писана стихами: ибо хорошіе стихи всегда лучше хорошей прозы; что труднѣе, то имѣетъ и болѣе цѣны въ Искусствахъ. Надобно также замѣтить, что нѣкоторыя изображенія и предметы необходимо требуютъ стиховъ для большаго удовольствія читателей, и что никакая гармоническая, цвѣтная проза не замѣнитъ ихъ. Все чудесное, явно несбыточное, принадлежитъ къ сему роду (слѣдственно и басня *Душеньки*). Случаи неестественные должны быть описаны и языкомъ необыкновеннымъ; должны быть украшены всѣми хитростями Искусства, чтобы занимать насъ повѣстію, въ которой нѣтъ и тѣни истины, или вѣроятности. Стихотворство есть пріятная игра ума, и богатѣе обыкновеннаго языка разнообразнѣе, об

ропами, измѣненіями тона, особливо въ вольныхъ стихахъ, какими писана *Душенька*, и которые, подобно Англійскому саду, болѣе всякаго правильнаго единства обнаруживаютъ умъ и вкусъ Артиста. Лафонтенъ самъ это чувствовалъ, и для того не рѣдко оставляетъ прозу; но онъ сдѣлалъ бы гораздо лучше, естьли бы совсѣмъ оставилъ ее и написалъ Поэму свою, отъ начала до конца, въ стихахъ. Богдановичь писалъ ими, и мы всѣ читали его; Лафонтенъ прозою, и романъ его едва ли извѣстенъ одному изъ пяти Французовъ, охотниковъ до чтенія. Правда, что есть люди, которые не любятъ стиховъ — такъ же, какъ другіе не любятъ музыки и прекрасныхъ женщинъ; но такая антипатія есть чрезвычайность, и мы изъ учтивости — ничего не скажемъ о сихъ людяхъ! (Разсмотрѣніе *Душеньки* и заключеніе сей статьи будетъ въ слѣдующемъ нумерѣ.) *Ц. Ф.*

II.

Исторія слезъ.

Письмо къ одному Англійскому Журналисту.

Государь мой! о чемъ не писали Философы и Моралисты! Сколько напечатано

трактатовъ о длинныхъ носахъ, о любви воробьевъ, о воображенiи мухъ, о башмакахъ Клеопатры, о бородавкѣ Цицероновой! Но одинъ предметъ, и весьма важный, укрылся отъ ихъ вниманiя: никто еще не издавалъ трактата о слезахъ. Я намѣренъ заняться симъ великимъ творенiемъ, которое должно быть любопытно для нынѣшняго и всѣхъ будущихъ вѣковъ. Прошу васъ напечатать слѣдующее объявленiе.

„Исторiя слезъ отъ Евы до нашего „времени, собранная изъ самыхъ вѣрныхъ „источниковъ, подъ надзиранiемъ нѣкоторыхъ знаменитыхъ дамъ, извѣстныхъ „въ Англiи по ихъ слезливости — съ „примѣчанiями ихъ мужей и любовниковъ. Все творенiе должно состоять въ „десяти томахъ, въ большой форматѣ; „а естьли Авторъ, завлеченный прелестiю матерiи, напишетъ еще нѣсколько лишнихъ томовъ, Господа Субскрибенты получатъ ихъ за ту же цѣну.

Содержанiе.

„*Томъ первый.* Происхожденiе и древность слезъ. Ихъ свойство прежде Потопа.

„*Томъ вторый.* Успѣхи слезливости „между древнѣйшими народами. Происхож-

„денїе рыданїя и хныканья. Ученая „диссертацїя о хитрыхъ женахъ и рога„тыхъ мужьяхъ древности.

„*Томъ третїй.* Переходъ слезъ въ „Европу, съ бїографическими извѣстїями „о славныхъ ея плаксахъ. О слезахъ мона„стырскихъ и свѣтскихъ. О Неграхъ и „Сатирахъ Горацїя.

„*Томъ четвертый.* Великобританнїя. „Ариѳметическое изслѣдованїе плачев„ныхъ извѣстїй. Умноженїе слезъ въ се„мействахъ, съ нѣкоторыми отступле„нїями и вводными повѣстями, удиви„тельно жалкими.

„*Томъ пятый.* Исторїя каретъ: ихъ „размноженїе отъ слезъ; анекдоты ни„кому неизвѣстные. Начало истериче„скихъ припадковъ. Здѣсь Авторъ, же„лая развеселить читателя, описываетъ „странныя привычки одного карлы.

„*Томъ шестый.* Происхожденїе бѣ„лыхъ платковъ, вмѣстѣ съ исторїею „Англїйскаго театра. Примѣрное исчи„сленїе слезъ, извлекаемыхъ трагедїею. „Планъ драмы, въ которой всѣ актеры „и зрители должны заплакаться до смер„ти. — *Элизодическїй* взоръ на парики.

„*Томъ седьмый.* Употребленїе луко„вицъ на погребенїяхъ. Разсужденїе о „вовахъ.

„*Томъ осьмый.* Разные источники „слезъ. Искренность тѣхъ людей, кото„рые плачутъ безъ всякой извѣстной имъ „причины. Медицинское изслѣдованіе по„словицы: *плачься Богу, а слезы вода.* — „Доказательство, что Лондонскіе Журнали„сты обязаны щадить Консула Бонапарте.

„*Томъ девятый.* Дѣйствіе слезъ на „дѣла Природы. Піитическія наводненія. „Достовѣрное извѣстіе о дочери одного „мельника, которая, по измѣнѣ своего „любовника, столько плакала, что мель„ничное колесо безъ воды вертѣлось отъ „слезъ ея.

„*Томъ десятый.* Раздѣленіе слезъ „на genera и species, *роды и виды*: на горь„кія, сладкія, сердечныя, кровавыя, „умилительныя и другія, химически „приготовляемыя въ лабораторіяхъ но„выхъ путешественниковъ и романистовъ. „Слезные водопады чувствительности. „Заключеніе.

„При каждомъ томѣ будутъ эстампы „съ изображеніемъ древнихъ и новыхъ „красавицъ въ разныхъ положеніяхъ слез„ливости. Всякой, кто взглянетъ на „нихъ, заплачетъ. Lacrymant Rex et Regi„na! Подписная цѣна 50 копѣй: кто не

„захочетъ такою дешевою цѣною купить „великое удовольствїе надорваться отъ „слезъ?“

III.

Письмо Госпожи Жанлисъ изъ Швейцарїи.

Я была въ гостяхъ у Михаила Шуппажа, чудеснаго Медика, которой съ женою и съ дѣтьми поселился на высокой горѣ, откуда видъ прекрасной и гдѣ воздухъ удивительно чистъ. Онъ совсѣмъ не знаетъ Медицины, но вылечиваетъ почти всѣхъ больныхъ, которые переселяются къ нему жить: дѣйствїе, можетъ быть, горнаго воздуха и дїеты. Его называютъ шарлатаномъ; но истинные шарлатаны не любятъ уединенїя, а живутъ въ городахъ. Михаилъ Шуппахъ заставляетъ своихъ больныхъ много ходить, рано ложиться и вставать, работать въ опредѣленные часы и довольствоваться простою, здоровою пищею. Не лучше ли это всѣхъ пилюль и лекарствъ? Въ домѣ его есть горница, называемая *комнатою для безсонницы.* Въ ней слышенъ безпрестанно шумъ водопада, склоняющїй къ дремотѣ:

это также лучше всякаго опїума. Я желала бы еще, чтобы хозяинъ отъ времени до времени занималъ гостей музыкою (которая можетъ быть лекарствомъ только изрѣдка); чтобы Михаилъ Ш пахъ говорилъ по-Французски, былъ уменъ, чувствителенъ, прїятенъ въ разговорѣ — и тогда сей философической Медикъ на горѣ своей могъ бы назваться первымъ лекаремъ въ свѣтѣ для всѣхъ хроническихъ болѣзней.

Вотъ любопытный анекдотъ, разсказанный мнѣ прїятелемъ Г. Тиссота. Сей славный Медикъ былъ въ дружеской перепискѣ съ Докторомъ и Литтераторомъ Циммерманомъ. Тиссотъ давно уже звалъ его въ Швейцарїю на нѣсколько времени: наконецъ Докторъ Циммерманъ прїѣзжаетъ въ Лозану и — находитъ друга своего въ горячкѣ, въ безпамятствѣ и при дверяхъ гроба; не отходитъ отъ больнаго ни днемъ, ни ночью; даетъ ему лекарства и возвращаетъ здоровье. Тиссотъ, приходя въ чувство, узнаетъ все, чѣмъ онъ обязанъ дружбѣ; но въ самомъ началѣ его выздоровленїя занемогъ Циммерманъ, и Лозанскїй Медикъ имѣлъ случай отплатить ему за дружескую попечительность такою же услугою. Циммерманъ выздоровѣлъ и прожилъ годъ

въ Лозанѣ. Съ того времени сердечная связь сихъ двухъ славныхъ и добродѣтельныхъ мужей продолжалась непрерывно до ихъ смерти.

IV.

Объ учтивости и хорошемъ тонѣ.

У кого нѣтъ враговъ? и самая учтивость имѣетъ ихъ. Многіе изъ сихъ господъ думаютъ, что искренность и прямодушіе состоятъ въ невѣжествѣ; многіе боятся, чтобы ихъ не назвали тонкими обманщиками, и для того обманываютъ грубо. Имъ вольно говорить, что угодно; но то правда, что вѣжливость есть самая благодѣтельная выдумка общежитія, и что она едва ли не болѣе всѣхъ иныхъ добродѣтелей хранитъ родъ человѣческій; не рѣдко обманываетъ, но пріятна: irganni, ma piace! и скрываетъ отъ глазъ людей самое гнусное, самое ужасное чудовище: *эгоизмъ*... Вотъ истинный врагъ общества и всѣхъ его учрежденій! Онъ безпрестанно старается разрушить то добро, котораго могли бы ожидать люди отъ единодушія въ своихъ благодѣтельныхъ намѣреніяхъ.

Къ нещастью, вездѣ и все *эгоизмъ* въ человѣкѣ; страсти суть ничто иное, какъ слѣпой *эгоизмъ*; разсудокъ *эгоизмъ* умной, честность *эгоизмъ* боязливой, а добродѣтель *эгоизмъ* побѣжденный. Учтивость не пугаетъ, не истребляетъ, но скрываетъ его: сей легкій покровъ можетъ быть иногда лучше тяжелыхъ цѣпей. Положимъ, что она маска; но эта маска есть не рѣдко эгида. Всего лучше назвать вѣжливость общею посредницею личностей и разныхъ выгодъ самолюбія. Она конечно есть только образъ благоволенія и скромности; но всегда принимая на себя видъ добродѣтелей и говоря языкомъ ихъ, учтивость во многихъ случаяхъ хранитъ насъ отъ зла, какъ позолота хранитъ мѣдь отъ ядовитой ржавчины.

Разсмотрите видъ, изъясните слова ея — вотъ общій смыслъ ихъ: „Мы показываемъ, что не хотимъ слѣдовать „обыкновенію людей, думающихъ единственно *о себѣ*; что занимаемся единственно *другими*; что по крайней мѣрѣ „въ сію минуту забываемъ собственную „пользу; что увѣренные въ своей маловажности и превосходствѣ другихъ умовъ, „хотимъ вникать только въ ихъ идеи, „отказываясь отъ нашихъ; хотимъ, „однимъ словомъ, въ чувствахъ, вкусѣ и

„тонѣ слѣдовать *другимъ*, и не только не „ставимъ себя выше ихъ, но считаемъ „за великое удовольствїе, за честь и славу „*итти за ними*“ и проч. и проч. Сїе обыкновенїе, общее и весьма древнее, произвело наконецъ какое-то единство въ словахъ, въ голосѣ, въ видѣ и поступкахъ, которое вездѣ отличаетъ людей хорошо воспитанныхъ; оно служитъ какою-то ливреею для Морали и Физики нашей, данною не Природой, а гражданскимъ обществомъ. Всякой, по своему разумѣнїю, составляетъ себѣ идею о лучшемъ образцѣ и старается ему слѣдовать. Розница выходитъ отъ того, что у всякаго особенные глаза; смотримъ на одно, но видимъ разное; и хотя часто изъявляемъ презрѣнїе къ *большему числу* людей, однакожь, не смотря на то, съ нимъ желаемъ соображаться въ мысляхъ; ибо иначе не осуждали бы мы людей словами: *это не водится*; *никто такъ не думаетъ*, *не постулаетъ*, и многими другими обыкновенными выраженїями, означающими единственно то, что вѣжливость и *хорошїй тонъ*, изобрѣтенный ею, есть взаимное *сближенїе* людей, въ которомъ всякой участвуетъ своимъ примѣромъ, и въ которомъ лучшїй подражатель дѣлается совершеннѣйшимъ образцомъ.

Хорошій тонъ есть средній между всѣми: такъ красота есть средняя форма между всѣми формами. Совершенство ихъ состоитъ въ томъ, чтобы удаляться отъ крайностей и приближаться, сколько можно, ко всѣмъ различіямъ. Надобно держаться средины между излишностію и недостаткомъ.

На примѣръ, ни въ какой землѣ самые толстые или самые худые люди не называются стройными: иначе водяная болѣзнь или чахотка сдѣлалась бы красотою. Такимъ образомъ и лучшій тонъ не есть ни самой вольной, ни самой униженной: иначе какой нибудь Маскариль, лакей или провинціальной Секретарь, сдѣлались бы нашими образцами.

Замѣтимъ еще другое сходство между красотою и *хорошимъ тономъ*: въ нихъ обоихъ есть нѣчто опредѣлительное, существенное и много условнаго. Во всѣхъ земляхъ лучшій свѣтскій человѣкъ есть тотъ, который показываетъ въ себѣ лучшее воспитаніе, тонкой вкусъ, умѣетъ нравиться благоразумнымъ людямъ; но обыкновенія различны: Нѣмецкія привѣтствія не годятся во Франціи; тонъ Марсельской не нравится въ Парижѣ. Можно сказать, что вездѣ одна церковь, но обряды въ каждомъ приходѣ особенные.

Такимъ же образомъ во всѣхъ земляхъ согласно думаютъ, что красота вообще есть самое лучшее сообразованїе съ цѣлїю Натуры; но мнѣнїя и вкусы различны въ подробностяхъ. Англїя въ разсужденїи сего не согласна со Францїею, Турецїя съ Англїею, Тартарїя съ Турецїею —

И естьли наша красота
Захочетъ странствовать по свѣту,
То, приближаяся къ Тибету,
Она ужь будетъ — дурнота!

Въ Музыкѣ нѣтъ нотъ для фальшивыхъ звуковъ: такъ и для разговора не льзя означить всѣхъ возможныхъ ошибокъ противъ *хорошаго тона*. Правда, что сїя часть имѣетъ своихъ Юрисконсультовъ, которые стараются опредѣлять мѣру преступленїй; но сїи Кодексы не будутъ никогда общими. Во всякомъ уголкѣ свой *тарифъ*, свой особенный законъ, которому надобно повиноваться.

Тамъ Римъ, гдѣ я живу!

Замѣтимъ единственно то, что въ свѣтскомъ искусствѣ, подобно какъ и въ другихъ, можно проступиться излишностїю и недостаткомъ, отъ невѣдѣнїя и чрезмѣрной старательности; второе еще хуже перваго. Кто не знаетъ, что самая

излишняя *красивость* во многихъ случаяхъ есть важнѣйшая ошибка противъ *хорошаго тона*, нежели излишняя простота? Большинство, дающее законъ, есть судья въ собственномъ дѣлѣ: оно хочетъ удержать свои права, и скорѣе извинитъ недостатки, нежели намѣренїе превзойти его. Во всякомъ вольномъ соединенїи людей будь товарищемъ, а не властелиномъ!

И такъ естьли бы надлежало мнѣ дать совѣтъ молодому прїятелю въ разсужденїи свѣтскаго искусства, то я сказалъ бы ему: *бойся отличаться отъ людей, и не желай казаться лучше другихъ.* Желанїе превосходства хорошо во всемъ, что требуетъ усилїй и работы; но *разговоръ* не требуетъ ихъ: онъ выдуманъ для отдохновенїя, и есть не война, а развѣ одинъ *парадъ.* Бѣда солдату, который, желая лучше показать себя, выдетъ впередъ и разстроитъ линїю!

Надобно *сойтись* въ разговорѣ: для того надобно соображаться. Самолюбїе удивительнымъ образомъ щекотливо; оно мѣряется со всѣмъ, окружающимъ его, и ненавидитъ превосходное. Напрасно умъ велитъ покориться: самолюбїе не хочетъ унизить себя, и въ минуту скромности можетъ удовольствоваться однимъ равенствомъ.

Общество есть братство; всякому новому Члену говорятъ: „Ты можешь „имѣть выгоды, которыхъ мы не имѣемъ; „но скрывай ихъ: *иначе не будетъ обще-„ства!* Ты богатѣе насъ; но естьли за-„хочешь ослѣплять другихъ пышностїю, „то *не будетъ общества!* Ты лучше насъ; „но естьли всякую минуту станешь „глядѣться въ зеркало, то *не будетъ „общества!* Ты ученъ; но естьли вздумаешь доказывать наше невѣжество, „то *не будетъ общества!*“ ... Когда же гордой умникъ не воспользуется наставленїемъ, ему скажутъ (или надлежало бы сказать): „Ты не исполнилъ условїя; „не любишь равенства, согласїя (впро-„чемъ, *минутнаго*), и *средняго тона*, прїятнаго душамъ нѣжнымъ; ты разру-„шаешь основанїе и прелесть разговора: „и такъ поди отъ насъ; не хотимъ обхо-„диться съ тобою; не хотимъ игрока, „который воруетъ!“

(*Изъ Фран. Жур.*)

V.

Кладбище въ Цугѣ, горномъ Кантонѣ Швейцаріи.

(Изъ Souvenirs de Félicie.)

Пріѣхавъ въ Цугъ, я спѣшила, въ 7 часовъ утра, видѣть самую любопытнѣйшую вещь сего мѣста: народное кладбище. Никто изъ извѣстныхъ путешественниковъ не упоминаетъ объ немъ, и для того опишу его.

Всѣ монументы кладбища совершенно одинаковы, и состоятъ изъ четвероугольныхъ дикихъ камней, сѣрыхъ, гладко вытесанныхъ, въ три фута вышиною, съ надписью и съ большимъ крестомъ, жарко вызолоченнымъ. Всякой монументъ окруженъ прекрасными садовыми цвѣтами. Безъ реторической фигуры можно сказать, что они слезами орошаются: ибо горестная любовь и дружба посадили ихъ. Могилы обведены рвами, чтобы цвѣты не мѣшались одни съ другими. Кладбище, весьма пространное, окружено низенькою решеткою и служитъ народнымъ гульбищемъ. Вдали представляются высокія горы, образуя величественный амфитеатръ. Воздухъ напитанъ ароматическими испареніями: я ни въ какомъ

саду не видала такого множества благовонныхъ цвѣтовъ. Горе дерзкому, который осмѣлился бы сорвать хотя одинъ изъ нихъ! его сочли бы нарушителемъ святѣйшаго закона любви и почтенія къ мертвымъ друзьямъ. Въ праздники кладбище представляетъ неизъяснимо плѣнительную картину: я видѣла ее въ Воскресенье. Дерева, посаженныя вокругъ могилъ, вызолоченные кресты и самые гробы украшаются цвѣтными гирландами и вѣнками. Это напоминаетъ древнїе обычаи Грецїи. Въ глазахъ моихъ прелестныя молодыя женщины и старцы приходили съ сею горестною жертвою любви и клали ее на могилы. Они молчали; но такое меланхолическое и трогательное дѣйствїе не имѣетъ нужды ни въ гимнахъ, ни въ языкѣ: оно само по себѣ краснорѣчиво, выражая любовь, сожалѣнїе и вѣрность. Необыкновенная для насъ одежда Швейцаровъ дѣлаетъ сїю картину еще занимательнѣе. Всѣ эпитафїи написаны на языкѣ Нѣмецкомъ, какимъ говоритъ народъ.

Такое нѣжное воспоминанїе мертвыхъ должно имѣть влїянїе на общественные нравы, питаетъ въ сердцахъ трогательныя, добродѣтельныя чувства, и главныя бѣдствїя человѣческой жизни, смерть

и горесть, обращаетъ въ моральное наставленіе. Пирамиды и столбы на большихъ дорогахъ означаютъ для путешественниковъ разстояніе мѣстъ: гробницы, по землѣ разсѣянныя, показываютъ намъ необходимый предѣлъ житейскаго странствія. Не однѣ печальныя мысли ожидаютъ человѣка на могилахъ: тамъ часто находимъ и любезныя, утѣшительныя!.. тамъ оставляютъ насъ всѣ ничтожныя заботы, которыя, не обѣщая сердцу и минутнаго блаженства, волнуютъ и безпокоятъ его; тамъ страсти и суетность безмолвствуютъ, умъ и мысли возвышаются; тамъ легко рѣшиться на кроткое терпѣніе, легко забыть несправедливость и простить неблагодарнаго! Гробъ теменъ и безмолвенъ только для атеиста; но душа, которая вѣритъ Богу, видитъ въ немъ лучь небесной истины и свѣтозарной, необманчивой надежды. . . .

Древніе нанимали женщинъ плакать на погребеніяхъ, рвать на себѣ одежду и волосы: сіе обыкновеніе хранится и въ Швейцаріи. Вѣроятно, что прежде слезы были непритворныя; но когда нравы измѣнились, тогда жены и дочери вообразили, что *чувствительность* не позволяетъ имъ быть свидѣтельницами печальныхъ

обрядовъ, и мѣсто ихъ заступили другія, для слезъ нанимаемыя женщины. Хорошо и то, что сіи наружные знаки горести еще сохраняются: народы, менѣе добродѣтельные, уже отмѣнили ихъ. Скоро, можетъ быть, отмѣнятъ и трауръ: тогда, освобожденные отъ всякаго принужденія, безстыдная жена и развратный сынъ дерзнутъ явиться на общественныхъ увеселеніяхъ черезъ нѣсколько часовъ по смерти мужа или отца; тогда явно увидятъ всю жестокость дурныхъ сердецъ, и сей примѣръ будетъ заразителенъ.

Лудовикъ XVI сократилъ во Франціи время траура *для пользы нашихъ мануфактуръ*: новое доказательство, что роскошь всегда и во всемъ противна благонравію! — Въ Голландіи вдова носитъ трауръ два года, и въ первые шесть мѣсяцевъ не можетъ выйти изъ дому безъ длиннаго чернаго покрывала. — Отъ чего въ Китаѣ любовь дѣтей къ родителямъ безпредѣльна? Отъ того, что Китайцы болѣе всѣхъ другихъ народовъ занимаются священною памятію мертвыхъ, и три года, по смерти отца или матери, носятъ печальную одежду.

VI.

Недовольный.

(Переводъ изъ Декады.)

Бываютъ въ свѣтѣ чудные люди, которые родятся для того, чтобы забавлять насъ и — приводить въ разсудокъ. Я не давно познакомился съ такимъ человѣкомъ. Исторія его могла бы наполнить нѣсколько томовъ; но у меня нѣтъ ни времени, ни охоты писать ее. Разскажу только главныя обстоятельства его жизни.

Джїакомо Делла Бокка родился въ Италїи на берегахъ Тибра, не далеко отъ славнѣйшаго города въ мїрѣ. Онъ имѣлъ удивительную склонность быть вѣчно недовольнымъ. Двадцати лѣтъ отъ рожденїя Философъ нашъ успѣлъ перебрать въ головѣ своей всѣ правленїя, и не нашелъ ни котораго изъ нихъ по мыслямъ. Одинъ тронъ былъ основанъ на развалинахъ вольности; другой клонился къ паденїю; на третьемъ царствовалъ порочный Государь; здѣсь нѣтъ законовъ, тамъ ихъ слишкомъ много. Въ одной Республикѣ уважалось только богатство; въ другой видны были — однѣ маски; третья составлена изъ купцовъ; четвертая изъ гордыхъ Олигарховъ; пятая и

шесная — не стоятъ того, чтобы говорить объ нихъ. Однимъ словомъ, какъ ни много въ свѣтѣ Монархій и Республикъ, Господинъ Делла Бокка при имени ихъ всякой разъ хмурилъ брови и шаталъ головою: ни которая не имѣла щастія ему нравиться. Нѣжные и чрезмѣрно богатые родители его внутренно сокрушались, видя въ любезномъ сынѣ своемъ такой мрачной характеръ. Они предложили ему путешествовать.

Другое затрудненіе! Какая земля можетъ полюбиться человѣку, рожденному подъ яснымъ небомъ Италіи, среди красотъ Природы, древняго и новаго Искусства? Нужды нѣтъ — Господинъ Делла Бокка согласился ѣхать, чтобы *наблюдать человѣчество*, сравнять людей и сдѣлать *рѣшительной приговоръ для вѣковъ и потомства.*

Куда же отправиться? Въ Англію? тамъ сыро, туманно, и солнце изъ году въ годъ показывается; тамъ жгутъ земляные уголья, ѣдятъ сырую говядину, и народъ такъ *воленъ*, что можетъ дурачить иностранца. Худо! Нѣтъ, мы не поѣдемъ въ Англію.

Развѣ въ Швецію? за чѣмъ? смотрѣть желѣза? — Въ Пруссіи одни солдаты; въ Нѣмецкой Имперіи однѣ церемоніи и *фоны*;

въ Россіи отморозишь носъ; въ Швейцаріи только доятъ коровъ; въ Голландіи дымно отъ трубокъ; въ Брабантѣ не здоровъ воздухъ; въ Турецціи запираютъ женщинъ; въ Польшѣ хвастаютъ и пьютъ, а Господинъ Делла Бокка любитъ истину и трезвость. Мать его имѣла близь Варшавы наслѣдственное помѣстье; но онъ желаетъ путешествовать не для сбора доходовъ, а только для удовольствія и разсѣянія. Единообразное щастье ему наскучило. Г. Делла Бокка думаетъ: „нѣтъ ли такой земли, гдѣ бы климатъ „былъ самой умѣренной, времена года „пріятнымъ образомъ различны, женщины „любезны, веселы, умны; мущины привѣтливы, забавны, иногда смѣшны и всегда „смѣшливы? ... Да! да!" ... и Господинъ Делла Бокка ѣдетъ въ Парижъ.

Какъ ни богатъ удовольствіями сей городъ, но онъ не могъ удовлетворить темнымъ желаніямъ безразсуднаго, который самъ не зналъ, чего хотѣлъ. Женщины не совсѣмъ ему нравились: ихъ взоры излишно смѣлы; скромность не потупляетъ ихъ глазъ въ землю; онѣ улыбаются *не-хотя*; бываютъ въ разсѣяніи съ умыслу; смотрятъ на вещь, которой не видятъ, чтобы видѣть другую, на которую не смотрятъ; слушаютъ безъ

вниманія; привѣтствуютъ того, кто имъ несносенъ; не выпускаютъ изъ рукъ лорнета, не имѣя въ немъ нужды; обращаютъ на себя всѣ глаза, и показываютъ, что не знаютъ того. Хлоя, желая, чтобы видѣли руку ея, безпрестанно поправляетъ волосы свои, которые ни мало не мѣшаютъ ей; взоръ Эмиліи давно бы угасъ безъ огня желаній или зависти; на щекахъ Алины цвѣтутъ бѣлила и румяна. Онъ не сказалъ мнѣ своего заключенія о мущинахъ; знаю только, что Г. Делла Бокка уѣхалъ въ Америку.

Война кончилась, и новый свѣтъ представилъ Европѣ новый образъ правленія, который могъ бы заслужить вниманіе нашего Мизантропа. Но онъ пріѣхалъ туда съ больнымъ характеромъ своимъ. Вся жизнь казалась ему безпрестанною зѣвотою скуки; утро походило на вечеръ, а день на день. Сверхъ того Американскіе законодатели могли бы гораздо лучше воспользоваться обстоятельствами и нравами земли своей. Что касается до Природы, то она сіяла тамъ въ великолѣпномъ разнообразіи своемъ не для Господина Делла Бокка; древніе, величественные лѣса, большія рѣки, шумные водопады, удивительныя растѣнія, животныя, укрылись отъ его вниманія.

Я не хочу скитаться по свѣту съ Господиномъ Делла Бокка, и читатель дозволитъ мнѣ отпустить его одного въ Индїю и въ Африку, чтобы тамъ осуждать все: обычаи и законы. Онъ находилъ, что дикїе народы слишкомъ дики, а просвѣщенные слишкомъ далеки отъ Натуры.

Черезъ десять лѣтъ Джїакомо возвратился въ Европу, въ самое то время, какъ три великїя Державы безъ его спросу раздѣлили Польшу и конфисковали наслѣдственныя помѣстья нашего Философа. Это могло бы всякому не полюбиться; но Господинъ Делла Бокка занимался только главнымъ основанїемъ гражданскихъ обществъ, не думая о частныхъ дѣйствїяхъ. Вотъ какимъ разсужденїемъ онъ утѣшилъ себя: „Естьли бы я имѣлъ „дѣло съ однимъ Государемъ, то сталъ „бы искать и просить; но жаловаться „тремъ вмѣстѣ, изъ которыхъ одинъ „можетъ отправить меня въ царство „инея, другой посадить въ крѣпость, а „третїй *завербовать* въ солдаты, есть „предпрїятїе неблагоразумное и дерзкое.“ Онъ успокоился, и не думалъ болѣе о своихъ помѣстьяхъ.

Вдругъ Господинъ Делла Бокка слышитъ, что великая нацїя въ Европѣ перемѣняетъ свои законы: какой празд-

никъ для изобрѣтателя совершенныхъ Конституцій и Критика всего, что было и есть въ Политикѣ! Онъ скачетъ безъ памяти во Францію, дружится съ новыми законодателями, судитъ, трудится съ ними и радуется общимъ ихъ твореніемъ; но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ оно исчезаетъ съ дымомъ. Надобно снова трудиться: та же участь! третія, четвертая Конституція готова — и все не на долго!

Между тѣмъ, какъ Господинъ Делла Бокка мѣшался не въ свое дѣло, злые люди вмѣшались въ его собственность и взяли ее себѣ. Революція дошла до Рима, и Джіакомо узналъ, что онъ, по какому-то новому закону, уже ничего не имѣетъ. Эта бѣда произвела щастливыя для него слѣдствія. Онъ долженъ былъ воспользоваться своими талантами и работать, чтобы не умереть съ голоду; а работа выгнала скуку изъ его сердца. Господинъ Делла Бокка не имѣлъ уже времени осуждать законодателей и заниматься образованіемъ Государствъ.

Бывъ свидѣтелемъ всѣхъ феноменовъ Революціи, онъ примѣтилъ, что людямъ ничѣмъ угодить не возможно. Сперва кричали; а послѣ испугались, и всякой прятался въ нору. Сдѣлалась перемѣна: новой шумъ! сдѣлалась другая: новыя жа-

лобы! Наконецъ явился порядокъ; у злыхъ людей отняли средство вредить, и доброй человѣкъ могъ засыпать покойно, безъ ужасныхъ воспоминаній прошедшаго дня и не боясь слѣдующаго. Что же? тѣ, которые всего болѣе желали тишины, вдругъ начали хвалить ее сквозь зубы, не договаривать, шептать другъ другу на ухо, пожимать плечами, вздыхать, и проч. и проч.

Удивленный такою перемѣною, Господинъ Делла Бокка вошелъ въ дамскія общества. Тамъ свои неудовольствія! Старухи жаловались, что нынѣшніе Французы забыли учтивость и совсѣмъ не думаютъ нравиться; а молодыя красавицы говорили съ ужасомъ, что Консулъ хочетъ ввести строгое благонравіе и не любитъ нѣкоторыхъ модъ, столь любезныхъ и выгодныхъ для прелестей!

Наконецъ Господинъ Делла Бокка заключилъ, что животное, называемое человѣкомъ, есть непонятное животное, и что люди всегда готовы жертвовать истиннымъ благомъ пустой мечтѣ своей. Джіакомо признался, что онъ самъ, играя ролю вѣчнаго Аристарха, былъ смѣшенъ въ глазахъ разсудка — и совершенно исправился отъ сего порока. Такимъ образомъ неудовольствие другихъ

людей излечило его отъ собственнаго неудовольствія.

VII.

Анекдоты и мысли, переведенныя изъ Французскихъ Журналовъ.

Не давно одинъ молодой человѣкъ, гуляя въ Тюльери при захожденіи солнца, смотрѣлъ на него съ великимъ вниманіемъ и вдругъ закричалъ: *мое лучше, мое лучше!* Угадайте, кто онъ?.. Стихотворецъ, написавшій Поэму, въ нѣсколько сотъ стиховъ, на захожденіе солнца!

На сихъ дняхъ одинъ сумасшедшій ходилъ нагой по улицамъ и носилъ на плечахъ аршинъ пять сукна. Для чего ты (спросили у него) не велишь сдѣлать себѣ кафтана, когда у тебя есть сукно? *Я жду, чтобы уставилась мода*, отвѣчалъ онъ: *мнѣ не хочется употребить сукна на такой кафтанъ, который, вышедши изъ рукъ портнаго, выдетъ уже изъ моды.*

„Важное открытіе для старыхъ женщинъ!" говоритъ одинъ Журналистъ: „нашли составъ, который оживляетъ круговращеніе сока въ вянхомъ деревѣ,

сводитъ съ него старую кору и замѣняетъ ее новою!"

Лафатеръ умеръ, но физіогномическія наблюденія не пресѣклись. Въ новой Французской Библіотекѣ Романовъ находится слѣдующее: *верхняя губа изображаетъ вкусъ, склонности, желанія и чувство любви. Гордость и гнѣвъ сжимаютъ ее, тонкой умъ дѣлаетъ тонѣе, добродушіе круглѣе, а излишнее любострастіе распускаетъ до безобразія.*

Капиталъ ума, говоритъ Боркъ, не великъ въ одномъ человѣкѣ. Людямъ надобно пользоваться общимъ банкомъ и капиталомъ вѣковъ и народовъ.

Лизимонъ ищетъ въ Линданѣ. Соглашаюсь (сказалъ ей мужъ), что добродѣтель не великое сокровище; но Лизимонъ не стоитъ даже и добродѣтели!!

Одинъ Парижской остроумецъ говоритъ, что ему въ какомъ-то женскомъ Клубѣ случилось видѣть три бюста славныхъ Авторовъ: Томаса, Руссо и Дидерота, которые много писали о женщинахъ. Первый (кажется) читаетъ, второй задумался, третій проповѣдуетъ. Бюстъ Томасовъ сдѣланъ изъ выкрашеннаго алебастра, Руссовъ изъ вызолоченной бронзы, Дидеротовъ изъ *дикой лавы.*

Мольеръ слишкомъ воленъ для слуха нашихъ Дамъ, а флеръ слишкомъ толстъ для ихъ платья. Для набожности ихъ не довольно общественной Религіи, а для роскоши имѣнія мужей.

Мудрый не раскаивается, а исправляется. Народъ не исправляется, а раскаивается. Женщины не исправляются, не раскаиваются, а только каются. Покаяніе есть удовольствіе женщинъ, когда уже всѣ другія удовольствія для нихъ исчезаютъ.

Отъ чего любовники убиваютъ себя чаще любовницъ? отъ того, что женщинѣ, природно набожной и стыдливой, труднѣе рѣшиться на дѣло противное Религіи и слишкомъ гласное. Любовникъ бросается въ гробъ, а любовница сходитъ въ него. Болѣе любовниковъ умираетъ отъ яду или желѣза, болѣе любовницъ умираетъ отъ горести.

Вы боитесь потомства? . . Бѣдные люди! взгляните на себя и на другихъ: мы также потомство! и какихъ людей! Сократа, Аристиппа, Тимолеона, Катона, Брута! . . . Признайтесь, что это судилище болѣе смѣшно, нежели ужасно. . . Но въ отдаленіи предметы кажутся иногда гораздо страшнѣе, нежели вблизи.

Сикаръ спросилъ у Массьё, нѣмаго и глухаго ученика своего: что есть время? Массьё отвѣчалъ знаками: „черта съ двумя концами; путь, который начинается въ колыбели и кончится во гробѣ.“ — Что есть вѣчность? — „Черта безконечная или кругъ; день безъ вчерашняго и завтрашняго дня.“ — Что такое щастїе? — „Удовольствїе безпрестанное.“ — Что такое Революцїя? — „Дерево, поставленное вверхъ корнемъ.“

VIII.

Башмакъ, или мѣрка равенства.

Басня.

„Да что ты, долгой, возмечталъ?
Я за себя и самъ, братъ, стану!“
Грудцою наскочивъ, сказалъ
Какой-то карликъ великану:
„Твои, мои права одни.“ —
Не спорю, что равны они
(Тотъ отвѣчаетъ безъ задору):
Но мой башмакъ тебѣ не въ пору.

* * *

IX.

Эпитафія Эпитафіямъ, сочиненная однимъ изъ Авторовъ Эпитафій.

Прохожій! пусть тебѣ напомнитъ этотъ стихъ,
Что все *часъ* подъ небесами:
По утру плакали о смерти мы другихъ,
А къ вечеру скончались сами!

* * *

X.

Ботъ, Нева и Море.

Басня.

Въ Петрополѣ жилъ двувесельный ботъ.
Безъ дальнихъ онъ хлопотъ
Перевозилъ народъ,
Купцовъ, Господъ,
Отъ Пантелеймона черезъ Фонтанку въ саду.
Ему казалась жизнь подобна аду;
Не лѣто мучился онъ — пятой годъ.
Судьбу свою клянетъ и стонетъ;
Кричитъ: „когда со мной хозяинъ мой потонетъ?

Конечно здѣсь въ столицѣ онъ
Харонъ!

Тому платили мертвы,
А мы съ живыхъ сбираемъ жертвы.
Проклятой человѣкъ!

Живу, какъ въ Римѣ я, не знаю Папы вѣкъ.
Сажень шагнуть, — Нева; версту, — готово море;

Но въ этомъ все и горе,
Для муки и бѣды,
Что я, Нева, твоей не видывалъ воды!
Умѣлъ бы, какъ другой, я парусы раскинуть;
Катать съ музыкою, и въ бурю не погибнуть;
Хоть въ море за Кронштатъ, готовъ летѣть туды;

Я съ маленькимъ кормиломъ
Пущуся въ запуски съ *Рафайломъ*, *Урїиломъ*;
Не струшу отъ сѣдыхъ валовъ!" —
Зевесъ не дремлетъ;
Пустыя часто прозьбы внемлетъ.
Едва промолвить ботъ успѣлъ десятокъ словъ,
Летитъ Борей и дуетъ;
Крутитъ садову пыль и на Невѣ бунтуетъ.
Кичливости и силы полнъ,
Открылъ онъ челюсти свирѣпыхъ въ морѣ волнъ;

Безъ мысли оторвалъ веревку бота.
Гдѣ очутился ботъ?
Исполнилась охота.

Онъ самъ, какъ и Борей, летитъ средь Невскихъ водъ;
На Стрѣлку хочетъ дуть; къ Подзорному несется;
Но дно трясется;
Потомъ
Вверхъ дномъ
Кувыркается онъ безъ боку;
Въ щепы разсыпался, и мысль высоку
Въ Неву спустилъ.
Вотъ на Фонтанкѣ бы — подолѣ жилъ!

Гр. Дм. Х.

ПОЛИТИКА.

I.

О долгахъ Великобританніи.

(Изъ Англійскаго Журнала.)

Хотя великіе расходы войны, усилія и жертвы, которыхъ она требовала, почти вдвое умножили наши долги, однакожь Министры могутъ говорить справедливо, что Англія никогда, заключая миръ, не бывала такъ богата, какъ нынѣ; мы должны болѣе, но за то имѣемъ и болѣе доходовъ.

Надобно также замѣтить, что слово *долги* не имѣетъ въ семъ случаѣ обыкновеннаго смысла; народъ долженъ процентами, а не капиталомъ. Заимодавецъ не думаетъ о возвращеніи суммы, а желаетъ только всегдашняго дохода; онъ можетъ получить ее обратно единственно отъ частныхъ людей, естьли предастъ имъ свой доходъ. Другими словами: заимодавецъ Англіи можетъ располагать не капиталомъ, за который онъ получаетъ ежегодный доходъ, а только процентами. Правительство иногда воз-

вращаетъ капиталы, но единственно по своему желанїю, находя въ томъ для себя выгоды. И такъ наши долги не суть обыкновенные: ибо Правительство не обязано возвратить капитала, платя вѣрно проценты. Споръ можетъ быть только о большей или меньшей соразмѣрности между доходами народа и сими процентами.

Неизчислимость долговъ нашихъ удивитъ всякаго, и многїе не повѣрятъ, чтобы государство, ими обремененное, могло быть въ цвѣтущемъ состоянїи. Чтобы изъяснить сїе чудо, надобно сравнять долги съ богатствомъ государственнымъ. Тягость ихъ легка для Англїи, подобно тягости воздуха, который со всѣхъ сторонъ окружаетъ и жметъ насъ, но только нечувствительнымъ образомъ, и ни мало не препятствуя нашимъ свободнымъ движенїямъ.

Однакожъ, не смотря на то, большой долгъ есть зло. Привычка издерживать великїя суммы сверхъ доходовъ можетъ имѣть опасныя слѣдствїя. Заемъ хорошъ только въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, и предполагаетъ, что со временемъ не будетъ сей нужды. Тогда единственно Англїя освободится отъ бремени долговъ, когда доходы ея безъ новаго займа превзойдутъ издержки, и Правитель-

ство будетъ ежегодно возвращать капиталы. Для сего необходимы долговременный миръ и тишина. Естьли всякой годъ станемъ прибавлять 20 милліоновъ къ расходамъ и 40 къ нашему долгу, то коммерція и народный кредитъ наконецъ ослабѣютъ, и мы рано или поздно не минуемъ банкрутства; всѣ связи частныхъ людей съ Правительствомъ разорвутся, и наша мудрая, благодѣтельная Конституція исчезнетъ вмѣстѣ съ богатствомъ.

II.

Георгъ Томасъ, солдатъ въ Англіи и царь въ Индіи.

(Письмо изъ Индостана отъ 20 Августа 1802.)

Георгъ Томасъ, Ирландецъ, служилъ солдатомъ на Англійскомъ кораблѣ въ Индіи, бѣжалъ, щастливо добрался до Гидерабада, столицы Низамской, и нѣсколько времени былъ тамъ въ военной службѣ; но видя, что сей путь не обѣщаетъ ему особенныхъ выгодъ, снова бѣжалъ, скитался изъ земли въ землю и пришелъ наконецъ въ Сумну, небольшое Королевство въ пятидесяти миляхъ отъ

Дели. Тамъ царствовала Королева Бегума: она взяла его въ свою службу, полюбила, сдѣлала Губернаторомъ провинціи и выдала за него дочь свою. Издержки ея двора превосходили расходы: Томасъ сдѣлалъ экономическую реформу и заставилъ Королеву отпустить нѣкоторыхъ Французовъ, которые брали жалованье, не будучи ни мало полезными.

Въ это время Сеики напали на ея области. Томасъ собралъ войско и пошелъ къ нимъ на встрѣчу. Хитрые Французы, жившіе въ столицѣ безъ жалованья, воспользовались его отсутствіемъ, оклеветали Томаса и нашли способъ увѣрить Королеву, что онъ хочетъ свергнуть ее съ трона. Она, желая изъявить гнѣвъ свой на прежняго любимца, всячески оскорбляла жену его. Томасъ возвратился съ побѣдою, нашелъ вмѣсто благодарности одну злобу, и произвольно выѣхалъ изъ Королевства Бегумы, безъ денегъ и сокровищъ — что доказываетъ его великое безкорыстіе: ибо онъ, будучи Губернаторомъ провинціи, которая приносила Королевѣ ежегодно 70,000 рупій, удвоилъ сей доходъ благоразумною экономіею.

Это случилось въ 1795 году. Томасъ вошелъ въ службу Марапскаго Князя, именемъ Апла Ровкдида, который велѣлъ

ему составить нѣсколько полковъ, выучить ихъ, и брать нужныя для того суммы изъ доходовъ одной провинціи. Но сихъ денегъ недоставало для содержанія войска, и Томасъ издержалъ свои, чтобы солдаты не разбѣжались. Между тѣмъ Князь Маратской утонулъ, не заплативъ ему долгу. Предпріимчивой Томасъ объявилъ себя владѣтелемъ провинціи, ему отданной; умножилъ войско, началъ воевать, побѣждалъ и распространилъ границы своего маленькаго Королевства. Часто бывалъ онъ союзникомъ разныхъ сосѣдственныхъ Князей, между собою воюющихъ, и получалъ съ нихъ деньгами по 50,000 рупій въ мѣсяцъ.

Нещастіе постигло Королеву Бегуму: измѣнники лишили ее власти и посадили въ темницу. Великодушный Томасъ забылъ ея несправедливость, вспомнилъ одну прежнюю любовь, спѣшилъ освободить Бегуму, разбилъ ея непріятелей и возвратилъ ей Королевство.

Онъ становился время отъ времени смѣлѣе, и завоеваніями расширялъ предѣлы своего владѣнія. Столичнымъ городомъ его былъ Гонзекъ, одна изъ лучшихъ крѣпостей въ Индіи, означенная на нѣкоторыхъ картахъ, миляхъ въ осьмидесяти отъ Дели. Оттуда сей Герой часто напа-

далъ на владѣнія Сеиковъ, всегда билъ ихъ и завоевалъ на берегахъ Сопледча большую область, которая ежегодно приносила ему 100,000 рупій.

Мараты не могли видѣть равнодушно успѣховъ сего предпріимчиваго сосѣда. Сперва они желали взять Томаса въ свою службу съ его арміею, но не могли согласиться съ нимъ въ условіяхъ; послѣ чего объявили ему войну и выслали противъ него своего Генерала Перру. Кажется, что сей Французъ не хорошо исполнилъ должность свою: Томасъ заключилъ съ нимъ миръ и самъ предписалъ ему условія. Тогда было у него 10,000 человѣкъ пѣхоты, 1000 конницы и 50 пушекъ: съ симъ войскомъ онъ далъ нѣсколько сраженій Маратамъ, всегда билъ ихъ, но не могъ побѣдить совершенно непріятелей многочисленныхъ, и довольствовался тою славою, что Мараты, столь ужасные въ Индіи, боялись его.

Сіи непріятели храбраго Томаса, видя, что не могутъ одолѣть его оружіемъ, вздумали прибѣгнуть къ другому вѣрнѣйшему, хотя и безчестному средству: они подкупили его Генераловъ, которые измѣнили ему. Оставленный войскомъ, онъ могъ укрыться только въ крѣпости, бывшей отъ него во 150 верстахъ: Томасъ въ

одну ночь прискакалъ туда верхомъ, заключился съ небольшимъ числомъ вѣрныхъ воиновъ, и съ удивительною храбростїю оборонялся; но скоро и сїи люди взбунтовались противъ него. Ему надлежало сдаться; но Мараты такъ уважали и боялись его, что онъ и въ семъ бѣдственномъ положенїи еще самъ предписалъ имъ условїя: взялъ съ нихъ 50,000 рупїй и удалился со всѣми своими богатствами. — Далѣе не имѣемъ объ немъ извѣстїй.

Эта любопытная статья переведена изъ *Минервы*. Г. Архенгольцъ говоритъ, что онъ будетъ развѣдывать о судьбѣ сего необыкновеннаго человѣка и напечатаетъ въ Минервѣ все, что узнаетъ объ немъ. Читатели наши безъсомнѣнїя также захотятъ имѣть свѣдѣнїе о храбромъ и великодушномъ Томасѣ, Индѣйскомъ Героѣ; а между тѣмъ пожелаемъ ему новыхъ успѣховъ и новаго щастїя, въ такихъ странахъ, которыя весьма не богаты великими людьми.

III.

Хитрости Лондонскихъ Журналистовъ.

(Статья, взятая изъ *Аргуса*, Англійскаго Журнала, выходящаго въ Парижѣ. Издатель его есть одинъ изъ самыхъ ревностныхъ защитниковъ Консульскаго Правленія и врагъ Англійскаго Министерства. Онъ пишетъ умно, съ живостію, но пристрастенъ до крайности и даже иногда до безстыдства. Его можно сравнять съ Издателемъ Лондонскихъ Вѣдомостей, Courier de Londres: одинъ бранитъ Англійское Правленіе, а другой Консульское, не заботясь объ истинѣ; одинъ достоинъ быть Секретаремъ Горна Тука, а другой покойнаго Марата, хотя онъ и Роялистъ. Злой Роялистъ не лучше злаго Якобинца. На свѣтѣ есть только одна хорошая партія: друзей человѣчества и добра. Они въ Политикѣ составляютъ то же, что Эклектики въ Философіи.)

Дурная шутка Филиппа привела Вильгельма (*) къ воротамъ Парижа; насмѣшливая пѣсня (**) продолжила ненависть

(*) Филиппъ сказалъ: *желаю знать, когда родитъ Вильгельмъ?* Сей завоеватель былъ очень толстъ.

(**) Фридрихъ осмѣялъ въ стихахъ Госпожу Помпадуръ и Лудовика XV.

и войну между Лудовикомъ XV и Фридрихомъ II. Тогда бранились по крайней мѣрѣ люди важные, а нынѣ злословіе выставляетъ мѣдной лобъ свой изъ грязи... Господа Лондонскіе Журналисты умѣютъ быть хитрыми. Когда они, въ доброй часъ, видятъ ничтожность особенной клеветы своей, тогда перемѣняютъ систему: заключаютъ между собою братской союзъ, выдумываютъ общій планъ, и *ведутъ атаку* съ разныхъ сторонъ, имѣя въ виду одну цѣль.... Вчера они уничтожали Пруссію и дѣлили Францію: теперь изображаютъ Французскую Республику страшилищемъ; слѣдуютъ глазами за Консуломъ какъ въ тайной политической системѣ его, такъ и въ домашней жизни; каждый шагъ, всякое слово есть для нихъ причина ужасаться; то унижаютъ Бонапарте, то приписываютъ ему великіе, глубокомысленные планы, ни мало не думая соглашать своихъ противорѣчій.

Когда Бонапарте отправился въ Нормандію, тогда сіи Политики объявили, что онъ изъ Гавра немедленно вышлетъ страшные флоты, хотя въ Гаврѣ не было ни одного линейнаго корабля; когда ѣздилъ осматривать Уркской каналъ, тогда писали въ Лондонѣ, что онъ хочетъ сдѣлать Парижъ Французскимъ Плимутомъ!! Всякой

денѣ новая, щастливая догадка. Теперь Англїйскїе Журналисты занимаются двумя назначенными лагерями въ Брабантїѣ и путешествїемъ Консула въ сїю провинцїю.

Кто умѣетъ открывать причину дѣйствїй, тотъ безъ труда найдетъ ее въ семъ случаѣ, и скажетъ, что она и весьма проста и весьма благоразумна. Видѣть новопрїобрѣтенную землю, ея богатыя произведенїя, ободрить трудолюбїе, указать ему лучшїя средства и новыя выгоды, оживить работы, которыя должны сдѣлать городъ Анверсъ однимъ изъ первыхъ въ свѣтѣ; утвердить союзъ между разными частями Республики; наконецъ увѣрить жителей Брабанта въ дружбѣ народа Французскаго и въ особенномъ уваженїи къ нимъ перваго Чиновника: вотъ цѣль сего путешествїя, въ которомъ не участвуетъ ни тщеславїе, не суетное любопытство. Назначено быть двумъ лагерямъ; въ нихъ соберутся 20 или 25 тысячь воиновъ, то есть нѣкоторыя дивизїи изъ окружныхъ мѣстъ, безъ всякихъ дальнихъ приготовленїй — и Францїя въ одно время можетъ представить нѣсколько подобныхъ зрѣлищъ въ разныхъ частяхъ своихъ.

Сїи лагери должны не спрашить Европу, а только служить ободренїемъ для храбрыхъ воиновъ, съ которыми желаетъ видѣться Генералъ ихъ; должны быть вели-

колѣпнымъ парадомъ для жителей Брабанта, чтобы они видѣли могущество народа, принявшаго ихъ въ свои братья!.. Причины столь ясныя кажутся господамъ Лондонскимъ Журналистамъ однимъ предлогомъ. Они, какъ глубокомысленные Политики, единогласно объявили, что Бонапарте хочетъ, окруживъ себя легїонами, назваться Императоромъ Гальскимъ и торжественно взять въ Ахенѣ мечь, скипетръ и вѣнецъ Карла Великаго... Всякому нелѣпому слуху вѣрятъ въ Лондонскихъ таверн ахъ и въ Парижскихъ кофейныхъ домахъ. Сїи мечтатели не думаютъ о положенїи и славѣ Перваго Консула; о лаврахъ, его украшающихъ; о невозможности промѣнять санъ Героя на одно имя, которое не умножило бы ни славы его, ни силы Правленїя. Не говоря даже о великомъ характерѣ Бонапарте, замѣтимъ, что титулъ *Перваго Консула* есть *единственный* въ Европѣ: слѣдственно онъ приличнѣе всѣхъ и для народа, который одинъ сражался съ цѣлою Европою, и для Героя, который побѣдилъ ее. Уже онъ, такъ сказать, освященъ Исторїею; признанъ всѣми Державами, сообразенъ съ великодушными чувствами и положенїемъ Бонапарте. Никогда, никогда сей великой человѣкъ

не захочетъ инаго, обыкновеннаго титула, для котораго нужно еще согласіе другихъ Государей!

Хотя явно видимъ страшныя усилія возобновить раздоры, однакожь не можемъ думать, чтобы Англійское Министерство въ самомъ дѣлѣ хотѣло начать войну, которая при щастьи можетъ доставить ей нѣсколько Французскихъ кораблей, но рано или поздно будетъ гибельна для ея торговли и системы экономической. Сообщеніе (message) Англійскаго Короля кажется дѣйствіемъ снисходительности и политическаго расчета... Надобно также замѣтить, что сей Парламентскій шумъ не сдѣлалъ никакого впечатлѣнія въ Кабинетахъ Европы, къ удивленію господъ, желающихъ войны. Державы твердой земли увѣрены, что война не представляетъ имъ никакихъ выгодъ, и что Франція, требуя исполненія трактата Амьенскаго, требуетъ спокойствія Европы.

IV.

Тайное общество благодѣтельности въ Парижѣ.

Въ Парижѣ есть нынѣ общество, которое называется *обществомъ сорегистовъ*

и возмездія (ſociété d' émulation et de rémunérarion), и которое, не объявляя ни мѣста своихъ собраній, ни имени Членовъ, втайнѣ занимается предметомъ своего учрежденія. Оно имѣетъ вѣрныя средства узнавать добрыя дѣла, не только общенародныя, но и семейственныя; узнавъ же, награждаетъ ихъ: или деньгами, или подарками, или трогательнымъ изъявленіемъ благодарности отъ имени всѣхъ друзей человѣчества и добра. На примѣръ: одинъ молодой человѣкъ, именемъ Томасъ, не давно спасъ отъ смерти женщину и младенца, которые утопали въ рѣкѣ: тайное общество благодѣтельности прежде всѣхъ Журналистовъ и самаго Начальства городскаго узнало о томъ прислало ему золотыя часы съ надписью: *молодому Томасу за добродѣтель*, и говоритъ въ письмѣ: „Сей слабый знакъ общественной благодарности да напоминаетъ тебѣ, юноша, что всякой, кто начинаетъ моральную жизнь свою такимъ прекраснымъ дѣломъ, торжественно беретъ на себя обязательство никогда не уклоняться отъ пути добродѣтели и человѣколюбія!“.. Имя Президента и Секретаря означено внизу начальными буквами.

Такое учрежденіе безъ сомнѣнія прекрасно. Естьли общество и ошибется

въ своихъ наградахъ, шо бѣды нѣтъ. Иное дѣло, естьли бы оно вздумало *наказывать тайныя злодѣйства*, какъ славное *Тайное судилище* среднихъ вѣковъ: тогда бы многіе люди, нынѣ довольно спокойные и веселые, крайне испугались!

V.

Выписка изъ Англійскихъ Журналовъ.

Цѣлый корпусъ полицейскихъ шпіоновъ отправляется изъ Парижа въ Брабантъ, чтобы замѣтить тамъ подозрительныхъ людей и прибрать ихъ къ рукамъ прежде, нежели Консулъ выѣдетъ изъ Парижа. Въ Тюльери шепчутъ люди другъ другу на ухо, будто Англичане близь Остенды высадили на берегъ 50 убійцъ, которые должны итти на встрѣчу къ Бонапарте.

Въ войскѣ, которое должно собраться въ Брабантѣ, не будетъ ни одного корпуса изъ Реинской армии, противной Консулу. Онъ ласкаетъ Италіянскую армію, а Египетскую удостоиваетъ отмѣнной милости. Сіе различіе такъ явно, что Офицеры и Генералы ихъ не любятъ другъ друга. Нѣкоторые люди думаютъ, что Герои Нильскіе награждаются та-

кимъ образомъ за ихъ скромность. „Не даромъ, говорятъ они, не даромъ Генералъ Мену осыпанъ милостями, хотя и потерялъ Египетъ своею глупостію. Вѣроятно, что онъ, въ случаѣ неудовольствія, могъ бы разсказать любопытнымъ анекдоты, неблагопріятные для славы Консула.“

Люди, обогащаемые нынѣшнимъ Правительствомъ Франціи, съ удивительнымъ спокойствіемъ наслаждаются своими выгодами. Кажется, будто они родились въ семъ новомъ для нихъ состояніи! Роскошные столы, блестящіе экипажи, богатые кафтаны, великолѣпные домы и ливреи съ золотыми галунами совсѣмъ не удивляютъ ихъ. Они считаютъ себя законными господами, а другихъ слугами. Нѣкоторые изъ нихъ не могутъ жить тремя стами тысячь ливровъ ежегоднаго доходу!

Монитёръ объявилъ Франціи и Европѣ, что Госпожа Бонапарте чувствуетъ боль въ головѣ и жаръ въ глазахъ, но утаилъ причину. Она занемогла отъ ссоры съ Госпожею Леклеръ, сестрою Бонапарте, которая сказала, что ей непремѣнно должно развестись съ Консуломъ, ибо ему надобно имѣть наслѣдника.

Недавно Гражданинъ Сегюръ, будучи въ Тюльери и видя тамъ блестящее со-

бранїе, съ жаромъ и краснорѣчїемъ сказалъ: „Боже мой! какая розница! давно ли „видѣли мы здѣсь красные колпаки? а „теперь видимъ красныя шапки (Кардинальскїя)! И какъ хорошо все сдѣлалось! ни скоро, ни медленно, а точно „въ свое время. Великой человѣкъ держитъ „въ рукахъ судьбу нашу, обуздываетъ „властолюбїе, пресѣкаетъ злоупотребленїя и даетъ свободный ходъ всякому „добру.“ — Сей Гражданинъ Сегюръ былъ нѣкогда Министромъ Лудовика XVI въ Петербургѣ и въ Берлинѣ, сочинялъ послѣ дипломатическїя статьи для Конвента и Директорїи, а наконецъ пѣсни для *Театра Водевилей*; теперь же, сдѣлавшись Консульскимъ Совѣтникомъ, онъ пишетъ мадригалы для всей фамилїи Консула, и не давно сочинилъ эпистолу къ Розинѣ, горничной служанкѣ Госпожи Бонапарте.

Префектъ Полицїи, Г. Дюбуа, на сихъ дняхъ нечаянно вошелъ въ Кабинетъ къ Бонапарте, и засталъ его въ такомъ положенїи, которое изъявляло или глубокую задумчивость или великую горесть. Консулъ пришелъ въ себя, разсердился, кликнулъ одного изъ надзирателей дворца, и сказалъ ему въ присутствїи Г. Дюбуа: „объявите Префекту Полицїи, что сюда „не входятъ безъ доклада.“

Нашлось, что въ гробѣ Генерала Леклера, привезенномъ изъ Сен-Доминга во Францiю нѣжною и горестною его супругою, новою Артемизою, вмѣсто мертваго тѣла лежитъ — деревянной болванъ! Тѣло погребено въ Капѣ. И такъ всѣ военныя почести въ Марсели, Лiонѣ и въ Парижѣ оказывались куску дерева!

Нещастiе и Жалость, новая Поэма Аббата Делиля, напечатана въ Парижѣ съ большими выпусками. Гражданинъ Барреръ вычернилъ всѣ мѣста, которыя могли не полюбиться Консулу. Но одинъ изъ Лондонскихъ книгопродавцевъ обѣщаетъ публикѣ другое, полное изданiе сего творенiя, въ которомъ множество прекрасныхъ стиховъ, а еще болѣе единообразiя и повторенiй. Безпрестанно la pitié s'enfuit en pleurs, и нѣтъ фразы, въ которой бы не было douleurs, larmes, malheurs. Талантъ не всегда побѣждаетъ трудность предмета; не всегда извиняетъ дурной выборъ его. Сочинить большую Поэму безъ дѣйствiя, спачать ее изъ лоскутковъ, набрать красивыхъ выраженiй, можно человѣку съ дарованiемъ и мастеру стихотворства; но можно ли читателямъ не пожалѣть о трудѣ его?

VI.

Тайный Орденъ Азіатскихъ Братій.

(Исторія Богемана — а не Ботмана, какъ писали въ Лондонскихъ вѣдомостяхъ — сдѣлалась гласною въ Штокгольмѣ. Правительство обнародовало слѣдующее извѣстіе о семъ дѣлѣ.)

Уже давно придворный Секретарь Карлъ Богеманъ заслужилъ дурное мнѣніе публики какъ образомъ жизни своей, такъ и многими нелѣпостями, которыя онъ о себѣ разсказывалъ. Наконецъ сей человѣкъ возбудилъ вниманіе и самаго Правительства, начавъ хвалиться чудесными откровеніями, входить въ дѣла политическія и съ великою дерзостію предсказывать будущую судьбу государствъ. Богатство его казалось также весьма подозрительнымъ. Слѣдствіе несомнительно доказало его злые умыслы и непозволительныя дѣла. Богеманъ долго не хотѣлъ сказать истины, но признался наконецъ, что онъ обманщикъ, и старался, для своихъ выгодъ, пользоваться склонностію многихъ людей къ чудесному, зная тайны нѣкоторыхъ Орденовъ и выдумывая еще собственныя; что предсказанія его не имѣли никакого основанія,

и что онъ обязанъ богатствомъ своимъ одной знаменитой особѣ, которая живетъ внѣ Швецїи. Въ бумагахъ его нашлась переписка съ разными иностранцами, и есть конечно слѣдствїе обширнаго плана, котораго исполненїе отлагалось до временъ благопрїятнѣйшихъ. Сдѣлавшись извѣстнымъ, онъ уже не опасенъ; но Правительство не надѣется открыть всѣхъ нитей сего тайнаго союза. Богеманъ есть членъ или глава общества, котораго Адепты назывались *Азїатскими братьями*. Оно управлялось *тайнымъ совѣтомъ*: всякой членъ клятвенно обязывался слѣпо ему повиноваться, и ни въ какомъ случаѣ не объявлять имени своихъ начальниковъ, которые хвалились правомъ судить всѣ верховныя власти, народы и фамилїи, соглашаться или не соглашаться на миръ и войну, награждать людей и наказывать ихъ даже смертїю. Сей Орденъ образовался въ южной Германїи; но разныя обстоятельства заставили начальниковъ прекратить на время собранїя, которыя обратили на себя вниманїе публики. Тогда Богеманъ вздумалъ перемѣнить имя Ордена и открыть новые Комитеты его въ Швецїи, Данїи и сѣверной Германїи. Законы остались тѣ же; но въ сїи Комитеты начали принимать

и женщинѣ. — Хотя Богеманъ родомъ Шведъ; но какъ онъ имѣетъ собственность въ Данїи, то Король приказалъ выдать его Датскому Министру вмѣстѣ съ бумагами процесса.

VII.

Извѣстія и замѣчанія.

Аравїи назначено быть колыбелїю Азїатскихъ революцїй. Новый тамошнїй пророкъ, Абдулъ Вегабъ, имѣетъ уже, по новѣйшимъ извѣстїямъ, многочисленное войско, и приближается къ Меккѣ. Онъ хочетъ возстановить святую вѣру Аллїеву, истребить секту Омарову, отнять у Султана достоинство вышняго Калифа и присвоить его себѣ, называясь истиннымъ потомкомъ Магометовымъ. Слышно, что онъ имѣетъ сообщенїе съ Египетскими Беями; что Бассорской и Дамасской Паши готовы помогать ему, и что въ войскѣ его находятся *иностранцы*, которые всѣмъ управляютъ. Жестокость есть характеръ сего человѣка: онъ плаваетъ въ крови людей, преданныхъ Султану. . . . Вотъ слѣдствїе фанатизма

и невѣжества, которыя царствуютъ въ обширныхъ странахъ Азіи! . . . Извѣстіе о семъ мятежѣ сдѣлало сильное впечатлѣніе въ Константинополѣ. Внутреннее безсиліе тамошняго Правительства должно ускорить паденіе огромнаго Турецкаго колосса. Оно кажется необходимымъ и близкимъ; произведетъ важную революцію въ мірѣ, и будетъ имѣть великія слѣдствія для человѣчества. Турецкая Исторія служитъ новымъ доказательствомъ истины, что великія Имперіи, основанныя на завоеваніяхъ, должны или просвѣтиться или безпрестанно побѣждать: иначе паденіе ихъ неминуемо.

Хотя вооруженія Англійскія продолжаются съ великою живостію, однакожъ знающіе люди увѣряютъ, что войны не будетъ. Бонапарте (какъ пишутъ) сказалъ купцамъ Французскимъ: „отправляйте корабли свои, и бойтесь только „однѣхъ стихій.“ Путешествіе его въ Брабантъ также толкуютъ въ хорошую сторону. Онъ скоро выѣдетъ изъ Парижа. Между тѣмъ переговоры еще остаются тайною. Генералъ Дюрокъ возвратился изъ Берлина, и *Монитёръ* объявилъ, что Король Прусскій согласился утвердить, въ силу Амьенскаго трактата, независимость Мальты. Для того ли единственно

былъ посыланъ Дюрокъ, не извѣстно; но можно думать, что онъ имѣлъ и другія порученія на случай войны. Въ Парижѣ говорятъ, что Консулъ вторично отправляетъ его въ Берлинъ.

Въ *Монитёрѣ* весьма подробно описывается, какъ Генералъ Брюнъ, Французскій Министръ, былъ принятъ въ Константинополѣ. Сей учтивый Французъ сказалъ Визирю, что онъ душевно радъ имѣть дѣло съ такимъ храбрымъ воиномъ!! а Султана назвалъ въ рѣчи своей непобѣдимымъ. Визирь и Султанъ, по своему добродушію, не сочли сего комплимента насмѣшкою; и *Монитёръ* замѣчаетъ, что Селимъ, важный и величественный, сидя на великолѣпномъ тронѣ, изъявлялъ знаками свое удовольствіе при всякомъ словѣ, которое льстило его самолюбію. Кажется, что унизительные для иностранныхъ Министровъ обряды представленія были отмѣнены для Генерала Брюна. Въ рѣчи своей называлъ онъ Консула *великимъ* и *могущественнымъ*, très-grand, très-puissant, très-magnanime. Великій Визирь противъ обыкновенія отвѣчалъ ему длинными фразами и сказалъ нѣсколько пріятныхъ словъ для Брюна, упомянувъ о воинской славѣ его. Сей опытъ Турецкой Реторики весьма не

дуренъ, и возобновленіе дружества Французовъ съ Константинополемъ обѣщаетъ ей дальнѣйшіе успѣхи.

Консульскій Совѣтникъ Дюмасъ предложилъ (11 Апрѣля) Законодательному Французскому Корпусу назначить земли въ Реинскихъ Департаментахъ и въ Піемонтѣ для солдатъ раненыхъ въ теченіе войны. Доходъ съ каждаго удѣла или владѣнія долженъ быть равенъ пенсіи, которая дается инвалидамъ. Сіи земли, оцѣненныя въ 10 милліоновъ ливровъ, отведутся какъ можно ближе къ Маинцу и къ Александріи, чтобы колонисты въ случаѣ нужды способствовали защитѣ границъ. „Сходство между симъ учрежде„ніемъ (сказалъ Дюмасъ) и средствами, „которыя употребляли Римляне, чтобы „утвердиться въ завоеванныхъ ими стра„нахъ, должно не пугать Европу, а до„казать ей миролюбіе Французскаго „Правительства: оно хочетъ навѣки „оставить Республику въ нынѣшнихъ „ея границахъ и сверхъ того увѣрить „народы, вновь присоединенные ко Фран„ціи, что судьба ихъ рѣшилась.“

Новый Великій Магистеръ Мальтійскаго Ордена, увѣдомивъ начальника Англійскихъ войскъ въ Мальтѣ о своемъ избраніи, требовалъ, чтобы онъ, согла-

сно съ Амьенскимъ трактатомъ, отдалъ ему сей островъ и на первый случай опорознилъ его дворецъ; но Англійскій Генералъ отвѣчалъ Великому Магистеру, что онъ самъ живетъ во дворцѣ, не отдастъ ему Мальты и не совѣтуетъ до времени пріѣзжать туда.

Швейцарскіе полки остаются въ службѣ Французской Республики. Имъ велѣно было выступить изъ Берна во Францію: они вообразили, что ихъ хотятъ отправить въ Сен-Доминго, взбунтовались и убили нѣсколько Французовъ. Съ трудомъ усмирили мятежниковъ, и главныхъ разстрѣляли. Наконецъ они повиновались.

Естьли Лондонскіе Журналисты работаютъ своимъ воображеніемъ на счетъ Консула, то и Парижскіе не уступаютъ имъ въ выдумкахъ на счетъ Англійскаго Министерства. На примѣръ: Аргусъ и Bulletin de Paris говорятъ, что Англійскій Стихотворецъ Морфи написалъ Поэму въ честь Бонапарте, но что Министры уговорили его не выдавать ее, и назначили ему за то 2000 рублей ежегодной пенсіи!! Холодной, благоразумной и бережливой Аддингтонъ безъ сомнѣнія не расточаетъ такимъ образомъ казны государ-

ственной и не запрещаетъ стихотворцамъ хвалить, кого имъ вздумается!

Англійскій Парламентъ закрывался на 12 дней для праздниковъ. Лордъ Карлисль въ послѣднемъ засѣданіи Верхняго Парламента объявилъ, что онъ намѣренъ требовать отъ Министровъ отвѣта на слѣдующіе вопросы: 1) Въ какомъ состояніи находится Англія? 2) Что причиною вооруженій? 3) Для чего Министры дозволили Французамъ отправить флотъ въ Сен-Доминго? „Это снисхожденіе (сказалъ Лордъ) принудилъ насъ имѣть въ Западной Индіи болѣе морскихъ силъ, нежели во время войны. Я обращу также вниманіе Лордовъ на оскорбленіе правъ Королевской фамиліи въ разсужденіи Ганновера.“ — Слухи о перемѣнахъ въ Министерствѣ не умолкаютъ. Всѣ увѣрены, что въ случаѣ войны Питтъ и Дондасъ снова войдутъ въ него. Министръ Аддингтонъ сказалъ въ Нижнемъ Парламентѣ: „Говоря лично о себѣ, съ сожалѣніемъ, но „искренно объявляю, что способности „мои въ нынѣшнихъ важныхъ обстоятель„ствахъ не отвѣтствуютъ ревности и „любви моей къ благосостоянію и чести „Англіи.“ Лордъ Пеламъ сказалъ то же въ Верхнемъ Парламентѣ: „Естьли благо „отечества требуетъ превосходнѣйшихъ

„талантовъ для Министерства, то я „готовъ уступить свое мѣсто другому,“ Такія признанія трогательны, великодушны, и напоминаютъ славнѣйшія времена древнихъ Республикъ. Въ Англіи отечество есть не слово, а вещь, и любовь къ нему не риторическая фигура, а чувство. Мы еще не знаемъ, что будетъ во Франціи, но видимъ уже давно, что есть въ Англіи, и должны желать, для щастія міра и потомства, — для успѣховъ гражданственности и всего истинно-человѣческаго въ людяхъ, чтобы Геній Альбіона еще долго, долго хранилъ благосостояніе сего чудеснаго острова.

Графиня Чатамъ, вдова великаго Чатама и мать Вильгельма Питта, котораго ожидаетъ Исторія передъ своимъ судилищемъ, скончалась 3 Апрѣля на восемдесять-третьемъ году жизни. Великій умъ ея, благородство души, любезность и добродѣтели всѣмъ извѣстны. Она была бы украшеніемъ своего пола, естьли бы и не имѣла славы быть супругою и матерью двухъ безсмертныхъ Министровъ. Народъ въ безмолвіи шелъ за ея гробомъ и смотрѣлъ на горестнаго Питта, который плакалъ. Слезы великаго человѣка священны. Онъ нѣжно любилъ мать свою.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

МАЙ 1803.

№ 10.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

О Богдановичѣ и его сочиненіяхъ.

(Окончаніе.)

Желая, какъ мы сказали въ объявленіи о смерти Богдановича, *украсить гробъ* сего любезнаго Поэта *собственными его цвѣтами*, напомнимъ любителямъ Рускаго стихотворства лучшія мѣста *Душеньки*. Она не есть Поэма Героическая; мы не можемъ, слѣдуя правиламъ Аристотеля, съ важностію разсматривать ея *басню*, *нравы*, *характеры* и *выраженіе* ихъ; не можемъ, къ щастію, быть въ семъ случаѣ педантами, которыхъ боятся Граціи и любимцы ихъ. *Душенька* есть легкая игра воображенія, основанная на однихъ правилахъ нѣжнаго вкуса; а для нихъ нѣтъ Аристотеля. Въ такомъ сочиненіи все правильно, что забавно и весело, остро-

умно выдумано, хорошо сказано. Это, кажется, очень легко — и въ самомъ дѣлѣ не трудно — но только для людей съ талантомъ. Пойдемъ же, безъ всякаго ученаго масштаба, въ слѣдъ за Стихотворцемъ; и чтобы лучше цѣнить его дарованіе, будемъ сравнивать *Душеньку* съ Лафонтеновымъ твореніемъ.

Мы уже говорили о тотъ, что Богдановичь не рабски подражалъ образцу своему. На примѣръ, въ самомъ началѣ онъ весьма забавно описываетъ добраго царя, отца Героини,

Который свѣту былъ полезенъ,
Богамъ любезенъ;
Достойно награждалъ,
Достойно осуждалъ;
И естьли находилъ въ подсудныхъ злыя души,
Такимъ ослиныя приклеивалъ онъ уши;
Завистникамъ велѣлъ, чтобъ щастіе другихъ
Скучало взорамъ ихъ,
И не моглибъ они покоемъ наслаждаться;
Скупымъ опредѣлилъ у золота сидѣть,
На золото глядѣть,
И золотомъ прельщаться,
Но имъ не насыщаться;
Спесивымъ предписалъ съ людьми не сообщаться,
И ихъ потомкамъ въ казнь давалась та же спесь,
Какая видима осталась и подчесь.

У Лафонтена нѣтъ о томъ ни слова. И какъ все пріятно сказано! какъ перемѣна стиховъ у мѣста и щастлива! — Любезное имя, которымъ Богдановичь назвалъ свою Героиню, представляетъ ему щастливую игру мыслей, которой Лафонтенъ могъ бы позавидовать:

Звалась она *душа*, по толку мудрецовъ;
А послѣ, въ повѣстяхъ старинныхъ знатоковъ,
У Рускихъ *Душенькой* она именовалась;
И пишутъ, что тогда
Изыскано не безъ труда
Къ ея названію приличнѣйшее слово,
Которое еще для слуха было ново.
Во славу *Душенькѣ* у насъ отъ тѣхъ временъ
Поставлено оно народомъ въ лексиконѣ
Между пріятнѣйшихъ именъ,
И утвердила то любовь въ своемъ законѣ.

Это одно гораздо лучше всякаго подробнаго описанія Душенькиныхъ прелестей, котораго нѣтъ ни у Богдановича, ни у Лафонтена, ибо они не хотѣли говорить слишкомъ обыкновеннаго. — Жалобы Венеры въ Руской Поэмѣ лучше, нежели во Французской сказкѣ, гдѣ она также въ стихахъ. Читатели могутъ судить.

Амуръ! Амуръ! вступись за честь мою и славу;
Яви свой судъ, яви управу.
Ты знаешь Душеньку, иль могъ о ней слыхать:
Простая смертная, ругаяся богами,
Не ставитъ ни во что твою безсмертну мать;
Уже и нашими слугами
Осмѣлилась повелѣвать,
И въ областяхъ моихъ надъ мной торжествовать.
Могу ли я сносить и видѣть равнодушно,
Что Душенькѣ одной вездѣ и все послушно?
За ней гоняяся, отъ насъ отходятъ прочь
Поклонники, друзья, Амуры и Зефиры.

— — — — — — — —

Юпитеръ самъ по ней вздыхаетъ день и ночь,
И слышно, что беретъ себѣ ее въ супруги:
Гречанку наглую, едва ли царску дочь,
Забывъ Юнонины и вѣрность и услуги!
Какой ты будешь богъ, и гдѣ твой будетъ тронъ,
Когда отъ нихъ другой родится Купидонъ,
Который у тебя отниметъ лукъ и стрѣлы,
И нагло покоритъ подвластны намъ предѣлы?
Ты знаешь, какъ сыны Юпитеровы смѣлы:
По волѣ ходятъ въ небеса,
И всякія творятъ на свѣтѣ чудеса.
И можно ли терпѣть, что Душенька собою,
Безъ помощи твоей, во всѣхъ вселяетъ страсть,
Какую возжигать одинъ имѣлъ ты власть?
Она давно уже смѣется надъ тобою,
И ставитъ въ торжество себѣ мою напасть.

За честь свою, за честь Венеры,
Яви ты строгости примѣры;
Содѣлай Душеньку постылою навѣкъ,
И столь худою,
И столь дурною,
Чтобъ всякой отъ нее чуждался человѣкъ;
Иль дай ты ей въ мужья, кто бъ всѣхъ сыскался хуже,
Чтобы нашла она себѣ тирана въ мужѣ,
И мучила себя,
Жестокаго любя;
Чтобы ея краса увяла,
И я покойна стала.

Лафонтенова Венера, сказавъ, что изъ Пафоса бѣжали къ Душенькѣ всѣ Игры и Смѣхи, продолжаетъ:

L'un de ces jours je lui vois pour époux
Le plus beau, le mieux fait de tout l'humain lignage,
Sans le tenir de vos traits ni de vous;
Sans vous en rendre aucun hommage.
Il naîtra de leur mariage
Un autre Cupidon qui d'un de ses regards
Fera plus mille fois que vous avec vos dards.
Prenez y garde; il vous y faut ſonger.
Rendez la malheureuſe, & que cette cadette,
Malgré les ſiens, épouſe un etranger,
Qui ne ſache où trouver retraite;
Qui ſoit laid, & qui la maltraite,

La faſſe conſumer en regrets ſuperflus;
Tant que ni vous ni moi nous ne la craignions plus.

Для чести Рускаго таланта мы не побоялись длинной выписки. Богдановичь и мыслями и выраженіями побѣждаетъ опаснаго совмѣстника. Онъ гораздо приличнѣе заставляетъ сказать Венеру, что *самъ Юпитеръ* можетъ жениться на *Душенькѣ*, а *не лучшій изъ смертныхъ красавцевъ*, отъ котораго не льзя было родиться второму Купидону. Стихи: *ты знаешь, какъ сыны Юпитеровы смѣлы — и столь худою, и столь дурною — и мучила себя, жестокаго любя*, живы и прекрасны; а Лафонтеновы только изрядны, кромѣ: ſans le tenir de *vos* traits, ni de *vous*, гдѣ одно сказано два раза для наполненія стиха. — Венерино шествіе у Лафонтена эскизъ, у Богдановича картина. Первый сказалъ: l'un (Трифонъ) lui tient un miroir fait de criſtal de roche, а второй:

Несетъ отломокъ горъ кристальныхъ
На мѣсто зеркала предъ ней.
Сей видъ пріятность обновляетъ
И радость на ея челѣ.
„О естьлибъ видъ сей, онъ вѣщаетъ,
Остался вѣчно въ хрусталѣ!“
Но тщетно онъ того желаетъ!
Исчезнетъ сей призракъ какъ сонъ;
Останется одинъ лишь камень — и проч.

Лафонтенъ говоритъ: Thétis lui fait ouir un concert De Sirenes. *Богдановичъ:*

Сирены, сладкія пѣвицы,
Межь тѣмъ поютъ стихи ей въ честь,
Мѣшаютъ съ былью небылицы,
Ее стараясь превознесть.

— — — — —

Сама Ѳетида ихъ послала
Для малыхъ и большихъ услугъ,
И только для себя желала,
Чтобъ дома былъ ея супругъ!

Послѣдняя черта забавна. Ѳетида рада веселить Венеру, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы влюбчивый богъ морей не выѣзжалъ къ ней на встрѣчу съ трезубцемъ своимъ! — Лафонтенъ:

Tous les vents attentifs retiennent leurs haleines;
Le ſeul Zephir eſt libre, & d'un ſouffle amoureux
Il careſſe Venus, ſe joue à ſes cheveux;
Contre ſes vêtemens par fois il ſe courrouce.
L'onde pour la toucher à longs flots s'entrepouſſe,
Et d'une égale ardeur chaque flot à ſon tour
S'en vient baiſer les pieds de la mere d'Amour.

Французскіе стихи хороши, но Русскіе еще игривѣе и живѣе:

Летятъ обратно бѣглецы,
Зефиры, древни наглецы.
Иной власы ея взвѣваетъ;

Но вдругъ, открывъ прелестну грудь,
Перестаетъ на время дуть,
Власы съ досадой опускаетъ,
И съ ними спутавшись летитъ.
Гонясь за нею, волны тамъ
Толкаютъ въ ревности другъ друга,
Чтобъ вырвавшись скорѣй изъ круга
Смиренно пасть къ ея ногамъ.

Такъ Стихотворцы съ талантомъ подражаютъ. Богдановичь не думалъ о словахъ Лафонтеновыхъ, а вилѣлъ передъ собою шествіе Венеры и писалъ картину съ натуры.

Что Французъ остроумно говоритъ прозою, то Руской не менѣе остроумно, и еще милѣе сказалъ въ стихахъ. Всѣ любовники оставляютъ красавицу. Народъ приходитъ въ ужасъ отъ небывалаго чуда, и Венера грозитъ государству еще новыми бѣдствіями, естьли не принесутъ ей въ жертву самой Душеньки. . . .

Но Царь и вся родня
Любили Душеньку безъ мѣры;
Безъ ней пріятнаго не проводили дня:
Моглиль предать ее на мщеніе Венеры?
И всѣ въ единый гласъ,
Богинѣ на отказъ,

Отвѣтствовали смѣло,
Что то не сбыточное дѣло.
Иные подняли на смѣхъ ея олтарь;
Другіе стали горько плакать;
Другіежъ не дослушавъ такать,
Когда лишь слово скажетъ Царь.
Иные Душенькѣ въ утѣху говорили,
Что толь особая вина
Для ней похвальна и славна,
Когда къ стыду богинь ее боготворили;
И что Венеры къ ней и ненависть и месть
Ея умножатъ честь.
Царевнѣжь тѣ слова хотя и лестны были,
Но были бы милѣй,
Когда бы ихъ сказалъ какой любовникъ ей.
Отъ гордости она скрывала
Печаль свою при всѣхъ глазахъ,
Но въ тайнѣ часто унывала,
Себя нещастной называла,
И часто въ горестныхъ слезахъ
Къ Амуру такъ взывала:
„Амуръ, Амуръ, веселій Богъ!
„За что ко мнѣ суровъ и строгъ?
„Давно ли всѣ меня ласкали?
„Въ побѣдахъ я вела часы;
„Могла плѣнять, любить по волѣ:
„Зачтожь теперь въ нещастной долѣ?
„Къ чему полезны мнѣ красы?
„Бѣднѣйшая въ поляхъ пастушка
„Себѣ находитъ пастуха;

„А а одна — —,
„Не бывъ дурна, не бывъ лиха!“

Сія жалоба Душеньки отмѣнно любезна своею простотою. Но въ доказательство нашего безпристрастія согласимся, что темный отвѣтъ Оракула лучше выраженъ въ Французскихъ стихахъ. Отчаяніе красавицы, и то, что она говоритъ своему отцу, желая предаться въ волю таинственной судьбы, также совершеннѣе и трогательнѣе въ Лафонтенѣ. Онъ разсказываетъ прозою: одно легче другова. За то нѣкоторыя мѣста лучше въ стихахъ Богдановича. Лафонтенова Психа говоритъ: Qu'on me mette ſur un chariot, ſans cocher ni guide; et qu'on laiſſe aller les chevaux à leur fantaiſie: le ſort les guidera infailliblement au lieu ordonné. Стоитъ ли эта бездушная проза слѣдующихъ стиховъ? Душенька

Сказала всей роднѣ своей,
Чтобъ только въ путь ее какъ должно снарядили,
И въ колесницу посадили,
Пустя на волю лошадей,
Безъ кучера и безъ вождей.
„Судьба, сказала, будетъ править;
Судьба покажетъ вѣрный слѣдъ

Къ жилищу радостей иль бѣдъ,
Гдѣ должно вамъ меня оставить."

Вотъ славное преимущество языка Поэзіи! Естьли Стихотворецъ умѣетъ побѣждать трудности и ставить каждое слово въ своемъ мѣстѣ, то самыя простыя выраженія отмѣнно нравятся, и прозаистъ далеко назади остается.

Ужасы Душенькина путешествія изображены во Французской сказкѣ какъ дѣйствительные ужасы, а въ Руской съ пріятною шутливостію:

Тамъ всѣ при каждомъ шагѣ
Встрѣчали новой страхъ:
Ужасныя пещеры,
И къ верху крутизны
И къ безднѣ глубины.
Инымъ являлись тамъ Мегеры;
Инымъ летучи Дромадеры,
Инымъ драконы и Церберы.

— — — — — —

Царевнина кровать
Въ рукахъ несущихъ сокрушилась,
И многіе отъ страха тутъ
Не мало шапокъ пороняли,
Которы на подхватъ драконы пожирали.
Иные по кустамъ одежды изодрали,
И наготы имѣя видъ,
Едва могли прикрыть отъ глазъ стороннихъ стыдъ.

Осталось наконецъ лишь нѣсколько булавокъ
И нѣсколько стиховъ Оракула для справокъ.

Надобно быть въ самомъ дурномъ расположенiи, чтобы не засмѣяться отъ двухъ послѣднихъ стиховъ. Мы не жалѣемъ, что Стихотворецъ нашъ предпочелъ здѣсь важному описанiю каррикатуру: она хороша.

Какъ ни складно, ни красно описываетъ Лафонтенъ Купидоновъ дворецъ, сады, услужливость Нимфъ, но проза его не дѣлаетъ мнѣ такого удовольствiя, какъ слѣдующiе стихи Богдановича:

Явился передъ ней
Прекрасный видъ алей
И рощей и полей.
Высокiе балконы
Открыли царство тамъ и Флоры и Помоны,
Каскады и пруды
И чудные сады.
Оттуда сорокъ Нимфъ вели ее въ чертоги,
Какiе созидать удобны только боги,
И тамо Душеньку, къ прохладѣ отъ дороги,
Въ готовую для ней купальню привели.
Амуры ей росы чистѣйшей принесли,
Копору вмѣсто водъ повсюду собирали.
Зефиры воздухъ тамъ дыханьемъ согрѣвали,
Изъ разныхъ ароматъ вздували пузыри,
И составляли мыла,
Какими моются восточные Цари,

И коихъ вѣдома живительная сила.
Царевна со стыдомъ,
Со споромъ и трудомъ,
Какъ водится притомъ,
Взирая на обновы,
Какія были тамъ на выборъ ей готовы,
Дозволила сложить съ красотъ своихъ покровы.
Полки различныхъ слугъ, предъ тѣмъ отдавъ поклонъ,
Безъ горя не могли оттуда вытти вонъ,
И даже за дверьми, не будучи въ услугѣ,
Охотно слѣдъ ея лобзали на досугѣ.
Зефиры лишь одни, имѣя входъ вездѣ,
Зефиры хищные, за тѣмъ, что ростомъ мѣлки,
Нашли въ дверяхъ и окнахъ щелки,
Прокрались между Нимфъ и спрятались въ водѣ,
Гдѣ Душенька купалась.

Богдановичь, угощая и веселя музыкою Героиню во дворцѣ Купидоновомъ, составилъ оркестръ свой лучше Лафонтена и велѣлъ даже, весьма кстати, невидимо управлять имъ самому Аполлону; но жаль, что хоръ пѣвицъ его, хваля любовь, не повторилъ на Рускомъ языкѣ слѣдующей строфы гимна Французскаго:
Sans cet amour tant d'objets ravissans,
Lambris dorés, bois, jardins & fontaines

N'ont point d'appas qui ne soient languissans,
Et leurs plaisirs sont moins doux que ses peines.
Des jeunes coeurs c'est le suprême bien:
Aimez, aimez — tout le reste n'est rien.

Въ доказательство, что Поэты, вопреки старинному злословію, умѣютъ быть иногда скромными, и Французъ и Руской не хотѣли описать перваго свиданія Душеньки съ Амуромъ. Послѣдній отдѣлался отъ читателей пріятною шуткою, говоря, что эта сцена осталась навѣки тайною между супругами. . .

Но только по утру примѣтили Амуры,
Что Нимфы межь собой смѣялись подъ тишкомъ,
И гостья, будучи стыдлива отъ натуры,
Казалась между ихъ съ завѣшеннымъ ушкомъ.

Въ изображеніи палатъ съ ихъ драгоцѣнностями я люблю статую Душеньки...

Смотря на образъ сей, она сама дивилась;
Другая статуя казалась въ ней тогда,
Какой не видывалъ никто и никогда.

Черта прекрасная! взята съ Французскаго (elle demeura long-tems immobile, & parut la plus belle ſtatue de ces lieux), но выраженная въ стихахъ, болѣе нравиш-

ся. . . Люблю также разныя живописныя изображенія Душеньки:

Въ одномъ она, съ щитомъ пресстрашнымъ на груди,
Палладой нарядясь, грозитъ на лошади,
И болѣ, чѣмъ копьемъ, своимъ прекраснымъ взоромъ.

Въ другомъ видимъ передъ нею Сатурна, который

Старается забыть, что онъ давнишній дѣдъ,
Прямитъ свой дряхлый станъ, желаетъ быть моложе,
Кудритъ оставшіе (*) волосъ своихъ клочки,
И видѣть Душеньку вздѣваетъ онъ очки;
А тамъ она видна, подобяся Царицѣ,
Съ Амурами вокругъ, въ воздушной колесницѣ.
Прекрасной Душеньки за честь и красоту
Амуры тамъ сердца стрѣляютъ на лету;
Летятъ великою толпою;
Летятъ, подмявши лукъ, на цѣлый свѣтъ войною.
А тамъ свирѣпый Марсъ, рушитель мирныхъ правъ,
Увидѣвъ Душеньку, являетъ тихой нравъ,
Полей не обагряетъ кровью,
И наконецъ, забывъ военный свой уставъ,
Смягченъ у ногъ ея, пылаетъ къ ней любовью.

(*) Надобно сказать: *оставшіеся*.

На третьей картинѣ Зефиръ списываетъ съ нее портретъ; но боясь нескромности,
Скрываетъ въ спискѣ онъ большую часть красотъ;
И многія изъ нихъ, конечно чудесами,
Предъ Душенькою вдругъ тогда писались сами.

Всего же болѣе люблю милое обращеніе Поэта къ красавицѣ:

Во всѣхъ ты, Душенька, нарядахъ хороша:
По образуль какой царицы ты одѣта,
Пастушкою ли гдѣ сидишь у шалаша,
Во всѣхъ ты чудо свѣта;
Во всѣхъ являешься прекраснымъ божествомъ —
И только ты одна прекраснѣе портрета.

Просто и такъ мило, что, можетъ быть, никакое другое мѣсто въ Душенькѣ не дѣлаетъ въ читателѣ столь пріятнаго впечатлѣнія. Всякому хочется сказать сіи нѣжные, прекрасные стихи той женщинѣ, которая ему всѣхъ другихъ любезнѣе; а послѣдній стихъ можно назвать золотымъ. — Мы не пеняемъ Авпору, что онъ не хочетъ далѣе описывать Купидонова дворца,

Гдѣ все плѣняло взглядъ
И было безподобно;
Но всюду тамъ умомъ

Я Душеньку встрѣчаю,
Прельщаюсь, и потомъ
Палаты забываю.

Но съ палатами Стихотворецъ забылъ и хозяина; забылъ, между портретами, упомянуть объ его изображеніяхъ. Скрываясь отъ Душеньки, Амуръ долженъ былъ показаться ей хотя на картинѣ. Лафонтенъ представилъ на обояхъ разныя чудеса Купидоновы: на примѣръ, ужасный хаосъ, приводимый его рукою въ стройность...

Que fait l'Amour? Volant de bout en bout,
Ce jeune enfant, ſans beaucoup de myſtere,
En badinant vous débrouille le tout,
Mille fois mieux qu'un ſage.

Какъ бы хорошо могъ Богдановичь сказать это въ Рускихъ стихахъ! какъ бы хорошо могъ, слѣдуя Лафонтену, описать приступы любопытной Душеньки къ невидимому Амуру и его отговорки, столь остроумныя! Neceſſairement je ſuis Dieu ou je ſuis Démon. Si vous trouvez que je ſuis Démon, vous me haïrez; & ſi je ſuis Dieu, vous ceſſerez de m'aimer ou du moins vous ne m'aimerez plus avec tant d'ardeur: car il s'en faut bien qu'on aime les Dieux auſſi violemment que les hommes. Но Геній нашъ, какъ Поэтъ, не любилъ закона и принужденія; хотѣлъ брать не все хорошее

въ образцѣ своемъ, а что слегка и само собою попадалось ему въ глаза —

Любя свободу я мою,
Какъ вздумается мнѣ пою.

Довольно, что Богдановичь, проходя иногда мимо красотъ Лафонтеновыхъ, щедро замѣнялъ ихъ собственными и разнообразными. Умѣя быть нѣжнымъ, забавнымъ, онъ умѣлъ и колоть — даже кровныхъ своихъ, то есть Стихотворцевъ. Вводя Душеньку въ Амурову библіотеку, онъ говоритъ:

Царевна тамъ взяла читать стихи,
Но ихъ читаючи какъ будто за грѣхи,
Узнала въ первый разъ мучительную скуку,
И бросивъ ихъ подъ столъ, притомъ зашибла руку.
Носился послѣ слухъ, что будто наконецъ
Нещастныхъ сихъ стиховъ творецъ,
Указомъ Аполлона,
Навѣки согнанъ съ Геликона;
И будто Душенька, боясь подобныхъ *скукъ* (*),
Иль ради сохраненья рукъ,
Стиховъ съ недѣлю не читала,
Хотя любила ихъ и нѣкогда слагала.

Сей нещастный, согнанный съ Геликона, былъ конечно не похожъ на Богда-

(*) Скука не употребляется у насъ во множественномъ числѣ.

новича, котораго Душенька съ удовольствїемъ могла бы читать даже и тогда, какъ онъ съ пїитическою искренностїю описываетъ лукавство ея въ гибельную ночь любопытства. Злыя сестры уговорили ее засвѣтить лампаду во время сна Купидонова. . .

Прекрасна Душенька употребила шутъ
И хитрость и притворство,
Какія свойственны женамъ,
Когда онѣ, дѣла имѣя по ночамъ,
Скорѣе какъ нибудь покой даютъ мужьямъ.
Но хитрости ль ея въ то время успѣвали,
Иль самъ клонился къ сну отъ дѣйствія печали:
Онъ мало говорилъ, вздохнулъ,
Зѣвнулъ,
Заснулъ.

Это напоминаетъ одинъ изъ славнѣйшихъ стиховъ въ Lutrin и стоитъ десяти прозаическихъ страницъ Лафонтеновыхъ.

Въ описанїи Душенькиныхъ бѣдствїй нѣкоторыя черты также гораздо щастливѣе у Богдановича; на примѣръ, трогательное обращенїе его къ жалкой изгнанницѣ:

Умри, красавица, умри! твой сладкой вѣкъ
Съ минувшимъ днемъ уже протекъ;

И естьли смерть тебя отъ бѣдствій не избавитъ,
Сей свѣтъ, гдѣ ты досель равнялась съ божествомъ,
Отнынѣ въ скорбь тебѣ наполненъ будетъ зломъ,
И всюду горести за горестьми представитъ.
— — — — — — — —
Къ нещастію тебя оставилъ Купидонъ.
Твой рай, твои утѣхи,
Забавы, игры, смѣхи,
Прошли какъ будто сонъ.
Вкусивши сладости, кто въ мірѣ ихъ лишился,
Любя съ любимымъ разлучился,
И радости себѣ уже не чаетъ впредь,
Легко почувствуетъ, безъ дальнѣйшаго слова,
Что лучше Душенькѣ въ сей долѣ умереть.

Стихотворецъ нашъ, описывая съ Лафонтеномъ всѣ образы смерти, избираемые Душенькою, прибавляетъ отъ себя еще одинъ, не весьма пїитическїй, но игриво и забавно имъ представленный:

Избравъ крѣпчайшїй сукъ, послѣднїй шагъ ступила
И къ вѣтви свой платокъ какъ должно прицѣпила,
И въ петлю Душенька головушку вложила.
О чудо изъ чудесъ!
Испрясся долъ и лѣсъ;

Дубовый, грубый сукъ, на чемъ она повисла,
Съ почтеніемъ къ ея прекрасной головѣ
Пригнулся такъ какъ прутъ — — —
И здраву Душеньку поставилъ на травѣ;
И вѣтви всѣ тогда, на низъ влекомы ею,
Иль сами волею своею,
Шумѣли радостно надъ нею,
И сѣединяючи концы,
Свивали разны ей вѣнцы.
Одинъ лишь наглый сукъ за платье зацѣпился,
И Душенькинъ покровъ вверху остановился;
Тогда увидѣлъ долъ и лѣсъ
Другое чудо изъ чудесъ — —

Вольность бываетъ маленькою слабостію Поэтовъ; строгіе люди давно осуждаютъ ихъ, но снисходительные многое извиняютъ, естьли воображеніе неразлучно съ остроуміемъ и не забываетъ правилъ вкуса. Когда горы и лѣса, видя *чудо*, восклицали, что Душенька всѣхъ на свѣтѣ прекраснѣе,

Амуръ, смотря изъ облаковъ,
Прилѣжнымъ взоромъ то оправдывалъ безъ словъ.

Поэту хотѣлось сказать, что Душенька прошла *сквозь огнь и воду*, и для того онъ заставляетъ ее броситься въ пламя, когда Наяды не дали ей утонуть въ рѣкѣ...

Лишь только бросилась во пламя на дрова,
Какъ вдругъ невидимая сила
Подъ нею пламень погасила;
Мгновенно дымъ исчезъ, огонь и жаръ потухъ,
Остался только лишь потребный теплый духъ,
За тѣмъ, чтобъ ножки тамъ Царевна осушила,
Которыя въ водѣ не давно замочила.

Это смѣшно, и разсказъ имѣетъ всю точность хорошей прозы. — Лафонтенъ, для разнообразія своей повѣсти, вводитъ исторію Философа-рыболова: въ Душенькѣ она могла бы только остановить быстроту главнаго дѣйствія. Сказки въ стихахъ не требуютъ *множества* вымысловъ, нужныхъ для живости прозаическихъ сказокъ. Богдановичь упоминаетъ о старомъ рыбакѣ единственно для того, чтобы Душенькѣ было кому пожаловаться на ея нещастіе. . .

Ты помнишь бытность всѣхъ временъ
И всякихъ въ мірѣ перемѣнъ:
Скажи, какъ свѣтъ стоитъ съ начала,
Встрѣчалось ли когда кому
Нещастье равно моему?
Я рѣзалась и въ петлю клалась,

Топилась и въ огонь бросалась;
Но въ горькой участи моей,
Прошедъ сквозь огнь, прошедъ сквозь воду,
И всѣми видами смертей
Приведши въ ужасъ всю Природу,
Противъ желанія живу
И тщетно смерть къ себѣ зову.
— — — — — —
Но кто ты? старецъ вопросилъ. . .
„Я Душенька — люблю Амура.“

Послѣдній стихъ очень милъ и трогателенъ, не смотря на шутливый тонъ Автора. — Объявленіе Венеры, прибитое на всѣхъ перекресткахъ, взято съ Французскаго, но гораздо смѣшнѣе на Рускомъ:

Понеже Душенька прогнѣвала Венеру,
И Душеньку Амуръ Венерѣ въ стыдъ хвалилъ;
Она же Душенька румяна унижаетъ,
Мрачитъ передъ собой достоинство бѣлилъ;
— — — — — — —
Она же Душенька, имѣя стройный станъ,
Прелестные глаза, пріятную усмѣшку;
— — — — — — — —
Она же взорами сердцамъ творя изъянъ:
— — — — — — — —
Того или инаго ради,
Венера каждому и всѣмъ

О гнѣвѣ на нее своемъ
По должной формѣ объявляетъ.

Въ обращенїи Душеньки къ богинямъ всего забавнѣе представлена важность Минервы, которая, занимаясь астрономическими наблюденїями и хвостами Кометъ, съ презрѣнїемъ говоритъ бѣдной красавицѣ,

Что міръ безъ Душеньки стоялъ изъ вѣка въ вѣкъ;
Что въ обществѣ она не важной человѣкъ;
А паче какъ хвостомъ Комета всѣхъ пугаетъ,
О Душенькѣ тогда никто не помышляетъ.

Богдановичь хотѣлъ осмѣять Астрономовъ, которые около 1775 году, естьли не ошибаюсь, пугали людей опасностїю Кометы. Но должно признаться, что о ревнивой Юнонѣ Лафонтенъ говоритъ еще забавнѣе Рускаго Стихотворца. Вотъ его слова: „Пастушкѣ нашей не трудно было „найти Юнону. Ревнивая жена Юпитера часто сходитъ на землю, чтобы „освѣдомляться о супругѣ. Псиша вспрѣтила ее гимномъ, но воспѣла одно могу„щество сей богини, и тѣмъ испортила „дѣло свое. Надобно было хвалить ея „красоту, и какъ можно усерднѣе. Ца„рямъ говори объ ихъ величїи, а Царицамъ „совсѣмъ объ другомъ, естьли хочешь „угодить имъ. Юнона отвѣчала, что

„должно наказать смертныхъ прелесть-„ницъ, въ которыхъ влюбляются боги. „За чѣмъ они таскаются на землю? раз-„вѣ на Олимпѣ еще мало для нихъ красавицъ?“ Богдановичь шутитъ только на счетъ Юпитеровыхъ метаморфозъ: здѣсь Лафонтенъ тонѣе. Но скоро Поэтъ нашъ беретъ верхъ, описывая ошибку людей, которые, видя въ Венериномъ храмѣ Душеньку въ крестьянскомъ платьѣ, считаютъ ее богинею и шепчутъ другъ другу на ухо:

Венера здѣсь тайкомъ!
Венера за столбомъ!
Венера подъ платкомъ!
Венера въ сарафанѣ!
Пришла сюда пѣшкомъ!
Конечно съ пастушкомъ!

Здѣсь короткіе стихи на одну риѳму прекрасно выражаютъ быстроту народныхъ словъ. И съ какимъ любезнымъ простосердечіемъ говоритъ Душенька раздраженной Венерѣ,

Колѣна преклоня:
Богиня всѣхъ красотъ! не сѣтуй на меня:
Я сына твоего прельщать не умышляла;
Судьба меня, судьба во власть къ нему посла-
ла.

Не я ищу людей, а люди въ слѣпотѣ
Дивятся завсегда малѣйшей красотѣ.
Сама искала я упасть передъ тобою;
Сама желала я твоею быть рабою.

Богдановичь поступилъ также гораздо милостивѣе съ своею Героинею, нежели Лафонтенъ, который заставилъ Венеру немилосердо сѣчь ее розгами! какое варварство! Руская Душенька *служитъ* только трудныя, опасныя *службы* богинѣ, совершенно въ тонѣ Рускихъ старинныхъ сказокъ, и прекрасно; идетъ за живою и мертвою водою, къ змѣю Гарыничу, и такъ хорошо, съ женскою хитростію, ублажаетъ его:

О змѣй Гарыничь, Чудо-Юда!
Ты сытъ во всяки времена;
Ты ростомъ превзошелъ слона,
Красою помрачилъ верблюда;
Ты всяку здѣсь имѣешь власть;
Блестишь златыми чешуями,
И смѣло разѣваешь пасть,
И можешь всѣхъ давить когтями!
Пусти меня, пусти къ водамъ!

Богдановичь, приводя Душеньку къ злому Кащею, не сказываетъ намъ его загадокъ: жаль! здѣсь былъ случай выдумать нѣчто остроумное. Но Авторъ уже довольно выдумывалъ, спѣшитъ къ концу, отдохнуть

на миртахъ вмѣстѣ съ своею Героинею, и мимоходомъ еще описываетъ Тартаръ несравненно лучше Лафонтена. Какъ скоро Душенька показала тамъ ногу свою, все затихло...

Церберы перестали лаять,
Замерзлый Тартаръ началъ таять.
Подземна царства темный царь,
Который возлѣ Прозерпины
Дремалъ, съ надеждою на слугъ,
Смутился тишиною вдругъ:
Возвысилъ вкругъ бровей морщины,
Сверкнулъ блистаньемъ ярыхъ глазъ,
Взглянулъ... начавши рѣчь, запнулся,
И съ роду первый разъ
Въ то время улыбнулся!

Сими прекрасными стихами заключаемъ нашу выписку. Амуръ соединяется съ Душенькою, и Богдановичь, вспомнивъ аллегорическій смыслъ древней басни, оканчиваетъ свою Поэму хвалою душевной, вѣчно неувядаемой красоты, въ утѣшеніе, какъ говоритъ онъ, всѣхъ земныхъ не-красавицъ.

Замѣтивъ хорошія и прекрасныя мѣста въ *Душенькѣ*, скажемъ, что она конечно не вся писана такими щастливыми стихами; но вообще столь пріятна, что благоразумный Критикъ, чув-

ствительный къ красотамъ Искусства и дарованія (а судъ другихъ есть пустословіе или злословіе) не захочетъ на счетъ ея доказывать своей тонкой разборчивости, и не забудетъ, что Ипполитъ Богдановичь *первый* на Рускомъ языкѣ игралъ воображеніемъ въ легкихъ стихахъ: Ломоносовъ, Сумароковъ, Херасковъ, могли быть для него образцами только въ другихъ родахъ.

Мудрено ли, что Душенька единогласно была прославлена всѣми любителями Рускаго Стихотворства? Шесть или семь листовъ, съ безпечностію брошенныхъ въ свѣтъ, перемѣнили обстоятельства и жизнь Автора. ЕКАТЕРИНА Царствовала въ Россіи: Она читала Душеньку съ удовольствіемъ и сказала о томъ Сочинителю: что могло быть для него лестнѣе? Знатные и придворные, всегда ревностные подражатели Государей, старались изъявлять ему знаки своего уваженія, и твердили наизусть мѣста, замѣченныя Монархинею. Тогдашніе Стихотворцы писали Эпистолы, Оды, мадригалы въ честь и славу творца Душеньки. *Онъ былъ на розахъ*, какъ говорятъ Французы. . . . Но многія блестящія знакомства отвлекали Богдановича отъ жертвенника Музъ въ самое цвѣ-

тущее время таланта (*) — и вѣнокъ Душеньки остался единственнымъ на головѣ его. Хотя онъ и неувядаемъ, однакожъ любители дарованій не переспанутъ жалѣть, что Поэтъ нашъ имъ удовольствовался и не захотѣлъ новыхъ. Онъ доказалъ, къ нещастію, что авторское славолюбіе можетъ имѣть предѣлы! Правда, что Богдановичь еще писалъ, но мало, или съ небреженіемъ, какъ будто бы *не-хотя* или въ дремотѣ Генія. Иной сказалъ бы, что Поэтъ, любя свою Душеньку, *хотѣлъ* оставить ей честь быть единственнымъ, изящнымъ твореніемъ его таланта. — Отъ 1775 до 1789 году онъ сочинилъ *Историческое изображеніе Россіи*, часть I (опытъ легкій, несовершенный, но довольно пріятный) — лирическую Комедію: *Радость Душеньки*, Драму: *Славяне*, и двѣ маленькія театральныя піесы изъ Рускихъ пословицъ. Сама ЕКАТЕРИНА ободряла Богдановича писать для театра, и въ знакъ Своего благоволенія пожаловала ему табакерку за *Радость Душеньки*, а за Драму *Славяне* перстень. Въ первой есть забавная сцена, пиръ боговъ, гдѣ Момусъ смѣшитъ своимъ *божественнымъ* простосердечіемъ;

(*) Ему было тогда съ небольшимъ 30 лѣтъ.

а во второй двадцати-пятилѣтнее торжество Славянъ въ честь великой Государыни, Которая навѣки основала ихъ благоденствїе, тронуло въ представленїи всѣхъ зрителей: ибо сїю Драму играли въ то время, когда совершилась четверть вѣка по восшествїи на тронъ ЕКАТЕРИНЫ. — Исполняя также волю сей Монархини, онъ издалъ Рускїя пословицы, въ которыхъ сохранились драгоцѣнные остатки ума нашихъ предковъ, ихъ истинныя понятїя о добрѣ и мудрыя правила жизни. Мы должны еще упомянуть о мѣлкихъ его стихотворенїяхъ, напечатанныхъ въ Собесѣдникѣ: нѣкоторыя изъ нихъ отличаются замысломъ и вкусомъ. — Но ни которая изъ прїятныхъ бездѣлокъ Богдановича не была такъ извѣстна и славна, какъ его пѣсня: *мнѣ минуло пятнадцать лѣтъ.* Она сдѣлалась *народною*, и донынѣ — не смотря на множество новыхъ любимыхъ пѣсенъ — сохраняетъ свое достоинство. Въ ней есть истинная *затѣйливость* и нѣжная простота, которыя равняютъ ее съ лучшими Французскими пѣснями. Что можетъ быть простѣе и любезнѣе слѣдующихъ куплетовъ?

„Далабъ ему я посохъ свой:
Мнѣ посохъ надобенъ самой;

И чтобъ звѣрей остерегаться,
Съ собачкой мнѣ не льзя разстаться.

Въ пустой и скучной сторонѣ
Свирѣлки также нужны мнѣ.
Овечку дать ему я рада,
Когда бы не считали стада." —

Пастушка говоритъ тогда:
„Пускай пастухъ придетъ сюда;
Чтобъ не было убытка стаду,
Я сердце дамъ ему въ награду!"

Онъ перевелъ также всѣ лучшіе Французскіе стихи, написанные въ честь ЕКАТЕРИНѢ, Вольтеровы, Мармонтелевы, и проч. Сіи Поэты умѣли хвалить Великую языкомъ благороднымъ, и Богдановичь не унижалъ его. На примѣръ, онъ такъ заставляетъ говорить Мармонтеля на Рускомъ языкѣ:

О ты, Которая въ законахъ и геройствѣ
Совмѣстниковъ Своихъ далеко превзошла, —
Божественный примѣръ Монархамъ подала
Пещися подданныхъ о щастьи и спокойствѣ!
Являй всегда Твоей величество души,
И славныхъ дѣлъ Своихъ начатки соверши!
Щастливому въ Твоемъ владѣніи народу
Осталося имѣть едину лишь свободу.

Въ переводѣ его Вольтеръ, подобно какъ и въ оригиналѣ, то важенъ, то забавенъ, говоря:

И гдѣ Великій ПЕТРЪ людей содѣлать могъ,
ЕКАТЕРИНА тамъ содѣлала Героевъ...
— — — — — — — —
Трудится день и ночь возставить всѣхъ покой,
И межь трудовъ ко мнѣ писать находитъ время.
Тогда же Мустафа, гордясь предъ Визиремъ,
Въ чертогахъ роскошью безчувственною дышетъ,
Зѣваетъ въ праздности, не мыслитъ ни о чемъ,
И никогда ко мнѣ, въ прибавокъ, онъ не пишетъ!

Занимаясь стихотворствомъ Богдановича, мы забыли службу его. Въ 1780 году онъ былъ опредѣленъ въ новоучрежденный тогда Государственный Санктпетербургскій Архивъ Членомъ, въ 1788 Предсѣдателемъ его, а въ 1795 отставленъ съ полнымъ жалованьемъ, служивъ 41 годъ. — Наконецъ, въ 1796 году, онъ выѣхалъ изъ Петербурга. Тогдашнія бѣдствія Европы, разительная картина непостоянствъ Фортуны въ отношеніи къ людямъ и къ государствамъ, самая свѣтская печальная опытность, могли въ добромъ и нѣжномъ сердцѣ его произвести склонность къ мирному уединенію. Пріятный климатъ, любезныя воспоминанія

дѣтства и самая вѣрнѣйшая связь въ мірѣ, дружба родственная, влекли Богдановича къ щастливымъ странамъ Малороссіи. Онъ пріѣхалъ въ Сумы, съ намѣреніемъ вести тамъ жизнь свою въ кругу ближайшихъ родныхъ и наслаждаться ея тихимъ вечеромъ въ объятіяхъ Природы, всегда любезной для чувствительнаго сердца, особливо для Поэта. Первые дни и мѣсяцы казались ему совершеннымъ очарованіемъ; никогда душа его не бывала такъ свободна и безмятежна. Уже никакія мечты не тревожили ея спокойствія. Мирная совѣсть, пятьдесятъ лѣтъ проведенныхъ въ наблюденіи строгихъ правилъ чести, кроткая, но всегдашняя дѣятельность благородныхъ способностей человѣка: ума образованнаго и зрѣлаго, воображенія еще не угасшаго; чтеніе Авторовъ избранныхъ, обхожденіе съ людьми добрыми и близкими къ сердцу, самое единообразіе простой жизни, любезное въ нѣкоторыхъ лѣтахъ, были щастіемъ Богдановича, истиннымъ и завиднымъ, котораго желаютъ всѣ люди, живущіе для славы собственной и пользы другихъ въ шумѣ свѣтскомъ, и котораго милымъ образомъ украшаютъ они *въ мысляхъ* послѣдніе дни свои въ мірѣ, дни отдохновенія и покоя!... Но

Пристанища въ семъ мірѣ нѣтъ!...

Здѣсь должны мы осторожно повторить извѣстіе не ясное, хотя и вѣрное. Руссо на шестомъ десятилѣтіи жизни испыталъ всю силу романической страсти, забавной въ глазахъ молодаго свѣтскаго Адониса, но трогательной для человѣколюбиваго наблюдателя. Можно съ покойною совѣстію шутить надъ старикомъ-Селадономъ; но для *особенной* и *случайной* привязанности нѣтъ сроку: всегда можно любить, пока сердце живо, и взоръ чувствительной женщины изъявляетъ намъ симпатію. Самолюбіе, нѣкоторымъ образомъ справедливое въ человѣкѣ достойномъ; имя дружбы, которымъ часто закрываемъ любовь отъ самихъ себя; надежда быть — естьли не прелестнымъ, то хотя пріятнымъ, и нравиться самымъ тѣмъ, чтобы не думать нравиться — заводятъ иногда и не-Поэтовъ весьма далеко.... Не знаемъ обстоятельствъ; но кто, и зная ихъ, могъ бы безъ нарушенія правилъ скромнаго благоразумія открыть свѣту подробности сердечной связи? Скажемъ только, что тихая, мирная, щастливая жизнь Богдановича вдругъ сдѣлалась ему несносною. Онъ долженъ былъ разлучиться съ другомъ и братомъ... Какъ остаться въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ все напоминало ему и блаженнѣйшіе часы для сердца и не-

ожидаемыя ихъ слѣдствія? Оскорбленное самолюбіе бываетъ, антидотомъ любви, но жестокимъ!.. И всякая сильная перемѣна чувствъ ужасна въ то время, когда мы близки къ западу жизни, и когда Натура предписываетъ человѣку *спокойствіе*, какъ необходимое условіе еще возможнаго для него щастія! Надежда замѣнить потерю облегчаетъ ее въ молодости; но лѣта отнимаютъ у насъ сіе дѣйствительное утѣшеніе. Мы слышимъ только голосъ строгаго разсудка, который запрещаетъ даже и жаловаться на судьбу!... Сей взоръ на послѣдніе годы нашего любезнаго Стихотворца печаленъ для всякаго, кто умѣетъ воображать себя на мѣстѣ другихъ.

Въ 1798 году онъ переселился въ Курскъ. — АЛЕКСАНДРЪ восшелъ на тронъ; и когда всѣ Патріоты съ радостными надеждами устремили на НЕГО взоры, Богдановичь взялъ лиру, уже давно имъ оставленную — и юный Монархъ въ знакъ Своего благоволенія прислалъ ему перстень. Муза *Душеньки* имѣла славу и щастіе нравиться Великой ЕКАТЕРИНѢ: Августѣйшій Внукъ Ея могъ ли не удостоить ее Своего вниманія?

Въ началѣ Декабря 1802 году Богдановичь занемогъ, бывъ всегда не крѣп-

каго сложенія; томился четыре недѣли, и кончилъ жизнь 6 Января, къ горести родныхъ, друзей и всѣхъ любителей Руской Словесности: ибо онъ еще не дожилъ до глубокой, маститой старости, которая бываетъ послѣднимъ знакомъ Небеснаго благоволенія къ земнымъ странникамъ, облегчая ихъ переходъ въ вѣчность.

Говорятъ, что жизнь и характеръ Сочинителя видны въ его твореніяхъ; однакожь мы, любя послѣднія, всегда спрашиваемъ о первыхъ у тѣхъ людей, которые лично знали Автора. Всѣ знакомые и пріятели Богдановича единогласно хвалятъ его моральныя свойства, тихой нравъ, чувствительность, безкорыстіе и какую-то невинную веселость, которую онъ сохранилъ до старости, и которая дѣлала его пріятнымъ въ дружескомъ обществѣ. Никто не замѣчалъ въ немъ авторскаго самолюбія. Богдановичь даже рѣдко говаривалъ о Поэзіи и Литературѣ, и всегда съ нѣкоторою застѣнчивостію, бывшею природнымъ свойствомъ его. Не мудрено, что онъ не любилъ Критики, пугающей всякое нѣжное самолюбіе, и признавался, что она своею грубою строгостію могла бы совершенно отвратить его отъ авторства.

Друзья Богдановича — которыхъ онъ, однажды нашедши, не терялъ никогда — а еще долѣе любители Рускихъ талантовъ сохранятъ его память: ибо творецъ *Душеньки* будетъ извѣстенъ потомству — какъ Стихотворецъ прїятный, нѣжный, часто остроумный и замысловатый.

Ц. Ф.

II.

Тяжба Ума съ Красотою.

Умъ однажды поссорился съ Красотою; разумѣется, что не онъ былъ начинщикомъ. Красота утверждала, будто ему ни въ чемъ не должно спорить съ нею; но Умъ имѣлъ свои права, и не хотѣлъ уступить ихъ. Жители Пафоскїе раздѣлились на двѣ партїи. Между тѣмъ наступилъ праздникъ въ честь Венерѣ.

Красота имѣла тамъ особенный олтарь, на которомъ ѳимїамъ безпрестанно курился. Гордая богиня на всѣ жертвы мїра отвѣтствовала одною улыбкою, и любовь была довольна. Что принадлежитъ до Ума, то его изъ милости — терпѣли въ храмѣ, и почти такъ же

обходились съ нимъ, какъ въ старину съ придворными шутами: извѣстно, что они всѣхъ забавляли, а ихъ всякой могъ щелкать по носу. Это было конечно великою неблагодарностію: кто при дворѣ не даетъ людямъ умирать отъ скуки, того надлежало бы считать важнымъ человѣкомъ.

Красота отдалась на судъ народа. Выбрали судей по жеребью; но старяковъ исключили. Красота объявила ихъ пристрастными. Умъ могъ бы жаловаться на такую несправедливость; но онъ зналъ, что *судъ* и *разсудокъ* не имѣютъ никогда одного значенія.

Записали имена судей, мущинъ и женщинъ. Тогда явилась Красота. . . . Ея гордые взоры изображали спокойную увѣренность; внутренняя досада еще болѣе оживила цвѣтъ лица и блестящій огонь въ глазахъ ея. Начавъ говорить, она требовала, чтобы Умъ обязался торжественно быть во всемъ ея слугою, не смѣлъ и думать объ олтаряхъ, и ежедневно курилъ ѳиміамъ на ея жертвенникѣ. Красота замолчала — ибо не умѣла сказать ничего болѣе — и хорошо сдѣлала: ибо рѣчь богини начинала вредить дѣйствію милаго ея вида. Безмолвіе было ей полезнѣе, и пріятная улыбка довершила торжество ея въ сердцахъ

судей. . . Тутъ выступилъ Умъ. Черты лица его нравились, не будучи правильными; глаза сїяли огнемъ; высокой лобъ изъявлялъ какое-то благородство души; голосъ былъ мужественъ и трогателенъ. — Ожидали съ нетерпѣнїемъ его рѣчи; не замѣчали въ немъ малаго роста, а видѣли только одну стройность. Выразительные, быстрые взоры его проницали въ душу. Многїе, смотря на Умъ, не взглянули ни разу на Красоту.

Онъ наклонилъ голову въ знакъ почтенїя, и сказалъ: „Милостивые государи! Красота имѣетъ столько выгодъ и „преимуществъ, что вы безъ сомнѣнїя „дозволите мнѣ взять всѣ мѣры осторожности для моей защиты. Требую, чтобы рѣшенїе отложили до большаго „праздника Венерина, который будутъ „торжествовать *черезъ три года*. Между „тѣмъ соглашаюсь во всемъ угождать „Красотѣ: повѣрьте, что низкая зависть „чужда моему сердцу.“

Всѣ захлопали въ знакъ удовольствїя и, по его желанїю, отсрочили рѣшенїе. Списокъ именъ судейскихъ спрятали въ миртовой ларчикъ, и съ того дня Красота начала повелѣвать Умомъ, не сомнѣваясь въ своей побѣдѣ.

Три года скоро проходятъ въ странѣ Любви, и насталъ день великаго торжества. Музыкальныя орудія и радостныя восклицанія щастливыхъ любовниковъ загремѣли въ Пафосѣ. Въ часъ суда народъ собрался на обширномъ лугу, гдѣ сдѣланъ былъ амфитеатръ для судей. Вынули изъ миртоваго ларчика имена ихъ, всѣхъ перекликали, и всякой, сказавъ: я! сѣлъ на свое мѣсто.

Умъ всходитъ на каѳедру.... взглядываетъ быстро на судей и народъ; читаетъ требованія Красоты — и съ великою скромностію начинаетъ говорить, ни мало не унижая гордой совмѣстницы, и желая единственно правъ равенства . . . . изображаетъ ихъ особенныя выгоды, удовольствія, опасности; сравниваетъ любовника умнаго, котораго глаза, физіономія и разговоры безпрестанно открываютъ новыя прелести души его, съ прекраснымъ неодушевленнымъ лицомъ, которое должно скоро наскучить; доказываетъ, что не льзя долго любить человѣка, котораго презираемъ — и съ такимъ жаромъ описываетъ выгоды ума въ любовной связи, что всѣ слушатели окружили, стѣснили его, и Красоту еще въ первый разъ одну оставили. Искусное *ораторское движеніе* довершило его побѣду.

„Вообразимъ, сказалъ Риторъ, вообразимъ „дѣйствіе времени на Умъ и Красоту: оно „всѣмъ надѣляетъ первый и все отни- „маетъ у послѣдней; со временемъ пріо- „брѣтаемъ знанія, со временемъ лишаем- „ся наружныхъ прелестей. Умъ принад- „лежитъ старику и молодому, Красота „только юношеству: она уже старѣется „тогда, когда первый еще зрѣетъ. Болѣзнь, „воздухъ, огорченіе, истребляютъ красоту: „Умъ не боится случаевъ, и всякую утрату „замѣняетъ новыми пріобрѣтеніями.“

Тутъ громкіе вздохи раздались въ амфитеатрѣ. Ораторъ остановился; всѣ зрители обратили туда глаза... Четыре славнѣйшія красавицы, бывшія въ числѣ судей, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ лишились прелестей, которыми онѣ еще недавно гордились. Нѣжная Алина, также сидѣвшая въ амфитеатрѣ, любила молодаго человѣка, не красавца, но славнаго умомъ: ихъ страстные и пламенные взоры служили убѣдительнымъ доказательствомъ истины, предложенной Ораторомъ. Однимъ словомъ, всѣ судьи, перешедши изъ крайности въ крайность, могли бы даже навсегда изгнать Красоту изъ Пафоса, естьли бы она въ самое то мгновеніе — не заплакала... Это стоитъ рѣчи, и добрые судьи, сжалясь надъ нею, рѣшили,

что впредь Умъ и Красота будутъ имѣть *одни* права, обязываясь уважать другъ друга. — Съ того времени женщины болѣе приносятъ жертвъ Красотѣ, а любовники Уму; и съ того же времени, по вѣрному замѣчанію наблюдателей, гораздо болѣе видимъ обманутыхъ матерей, опекуновъ и мужей.

(*Изъ Фран. Жур.*)

III.

Выписка изъ Лондонскихъ Журналовъ.

Нѣкто Іосифъ Ристонъ издалъ на сихъ дняхъ книгу, въ которой онъ убѣдительно доказываетъ, что самыя ужаснѣйшія злодѣйства въ мірѣ раждаются отъ привычки — ѣсть мясо! Доказательства ученаго Господина Ристона всѣ основаны на Исторіи. Скиѳы пили сначала кровь овецъ и коровъ, а послѣ кровь своихъ непріятелей. Безчеловѣчный характеръ дикихъ Арабовъ происходитъ отъ того, что они ѣдятъ верблюдовъ. Англичане любятъ лошадиную скачку, звѣриную ловлю, травлю быковъ, сраженія бѣдныхъ пѣтуховъ и кулачные бои отъ того,

что любятъ *бифстековъ и ростбифъ*; а склонность къ такимъ варварскимъ забавамъ приготовляетъ человѣка къ злодѣйству. У насъ было, къ нещастїю, много дурныхъ, жестокихъ Королей, отъ того, что всѣ они были великїе звѣроловы. Скалигеръ разсказываетъ, что Іаковъ I, впрочемъ добродушной человѣкъ, выходилъ изъ самого себя, когда не могъ догнать оленя. „Богъ на меня прогнѣвался, говаривалъ онъ, естьли не убью этова звѣря" — и, догнавъ бѣдное животное, съ адскою радостїю обагрялся его кровїю. — Мы торгуемъ Неграми также отъ любви къ мясной пищѣ; и Господинъ Виндамъ не проповѣдовалъ бы войны, не хвалилъ бы въ Парламентѣ травли быковъ, естьли бы онъ не наполнялъ своего желудка *бифстексомъ*. Вольтеръ всего болѣе доказалъ свое остроумїе тонкимъ замѣчанїемъ, что Карлъ IX не стрѣлялъ бы изъ ружья въ Протестантовъ, естьли бы онъ не написалъ книги о звѣриной ловлѣ: привыкнувъ душить зайцовъ, Его Величество вздумалъ позабавить себя и Варѳоломеевскимъ кровопролитїемъ. — Однимъ словомъ, естьли бы люди не умерщвляли звѣрей, то они не умерщвляли бы и другъ друга.

Не давно умеръ въ Лондонѣ Альдерманъ Каделъ, первый изъ Англійскихъ книгопродавцевъ. Онъ имѣлъ такую славу въ ученомъ свѣтѣ, что всякая книга, имъ напечатанная, скоро продавалась. — Каделъ былъ ученикомъ и товарищемъ славнаго Миллара, который жилъ дружно со всѣми великими Геніями царствованія Георга II: съ Варбуртономъ, Томсономъ, Фильдингомъ, Юномъ, Робертсономъ и Джонсономъ. Онъ печаталъ однѣ хорошія книги, и цѣнилъ ихъ не по числу страницъ, а по таланту. Самъ Фильдингъ разсказывалъ друзьямъ своимъ слѣдующій анекдотъ. Онъ былъ еще въ великой бѣдности, когда написалъ Тома Джонеса; не зналъ, какъ сбыть его съ рукъ, и сердечно обрадовался, когда одинъ книгопродавецъ предложилъ ему за сей романъ 25 фунтовъ стерлинговъ. Фильдингъ, будучи знакомъ съ Томсономъ, показалъ ему свой манускриптъ. Сей великій Стихотворецъ, прочитавъ нѣсколько главъ, сказалъ ему: „я найду купца для вашего романа" — и на другой день повелъ его обѣдать въ таверну съ Милларомъ. Сей книгопродавецъ спросилъ бутылку Шампанскаго, выпилъ здоровье Автора Тома Джонеса, и сказалъ Фильдингу; „я не люблю торго-

ваться; даю вамъ за манускриптъ 200 фунтовъ стерлинговъ, и не прибавлю ни шиллинга! "*Двѣсти фунтовъ*! воскликнулъ удивленный Авторъ: *онъ не стоитъ и половины*. . . . „Нужды нѣтъ: дѣло сдѣлано, и мы его напечатаемъ." — Сей романъ такъ полюбился публикѣ, что въ нѣсколько дней раскупили все изданіе. Съ того времени Фильдингъ и Милларъ сдѣлались друзьями. Первый не зналъ бережливости, и мало по малу задолжалъ послѣднему 25000 рублей. Милларъ передъ смертью изодралъ Фильдинговы росписки, чтобы наслѣдники не требовали съ него денегъ. — Кадель былъ таковъ же, и любилъ щедро платить хорошимъ Авторамъ. За первое изданіе Робертсоновой Исторіи Карла V онъ самъ предложилъ Сочинителю 40,000 рублей, и всѣ извѣстные Писатели хотѣли имѣть дѣло съ однимъ Каделемъ: Гиббонъ, Фергуссонъ, Смитъ, Блеръ, Джиллисъ, Митфордъ и проч. Въ другой землѣ такой щедрой книгопродавецъ могъ бы разориться, но Кадель оставилъ послѣ себя милліона два: ибо Англичане *имѣютъ слабость* любить таланты въ своемъ отечествѣ и знаютъ цѣну хорошихъ книгъ.

Подагра есть одна изъ самыхъ мучительнѣйшихъ болѣзней, и до сего времени *терпѣніе* и *фланель* считались единственнымъ отъ нее лекарствомъ. Нынѣ открыли *вѣрный* способъ избавляться въ нѣсколько часовъ отъ самой жестокой подагры — и способъ весьма простой: намазать сокомъ *одного плода* больное мѣсто, и въ тотъ же день прыгать въ Англійскихъ контрдансахъ, естьли угодно. Открытіе столь благодѣтельное стоитъ телеграфа и даже Гальванизма. Мы видимъ нетерпѣніе подагристовъ; они всѣ приподнимаются съ креселъ своихъ и въ одинъ голосъ спрашиваютъ объ имени плода... Къ нещастью, оно еще не объявлено; но два Медика, весьма извѣстные въ Англіи, публиковали въ вѣдомостяхъ, что они знаютъ его, лечили имъ, и видѣли удивительную пользу. Человѣкъ, который случайнымъ образомъ нашелъ сіе лекарство, хочетъ сперва опытомъ удостовѣрить публику въ его дѣйствительности, призываетъ къ себѣ больныхъ, открываетъ свою тайну нѣкоторымъ Докторамъ, обязывая ихъ молчать до времени, и наконецъ все обнародуетъ, въ надеждѣ, что Парламентъ изъявитъ ему знаки государственной благодарности.

Давно уже Англїя славится чудаками. Нынѣ вниманїе Лондонской публики обращено на одного изъ нихъ, живущаго въ Сити, противъ дому Ост-Индской Компанїи. Отецъ его былъ знаменитой и богатой купецъ, торговавшїй желѣзомъ; жилъ хорошо, ѣздилъ въ каретѣ и старался наилучшимъ образомъ воспитать сына, который путешествовалъ, провелъ годъ въ Италїи, нѣсколько разъ былъ въ Парижѣ и говоритъ совершенно какъ по-Италїянски, такъ и по-Французски. При жизни отца онъ любилъ щеголять, одѣвался всегда не только по модѣ, но и богато: носилъ шитые серебромъ и золотомъ кафтаны, чесался волосъ къ волосу, и никогда не надѣвалъ шляпы. Но съ нѣкотораго времени сдѣлалась въ немъ удивительная перемѣна: онъ сталъ первымъ неряхою въ Лондонѣ, и даже отвратительно-гадкимъ какъ въ образѣ жизни, такъ и въ платьѣ; сидитъ въ лавкѣ своей безъ кафтана, въ одномъ замаранномъ и худомъ камзолѣ, въ черной рубашкѣ; никогда не умывается, не чешетъ головы, не стрижетъ ногтей, и прозванъ — чертомъ!! Окна въ лавкѣ его всегда затворены, и товары лежатъ кучами въ страшномъ безпорядкѣ. На вопросъ: для чего онъ ходитъ безъ кафтана?

чудакъ нашъ отвѣчаетъ: „не имѣю времени одѣться; все думаю о дѣлахъ своихъ, и дни проходятъ. Пятнадцать лѣтъ собираюсь открыть окна въ лавкѣ, и не нахожу свободной минуты.“ Домъ его внутри и снаружи равно нечистъ. Разбитыя стекла залѣплены бумагой; трубы уже лѣтъ десять не чищены. Не смотря на то, Ричардъ (такъ называется сей удивительной человѣкъ) говоритъ умно и пріятно. Нѣкоторые думаютъ, что онъ странностію своею желаетъ только заманивать къ себѣ купцовъ. Сосѣди брались на свои деньги выбѣлить его домъ и лавку. „Ни „за что не соглашусь, сказалъ онъ: „магазинъ мой извѣстенъ въ чужихъ „земляхъ подъ именемъ *нечистаго*, и я „могу разориться, естьли дамъ ему другой видъ.“ Ричардъ не держитъ слугъ; выходя изъ дому, запираетъ двери большою желѣзною цѣпью, и даетъ нѣсколько копѣекъ одной бѣдной торговкѣ, чтобы она поглядывала на замокъ до его возвращенія. Скупость его чрезмѣрна: онъ весьма рѣдко разводитъ у себя огонь въ комнатѣ; а когда холодно, то садится въ коробъ, наполненный соломою. Прежде Ричардъ любилъ женщинъ, а нынѣ ни одна изъ нихъ не смѣетъ итти къ нему въ лавку безъ надежнаго проводника. Нѣкоторые люди —

разумѣется, не дальняго ума — готовы божиться, что онъ, какъ второй *Рауль синяя борода*, умертвилъ нѣсколько женщинъ и бережетъ ихъ головы въ одной запертой комнатѣ. У него въ самомъ дѣлѣ есть запертая горница; но вотъ причина: Ричардъ нѣкогда хотѣлъ жениться на прекрасной дѣвушкѣ, и наканунѣ свадьбы ждалъ ее къ себѣ завтракать; но вдругъ слуга прибѣжалъ сказать, что она умерла скоропостижно. Пораженный симъ ужаснымъ случаемъ, онъ рѣшился никогда не входить въ ту комнату, гдѣ былъ приготовленъ завтракъ; оставилъ въ ней чашки, самоваръ, кофейникъ, и заколотилъ дверь. — У него есть карета, но старая, въ которой ѣздилъ отецъ его. Богатая сестра Ричардова иногда пріѣзжаетъ съ нимъ видѣться; только никогда не выходитъ изъ кареты, боясь страшной нечистоты въ его домѣ.

Недавно (пишутъ изъ Индіи) дикіе *Шаваны* взяли въ полонъ своего непріятеля *Авантука*, привязали къ столбу и тирански мучили. Онъ все равнодушно вытерпѣлъ и сказалъ имъ: „вы глупы и не умѣете обходиться съ жестокимъ непріятелемъ. Естьли меня отвяжете, то я научу васъ.“ — Шаваны исполнили его желаніе. Онъ выпросилъ себѣ трубку

табаку, закурилъ ее, сѣлъ на горящіе факелы воиновъ и — обратился въ пепелъ, не закричавъ ни разу.

Книгопродавецъ Филипсъ, съ согласія Вашингтоновыхъ наслѣдниковъ, издаетъ біографію сего великаго мужа, сочиненную изъ собственныхъ его записокъ. Авторъ есть Г. Маршалъ, главный судья въ Америкѣ и другъ Вашингтоновъ. Книга составитъ 4 или 5 большихъ томовъ. Она выдетъ въ одно время въ Лондонѣ и въ Филадельфіи; племянникъ Вашингтоновъ и нынѣшній владѣлецъ его помѣстья *Моунт - Вернона* написалъ нѣкоторыя примѣчанія къ сей любопытной біографіи. Первый томъ отпечатается въ Лондонѣ къ Маю мѣсяцу.

IV.

Великодушное дѣло Тверскаго Дворянина.

Письмо къ Издателю.

Въ 7 нумерѣ *Вѣстника* я съ удовольствіемъ читалъ о безкорыстіи одного Смоленскаго Дворянина. Оно безъ сомнѣнія достойно похвалы; но какъ предметомъ его

былъ родной братъ, то не удивляюсь ему. Мы еще (слава Богу!) не считаемъ родныхъ чужими! Опишу вамъ другой случай великодушнаго безкорыстія, извѣстный жителямъ Тверской Губерніи, и надѣюсь, что вы не откажетесь помѣстить сего въ вашемъ Журналѣ.

Николай Ивановичь Игнатьевъ, Тверской Губерніи Дворянинъ, человѣкъ достойной и благомысляцій, имѣлъ у себя дальняго свойственника, Егора Ѳедоровича Карцова (нынѣшняго Предводителя Ржевской Округи). Сей доброй свойственникъ оказывалъ къ нему искреннюю привязанность и покоилъ его въ старыхъ лѣтахъ. Желая изъявить на дѣлѣ свою за то благодарность, Г. Игнатьевъ укрѣпилъ ему знатную часть своего имѣнія и отдалъ во владѣніе. Черезъ нѣсколько времени, не смотря на старость, Г. Игнатьевъ женился. Тогда почтенный и великодушный свойственникъ хотѣлъ немедленно возвратить ему имѣніе, говоря, что онъ можетъ имѣть дѣтей, и что оно должно по совѣсти и закону имъ принадлежать. Но чувствительный и признательный старикъ никакъ на то не согласился, а только еще болѣе полюбилъ своего добраго свойственника за его безкорыстіе. Г. Игнатьевъ умеръ, оставивъ

достойную супругу и дѣтей малолѣтныхъ. Почтенный Г. Карцовъ спѣшилъ къ огорченной вдовѣ и матери, и трогательнымъ образомъ убѣдилъ ее взять отъ него имѣнїе покойнаго супруга ея. „Я хранилъ его, сказалъ онъ, только для вашихъ дѣтей!“ Не буду описывать благодарныхъ чувствъ Госпожи Игнатьевой; скажу только, что она донынѣ любитъ и почитаетъ его какъ отца, и старается вселить такїя же чувства и въ дѣтей своихъ.

Вотъ, милостивый Государь мой! случай, о которомъ я желалъ васъ увѣдомить, думая, что всякой истинной Руской Дворянинъ не можетъ не порадоваться такому хорошему дѣлу своего добраго собрата. — Имѣю честь, *и прочъ.*

N. N.

(Издатель изъявляетъ искреннюю благодарность за сїе письмо, и жалѣетъ, что ему не дозволено сказать, кѣмъ оно писано.)

V.

СТИХИ

На смерть Сен-Ламберта (*).

J'écoute encore, & ſon chant a ceſſé.

Недавно весь Парнассъ въ печальную минуту
Оплакалъ *Душеньки* творца кончину люту:
Увы! насъ Музы вновь ко горестямъ влекутъ —
На гробъ Пѣвца временъ потоки слезны льютъ.
Твой вѣкъ, о Сен-Ламберъ, вѣкъ мирный, долголѣтный,
Исчезъ какъ тѣни слѣдъ, въ пространствѣ незамѣтный!
Исчезло все!... Нѣтъ, нѣтъ, и вопреки судьбѣ
Безсмертье въ вѣчности принадлежитъ тебѣ.
Изникнетъ славы храмъ изъ гробовыхъ обломковъ;
Ты станешь жить въ сердцахъ и въ памяти потомковъ.
Олтарь тебѣ во всѣ грядущи времена
И осень и зима, и лѣто и весна.
Съ зарею утренней, съ вечерними тѣнями
Являться будешь намъ съ пріятными мечтами;
И сидя на брегу, питая грусть съ луной,
Со гласомъ соловья воспомнимъ голосъ твой.

(*) Вотъ примѣръ для Французовъ! Но вѣроятно, что они еще не скоро будутъ писать стихи на смерть Рускихъ Поэтовъ. — *Изд.*

Прелестны Граціи! вы съ нами днесь скорбите;
Въ послѣдній разъ ему на гробъ вѣнки несите!
Не часто станете вы тѣ срывать цвѣты,
Какими красятся Парнасски высоты.
Щастливы времена, любимцевъ вашихъ полны,
Сокрылись въ вѣчности, какъ въ нѣдрахъ моря волны.
О вѣки славные! почто вы протекли,
Оставивъ по себѣ лучь слабый на земли?
Вы гробомъ кажетесь, гдѣ солнцы наши скрылись,
Отъ коихъ пламени умы животворились.

И ты, о Сен-Ламбертъ! уже оставилъ насъ!
Съ тобой опять, увы! осиротѣлъ Парнасъ.
Ты жилъ, когда умы, таланты, вкусъ блистали:
Престолы, хижины собою украшали;
Ты видѣлъ, какъ они подъ времени косой,
Одни послѣ другихъ, скрывались вѣчной тьмой;
Ты былъ свидѣтелемъ въ дни мрачны и плачевны,
Когда страну твою судьбы карали гнѣвны,
Какъ злобны Фуріи, къ печалямъ Музъ драгихъ,
Лишали смертнаго и свѣтъ любимцевъ ихъ.
Картина ужасовъ твой духъ поколебала,
И будущее въ тмѣ невѣжества являла.
Такъ... Музы и Парнассъ преемниковъ не зрятъ;
И въ храмѣ памяти, гдѣ Геніи блестятъ,

Вѣнчаютъ образъ твой нетлѣнными лучами,
Да возсіяешь ты со славой межь вѣками.
Прости, великій мужъ! что стихъ тебѣ сложилъ....
Онъ горести моей лишь тѣнь одну явилъ...
Щастливы, кои твой объемлютъ камень гробный,
И съ Музами на немъ ліютъ потоки скорбны!
Прости, что слилъ свой гласъ со звукомъ Гальскихъ лиръ!...
Отечество твое — сердца и цѣлый міръ!

Евстафій Ст....

VI.

Прохожій.

Прохожій, въ монастырь зашедши на пути,
Просилъ у братій позволенья
На колокольню ихъ взойти;
Взошелъ, и сталъ хвалить различныя явленья,
Которыя ему открыла высота.
„Какія, онъ сказалъ, волшебныя мѣста!
Вдругъ вижу горы, лѣсъ, озера и долины!
Великолѣпныя картины!
Не правда ли?“ вопросъ онъ сдѣлалъ одному
Изъ братій съ нимъ стоящихъ. —
Да, труженикъ вздохнувъ отвѣтствовалъ ему:
Для проходящихъ.

* * *

ПОЛИТИКА.

I.

О предразсудкахъ въ отношеніи къ гражданскому обществу и Политикѣ. — Письмо къ Философисту.

Дюклосъ въ *разсужденіи* своемъ *о нравахъ* жалѣетъ, что многіе предразсудки истребились. Я осмѣлился повторить мнѣніе Дюклоса: вы сказали, что оно ведетъ къ рабству. Однакожъ могу увѣрить васъ, что люблю свободу, и что деспотизмъ не нравится мнѣ даже и въ Философіи.

Утверждаю, что никакое гражданское общество не можетъ сохраниться безъ предразсудковъ, которые суть ничто иное, какъ мнѣнія о вещахъ, основанныя на вѣрѣ безъ основательнаго изслѣдованія. И такъ одинъ Богъ можетъ не имѣть предразсудковъ: ибо Онъ только можетъ все обозрѣть и все испытать.

Предразсудки можно раздѣлить на два рода: на *домашніе* и *общественные*. Взглянемъ на первые. Человѣкъ въ самомъ младенчествѣ слышитъ, что надобно любить родителей и повиноваться за-

конамъ Творца. Можетъ ли тогда слабый разумъ его изслѣдовать сїи главныя идеи общественнаго порядка? Мнѣнїя и чувства младенца суть предразсудки; но они заключаютъ въ себѣ истину, необходимую для его щастїя. Возрастая, онъ безпрестанно слѣдуетъ примѣру другихъ; отъ чувствъ, вселенныхъ въ него женскимъ воспитанїемъ, переходитъ къ понятїямъ своего учителя; дѣлаетъ то, что дѣлали его предки; наблюдаетъ обычаи свѣта; въ наукахъ, въ упражненїяхъ, даже въ забавахъ пользуется запасомъ вѣковъ. Самыя обыкновенныя дѣйствїя его суть ничто иное, какъ подражанїе; и вся жизнь человѣка не есть ли въ нѣкоторомъ смыслѣ повторенїе того, что онъ видѣлъ и слышалъ? Многое ли удалось ему открыть собственнымъ размышленїемъ?

Принимая такимъ образомъ мысли другихъ, человѣкъ безъ сомнѣнїя подвергается ошибкамъ; но онъ видитъ передъ собою опыты вѣковъ, слышитъ мнѣнїя многихъ просвѣщенныхъ людей. Естьли же захочетъ жить только своимъ умомъ, боясь предразсудковъ, то принужденъ будетъ разбирать причины самыхъ обыкновенныхъ идей, навыковъ и дѣйствїй, останавливаясь на всякомъ шагѣ; все освя-

щенное опытомъ и временемъ пропадетъ для него; онъ сравняется съ дикимъ, выходящимъ въ первой разъ изъ лѣсу, и не слыхавшимъ никогда о гражданскомъ обществѣ.

Часто предразсудки бываютъ чувствами (sentimens), которыя дѣлаютъ насъ добрѣе и щастливѣе. Вѣра есть любовь и любовь вѣра. Люди, которые ничему не вѣрятъ, безъ сомнѣнія ничего не любятъ. Чувствительность слабѣетъ отъ равнодушія, и всѣ цвѣты воображенія увядаютъ отъ невѣрія. Жанъ-Жакъ Руссо зашелъ однажды на Валеріанской горѣ въ часовню пустынниковъ; услышалъ ихъ пѣніе, святымъ усердіемъ одушевленное; увидѣлъ радостное спокойствіе, на ихъ лицахъ написанное, и воскликнулъ въ умиленіи: *какъ они щастливы своею вѣрою!* Руссо былъ Философъ съ нѣжнымъ и добрымъ сердцемъ; но и другіе Философы, менѣе знаменитые, имѣли случай то же помыслить въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ. Я знаю въ свѣтѣ многихъ людей, и самыхъ женщинъ, которые сами не вѣрятъ, но завидуютъ теплой вѣрѣ другихъ.

Теперь разсмотримъ предразсудки въ ихъ отношеніи къ гражданскому обществу. Естьли бы какой народъ захотѣлъ не имѣть ихъ, то ему надлежало бы собраться и снова изслѣдовать всѣ обще-

ственныя основанія. Я не думаю, что бы многіе согласились въ государственныхъ правилахъ: одинъ мыслитъ такъ, другой иначе. Положимъ, что и всѣ граждане согласятся во мнѣніяхъ; но должно будетъ для всякаго новаго поколѣнія собирать новой сеймъ, ибо молодые люди также, боясь предразсудковъ, захотятъ все сами изслѣдовать. Какое же будетъ твердое основаніе государствъ? Чтобы избѣжать сихъ неудобностей, люди условились считать нѣкоторыя мнѣнія и правила *несомнительными*. Отъ того въ каждой землѣ родились обычаи, навыки, и переходятъ изъ рода въ родъ. Сіи обыкновенія суть ничто иное, какъ предразсудки, которые, такъ сказать, соединяютъ вѣки между собою; бываютъ знакомъ безмолвнаго согласія гражданъ, привязываютъ ихъ къ системѣ государственной, хранятъ равновѣсіе и порядокъ, однажды утвержденный.

Народъ, отказываясь отъ предразсудковъ, измѣняется въ своихъ нравахъ, которые отъ частыхъ перемѣнъ могутъ совсѣмъ исчезнуть. Многія государства перемѣняли законы и еще цвѣли; но никакая Монархія, никакая Республика не могла пережить своихъ нравовъ и предразсудковъ. Граждане и законы находятся

часто въ отдаленномъ сношенїи между собою; но связь ихъ со нравами всегда непосредственна. Въ Азїи есть народы, сохранившїе свои уставы въ теченїе двадцати или тридцати вѣковъ, отъ того, что сїи уставы обратились въ обычаи и предразсудки. Іудеи еще и донынѣ слѣдуютъ законамъ Моисеевымъ, и не знаютъ другихъ: ибо нравы Іудеевъ основаны на сихъ законахъ.

Но вы ошибетесь, естьли заключите, что предразсудки благопрїятствуютъ злоупотребленїю власти. Государь конечно находитъ въ нихъ для себя опору, но за то и подданные находятъ въ нихъ защиту отъ самовластїя. Примѣромъ служатъ свирѣпые Деспоты Востока: во всѣхъ, сколько нибудь образованныхъ государствахъ обычаи и предразсудки ограничиваютъ ихъ власть надъ жизнью и смертїю подданныхъ. Деспотъ не смѣетъ нарушить обыкновенїя, не смѣетъ сдѣлать ничего противнаго установленїямъ Религїи. Исторїя представляетъ намъ множество Государей, которые погубили себя тѣмъ, что не хотѣли уважать народныхъ предразсудковъ; и, не говоря о древности, ссылаемся на послѣднюю Англїйскую революцїю, выгнавшую Стуартовъ изъ Великобри-

таннїи единственно отъ презрѣнїя Іакова къ обычаямъ земли.

Римляне имѣли также свои предразсудки. Ихъ армїи, вопреки здравому смыслу, часто бывали обязаны своими усмѣхами святымъ курамъ, а Республика многими хорошими учрежденїями полету птицъ и другимъ ничтожностямъ. Правда, что Римляне не имѣли ни лентъ, ни крестовъ; но у нихъ были также знаки почестей: розница состоитъ въ одномъ *веществѣ*. Признаюсь, что для меня *дубовый вѣнокъ* не хуже и не лучше металла. Вы согласитесь со мною, что золото и дубъ равно достойны уваженїя, когда они могутъ имѣть полезное влїянїе на людей, быть наградою патрїотизма и памятникомъ славныхъ дѣлъ (*).

Впрочемъ вы несогласны съ собственными вашими правилами: не любите предразсудковъ, а хвалите славу, которая есть, можетъ быть, одинъ изъ величайшихъ (**). „Умные люди, говоритъ

(*) Такъ конечно; однакожь Римляне не для дубовыхъ вѣнковъ, а по любви къ отечеству и геройству дѣлали великія дѣла.

(**) Что такое слава? всеобщее признаніе какого нибудь рѣдкаго достоинства. Въ какомъ же смыслѣ она можетъ быть пред-

Боркъ, не объявляютъ войны предразсудкамъ, а стараются открыть въ нихъ тайную мудрость; имъ кажется благоразумнѣе сохранить предразсудокъ съ истиною, которая въ немъ скрывается, нежели снять сію оболочку и оставить истину нагою."

За четырнадцать лѣтъ передъ симъ никто бы не согласился съ Боркомъ: но теперь не нужно изъяснять словъ его. Государство можно сравнять съ человѣческимъ тѣломъ. Въ здоровьѣ мы не думаемъ о томъ, что надобно для здоровья. Медицина дѣлаетъ свои опыты надъ больными, и только по вскрытіи тѣла въ анатомической залѣ видитъ сосуды и каналы, въ которыхъ жизнь дѣйствовала. Революція, разрушивъ государственное зданіе, открыла намъ тайныя причины его цѣлости; прежде мы ихъ не замѣчали.

разсудкомъ? Авторъ хотѣлъ сказать, что красота или важность славы есть предразсудокъ: и то несправедливо. Мы любимъ ее не по вѣрѣ ко мнѣнію другихъ, а для того, что она кажется *намъ* прелестною. О вкусахъ спорить не должно, но сія мечта плѣняетъ только не совсѣмъ обыкновенныхъ людей.

Когда предразсудки истребятся въ гражданскомъ обществѣ, то мѣсто ихъ займутъ другіе. Но прежде исчезаетъ порядокъ; Анархія свирѣпствуетъ; — только воинская власть побѣждаетъ ее, и царствуетъ, пока новые предразсудки не смягчатъ ея строгости.

Изъ Франц. Журнала.

II.

Джефферсонъ, Президентъ Соединенныхъ Областей Американскихъ.

Томасъ Джефферсонъ есть одинъ изъ знаменитѣйшихъ людей нашего времени. Онъ раздѣлялъ всѣ труды, всѣ опасности Американской Революціи съ великимъ Вашингтономъ, Франклиномъ, Джонъ-Адамсомъ, Джеемъ и еще съ нѣкоторыми другими, весьма не многочисленными Патріотами. Имѣя умъ необыкновенный, воображеніе пылкое, гордую душу и талантъ краснорѣчія, онъ былъ главнымъ орудіемъ Американской свободы, первымъ Ораторомъ ея въ славномъ Конгрессѣ, управлявшемъ Революціею; первый, вмѣстѣ съ Генераломъ Ли, его товарищемъ въ Виргинской Депутаціи, произнесъ слово

независимости; вмѣстѣ съ Адамсомъ торжественно предложилъ ее на разсужденіе; и естьли не онъ сочинилъ Конституцію (чего мы за вѣрное не утверждаемъ), то по крайней мѣрѣ исправилъ, дополнилъ ее и далъ ей ту форму, въ которой она существуетъ нынѣ. Во время самой величайшей опасности, когда Лордъ Корнваллисъ и малодушный измѣнникъ Арнольдъ вступали съ арміею въ Виргинію, сія провинція единогласно избрала Джефферсона въ Губернаторы; и въ семъ важномъ достоинствѣ онъ заслужилъ всеобщую любовь и вѣчную благодарность согражданъ своихъ. По заключеніи мира Американская Республика отправила его Посломъ во Францію, гдѣ онъ заслужилъ особенное личное уваженіе, и нашелъ друзей какъ въ Академіяхъ, такъ и при Дворѣ. Рошфуко, Лафаетъ и другіе ревностные Патріоты часто видались съ нимъ и любили разсуждать о политическомъ благѣ народовъ. Многіе изъ нихъ сдѣлались жертвою гибельной Французской Революціи; но тѣ, которые остались живы, и донынѣ воспоминаютъ съ удовольствіемъ о часахъ, проведенныхъ ими въ обществѣ сего знаменитаго Американца, Философа и великаго человѣка.

Возвратясь въ отечество, онъ принялъ на себя должность Штатс-Секретаря и

показалъ тонкой умъ въ дѣлахъ 179[illegible] году, когда Французскій Посолъ, Революціонистъ Жене (*), и гордость Англійскаго Министерства приводили Американскую Политику въ великое затрудненіе. Въ сію важную, рѣшительную эпоху судьбы народовъ, Дефферсонъ благоразумною системою и твердостію своею умѣлъ соблюсти достоинство Американской Республики въ отношеніи къ Европейскимъ Державамъ; однакожь въ 1794 году долженъ былъ уступить сильному вліянію Англіи — отказался отъ дѣлъ и снова посвятилъ себя мирной сельской жизни, экономіи и земледѣлію, въ которыхъ онъ весьма свѣдущъ, и которыя оставлялъ единственно для того, чтобы служить отечеству. Сею тихою жизнію Джефферсонъ наслаждался до 1800 году, когда большинство голосовъ избрало его въ преемники великаго Вашингтона.

Знаменитое достоинство развиваетъ иногда великіе таланты; но часто открываетъ въ людяхъ и недостатки. Такимъ образомъ и въ самомъ Вашингтонѣ оказались нѣкоторыя слабости и несовершенства, когда онъ сдѣлался первымъ

(*) Онъ былъ въ Петербургѣ при Французскомъ Посольствѣ.

чиновникомъ: на примѣръ, скупость, грубое обхожденіе, недостатокъ въ тонкомъ образованіи души. Адамсъ, изъявивъ пристрастіе къ Англіи, запятналъ славу свою. Но Джефферсонъ донынѣ заслуживаетъ удивленіе всѣхъ истинныхъ Патріотовъ мудростію своего правленія, твердостію системы, рѣдкимъ безпристрастіемъ и чистою любовію къ отечеству. Вашингтонъ любилъ нѣкоторую пышность: Джефферсонъ презираетъ ее, удаляясь отъ всѣхъ случаевъ торжественно показываться на сценѣ первымъ человѣкомъ Республики. Непріятели называли его Американскимъ Якобинцемъ: но онъ дѣлами своими уличилъ ихъ въ клеветѣ, любя только свободу мудрую, человѣколюбивую, законную, и внѣшнею своею Политикою доказываетъ, что Англія и Франція для него одно, когда дѣло идетъ о благѣ отечества. — Джефферсонъ въ обхожденіи простъ, но ласковъ и пріятенъ; ученъ, любитъ Науки, Искусства и все изящное; безкорыстенъ и честенъ какъ Аристидъ; есть нѣжный родственникъ и вѣрный другъ; однимъ словомъ, достоинъ великаго сана и первенства въ сильной Республикѣ. Такъ говорятъ его современники; такъ скажетъ и потомство.

(*Изъ Нѣм. Журнала.*)

III.

О нынѣшней войнѣ Французовъ въ Сен-Доминго.

(Изъ новой Англїйской книги: The crisis of the Sugar-Colonies.)

Французы хотятъ покорить островъ, который содержитъ въ себѣ 45 тысячь квадратныхъ миль (Англїйскихъ), имѣетъ полмилліона жителей, и вездѣ укрѣпленъ Натурою; вездѣ непроходимыя болота, тѣсныя ущелья, густые лѣса и для Европейцевъ неприступныя горы. Въ такихъ мѣстахъ не льзя всего кончить одною кампанїею; война должна быть продолжительна, упорна и кровопролитна. — Къ мѣстнымъ трудностямъ и неудобствамъ надобно прибавить еще опасный и нездоровый для Европейцевъ климатъ. Армїю, ослабленную болѣзнями, встрѣчаютъ люди привыкшїе къ влїянїямъ жара, не знающїе желтой лихорадки, могущїе исправлять самую тяжелую работу подъ огненными лучами солнца, и послѣ жаркаго дня, безъ всякаго вреда для здоровья, спящїе въ холодную ночь на сырой землѣ.

Когда Французской солдатъ при обыкновенномъ Европейскомъ переходѣ

упалъ бы отъ изнеможенія и могъ бы даже умереть, тогда Негръ, болѣе оживленный, нежели ослабленный жаромъ, несноснымъ для его противника, идетъ бодро, весело, и такъ скоро, какъ Европеецъ не можетъ ходить въ семъ климатѣ. — Для Французскихъ солдатъ надобно привозить хлѣбъ изъ мѣстъ отдаленныхъ, съ великими издержками и трудностями; а Негры находятъ внутри острова и даже на вершинѣ горъ питательныя растѣнія, которыя достаточно освѣжаютъ ихъ силы для безпрестанныхъ трудовъ и сраженій. Земля кормитъ вездѣ сихъ грубыхъ дѣтей Натуры, и безъ всякаго труда съ ихъ стороны. Имъ легко сносить голодъ и наготу; легко по волѣ уходить отъ непріятеля, въ вѣроятномъ чаяніи, что климатъ и болѣзни истребятъ его вѣрнѣе, нежели ихъ оружіе.

Свойство земли таково, что даже малочисленные непріятели могутъ утомить цѣлую армію, довольствуясь легкими сшибками и не входя въ сраженіе. Быстрыя рѣки, текущія съ горъ въ дождливое время года, изрыли, такъ сказать, всѣ Вест-Индскіе острова; на всякой мили находишь нѣсколько глубокихъ рвовъ, и столь крутыхъ, что трудно сойти въ нихъ; тутъ же растетъ всегда

частой кустарникъ. На дорогахъ дѣлаютъ мосты, но болѣе для пѣшихъ, нежели для конныхъ; да и пѣшему надобно быть шамошнимъ жителемъ, чтобы безъ опасности переходить черезъ нихъ. Сколь же легко Неграмъ наблюдать невидимо всѣ движенія непріятеля, и разламывая мосты, останавливать его безпрестанно! Даже и стремленіе воды весьма часто срываетъ ихъ; а дѣлать новые весьма трудно.

Внутри острова, и тамъ, гдѣ горы не столь высоки, встрѣчаютъ Французовъ другія неудобства: частые, терновые кустарники, непроходимые для всѣхъ людей, кромѣ Негровъ, которые съ удивительнымъ искусствомъ и скоростію просѣкаютъ себѣ дорогу топорами или кинжалами. Въ самыхъ обработанныхъ мѣстахъ армія не можетъ сойти съ дороги, безъ великихъ затрудненій, отъ высокихъ кофейныхъ деревъ, частаго сахарнаго тростника и другихъ густыхъ Тропическихъ растѣній; надобно прокладывать путь и безпрестанно ожидать непріятеля, которому вездѣ легко укрываться.

Конница почти совсѣмъ безполезна въ такой землѣ. Разбитые Негры уходятъ обыкновенно въ лѣса и на горы,

куда не только кавалерїя, но и пѣхота не можетъ за ними слѣдовать. Выгода ихъ передъ Европейцами всего болѣе состоитъ въ легкости, съ которою они взбираются на горы и сбѣгаютъ внизъ, не падая и не утомляясь. Тамъ, гдѣ Европеецъ не могъ бы даже ступить двухъ шаговъ, на крутизнахъ и камняхъ, мокрыхъ отъ дождя, Негры идутъ твердо и скоро, съ тяжелыми ношами травы или дровъ: дѣйствїе привычки и того, что они не носятъ башмаковъ, а ходятъ босые.

Вездѣ и всегда гористыя земли бывали главною защитою жителей. Исторїя Европы доказываетъ, что народы грубые и совсѣмъ не знавшїе Тактики, съ сею мѣстною выгодою побѣждали армїи искусныя и многочисленныя. Но горные жители Валлиса, Швейцарїи, Корсики, не имѣли еще многихъ другихъ выгодъ, которыми пользуются Негры въ войнѣ съ Европейцами. Розница между сими крѣпкими *дѣтьми солнца* и Европейскими солдатами такъ велика, что войну Французовъ съ ними можно уподобить сраженїю мореходца съ морскимъ чудовищемъ на водѣ или бою воздушнаго путешественника съ орломъ подъ облаками.

IV.

Извѣстія и замѣчанія.

„Важный вопросъ о войнѣ и мирѣ еще „не рѣшенъ (говоритъ Bulletin de Paris). При„чиною сей медленности могутъ быть „переговоры, которые начались въ Бер„линѣ и въ Петербургѣ, личности Ан„глійскихъ Министровъ, прежнихъ и но„выхъ, и наконецъ страхъ Англіи на„чать весьма опасную войну. — Естьли „Россія согласится съ Францїею и Прус„сїею, то отъ Петербурга до Мадрита „будетъ одна Политика. Кто можетъ „противиться такому могущественному „союзу? Всѣ малыя Державы должны „пристать къ нему; всѣ другїя безмолв„ствовать. Францїя посредствомъ связей „своихъ съ главными Державами могла „бы предписать законы торговлѣ Англїй„ской. — Роля Австрїи зависитъ отъ „Россїи. Естьли союзъ сѣверный (*) воз„обновится, то неутралитетъ будетъ „весьма выгоденъ для Австрїи; истощен„ныя силы ея требуютъ отдыха; а Ве„нецїя и Трїестъ сдѣлаются важными „торговыми портами. Естьли Россія и

(*) Заключенный Россіею въ 1800 году съ Швеціею и Даніею противъ Англіи.

„Пруссія захотятъ хранить строгій не-
„утралитетъ, то единственно въ семъ
„случаѣ Императоръ Римскій можетъ
„вести войну съ Франціею, то есть,
„*поставить на карту* свою Монархію. —
„Нынѣшняя система Вѣнскаго Двора до-
„стойна замѣчанія. Съ одной стороны
„онъ не хочетъ дать *полной* ратификаціи
„опредѣленію Сейма о замѣшахъ и розна-
„гражденіяхъ въ Германіи; а съ другой
„дѣлаетъ приготовленія на границахъ
„Италіи, оправдывая ихъ движеніемъ
„Французскихъ войскъ. — Между тѣмъ
„въ Лондонѣ всего болѣе занимаются пере-
„мѣною Министерства, которая должна
„послѣдовать какъ въ случаѣ войны, такъ
„и въ случаѣ мира; но вѣроятно, что
„выборъ Министровъ будетъ зависѣть
„отъ сихъ обстоятельствъ. Журналисты
„Правительства съ величайшимъ усерді-
„емъ славятъ Питта, говоря, что не
„льзя *безъ преступленія* удалять сего ве-
„ликаго человѣка отъ дѣлъ государствен-
„ныхъ. Дондаса также хвалятъ; но мнѣ-
„нія несогласны о Гренвилѣ и Виндамѣ,
„которые рѣшительно хотятъ войны.
„Другіе не столь утвердительно изъ-
„явили образъ мыслей своихъ; особливо же
„Питтъ, который, по выходѣ изъ Мини-
„стерства, велъ себя съ тонкою хитростію,

„говорилъ только двусмысленно и *скры-*
„*вается въ облакѣ*, изъ котораго можетъ
„выпти на всѣ стороны и пристать, къ
„кому захочетъ. Аддингтонъ часто бы-
„ваетъ у Короля въ Кабинетѣ и долго
„говоритъ съ нимъ наединѣ. Сей Ми-
„нистръ есть человѣкъ искренній, добро-
„душный, и слѣдственно не похожъ на
„своего предмѣстника. Король любитъ
„его и хочетъ непремѣнно удержать въ
„Министерствѣ. Думаютъ, что Питтъ
„займетъ мѣсто Лорда Гакесбури. Графъ
„Сент-Винсентъ возбудилъ противъ себя
„всѣ партіи какъ необыкновенною стро-
„гостію въ исполненіи своей должности,
„такъ и многими реформами: онъ тре-
„буетъ отставки."

Теперь послушаемъ Англійскихъ Жур-
налистовъ. Одинъ изъ нихъ (Morning-Post)
говоритъ: „Можемъ увѣрить читателей,
что переговоры о вступленіи Питта въ
Министерство не имѣли щастливаго ус-
пѣха: ибо онъ требовалъ, чтобы и *Грен-
вилисты* снова заняли мѣста свои; тогда
Г. Аддингтонъ не могъ бы удержаться
въ Совѣтѣ. Друзья Питтовы раздѣляются
на два класса: на собственно-такъ назы-
ваемыхъ *Питтистовъ*, которые слабо и
только отчасти одобряли миръ (какъ-
то: Лордъ Мельвиль (Дондасъ), Кастери

и Графъ Рослинъ), и на *Гренвилистовъ*, которые явно осуждали трактатъ Амьенской. Г. Аддингтонъ желалъ бы соединиться съ первыми, но не хочетъ и слышать о послѣднихъ. Увѣряютъ, что одно имя Лорда Гренвиля заставило его отказаться отъ всѣхъ дальнѣйшихъ переговоровъ. Онъ хотѣлъ только имѣть Питта, чтобы сообщить характеръ силы и твердости своему правленію; но Питтъ желаетъ имѣть сотрудниковъ дѣятельныхъ и надежныхъ. Рѣчь Лорда Гренвиля о недостаткахъ Амьенскаго трактата показала его великія дарованія, хотя отвѣтъ, данный имъ Консулу Бонапарте за три года передъ симъ, и многія другія мѣры его обнаружили въ немъ излишнюю вспыльчивость, надменность и даже безразсудность. — Говорятъ снова, что Англія удержитъ Мальту года на два, пока бытіе Ордена рѣшительно оснуется. Въ томъ единственно, какъ увѣряютъ, состояли наши требованія, когда предложили Питту быть Министромъ. Сей новый планъ остановилъ переговоры съ Франціею; но теперь Г. Аддингтонъ обязанъ дружелюбно кончить дѣло съ Бонапарте, который не менѣе насъ желаетъ мира. Это взаимное желаніе подаетъ надежду, что миръ сохранится. Однакожь и то правда,

что нынѣшнимъ Министрамъ гораздо труднѣе возвратиться къ миролюбивой системѣ, нежели объявить войну, хотя они и не смѣютъ *одни* на то рѣшиться. Всѣ партіи, составляющія Парламентъ, будутъ осуждать ихъ: Гренвилисты за то, что они не хотѣли войны; а другіе за безпокойство, въ которое привели всю Англію напрасныя вооруженія. Особенно Фоксъ, по системѣ его, долженъ будетъ упрекать тѣмъ Министровъ. Бонапарте воспользуется ихъ неосновательностію, и скажетъ, что миръ сохраненъ единственно его человѣколюбивою умѣренностію."

Другой Лондонской Журналистъ пишетъ слѣдующее: „Тайныя сношенія „Питта съ Аддингтономъ не имѣли успѣ„ха; это вѣрно — но мы не знаемъ обсто„ятельствъ. Хотя Министерскіе Жур„налы и старались увѣрить насъ, что „слухи о семъ переговорѣ ложны; однакожъ „всѣ были увѣрены въ ихъ истинѣ, и „Патріоты ужасались. Щастливая звѣзда „Великобританніи спасла насъ отъ опас„ности: чѣмъ безъ сомнѣнія обязаны мы „твердости Короля. Помня, что онъ самъ „и народъ претерпѣли отъ безразсудной „надменности Питта, Его Величество „не могъ безъ условій снова впустить его

„въ Совѣтъ свой. Говорятъ, что Король „дозволялъ Питту быть товарищемъ Ад„дингтоновымъ, а не первымъ Мини„стромъ; но сей гордый человѣкъ хотѣлъ „непремѣнно ввести съ собою въ Совѣтъ и „всѣхъ друзей, чтобы лишить Аддингто„на большинства голосовъ. Обѣ партіи раз„стались въ неудовольствіи. — Сей случай „благопріятенъ для мира. Какъ ни много „думаетъ Г. Аддингтонъ о своихъ талан„тахъ, однакожь ему должно чувство„вать, что онъ не можетъ предписывать „законовъ Французскому Правительству. „Напрасно, въ минуту ослѣпленія, онъ „ласкалъ себя этою мыслію: не подкрѣ„пляемый блестящими фразами Г. „Питта и слабый собственными сила„ми, Аддингтонъ останется на своемъ „мѣстѣ и вѣрно исполнитъ условія *жал„каго* трактата, имъ подписаннаго.“ — — Не щадя Министровъ, Лондонскіе Политики не щадятъ и другъ друга. *Таймсъ* говоритъ Издателю *Истиннаго Британца*, что онъ — *скотина!!* а Журналисту Коббету, что онъ — мошенникъ (ruffian)!! Теперь выпишемъ любопытныя извѣстія сихъ господъ о Консулѣ и Франціи.

„Бонапарте сказалъ, что естьли Небо „дастъ ему жить еще десять лѣтъ, то „онъ перемѣнитъ видъ свѣта, и велико-

„лѣпными монументами напомнить ги-
„ганпскія творенія Царей Египетскихъ.

„Французскимъ Кардиналамъ и Епи-
„скопамъ велѣно готовить рѣчи противъ
„Англіи, въ родѣ тѣхъ, которыя про-
„извели Крестовые Походы. Естьли на-
„чнутся непріятельскія дѣйствія, то
„войну объявятъ съ великою торжествен-
„ностію. Во всѣхъ приходахъ Франціи
„будутъ народныя моленія, а церкви оби-
„ты чернымъ сукномъ.

„Изъ Парижа увѣдомляютъ, что не-
„давно близь Тюльери дерзкіе люди на-
„писали на стѣнѣ: *не хотимъ ни войны,*
„*ни Корсики! хотимъ Генерала Моро*
„*и мира!* Естьли это не ложь, то вой-
„на будетъ непремѣнно.

„Консулъ велитъ нынѣ переводить
„для себя всѣ любопытныя мѣста изъ
„Лондонскихъ Вѣдомостей, и нѣкоторыя
„статьи двумъ или тремъ человѣкамъ
„вмѣстѣ, чтобы не ошибиться въ ихъ
„смыслѣ. Часто онъ бываетъ въ вели-
„комъ гнѣвѣ отъ вольности Англійскихъ
„Писателей, и безъ сомнѣнія потребуетъ
„отъ нашего Министерства, чтобы оно
„уняло ихъ какимъ нибудь строгимъ за-
„кономъ; въ такомъ случаѣ можетъ изъ
„благодарности уступить намъ даже и
„Мальту!!

„Г. Камбасересъ просилъ Бонапарте, „чтобы онъ избавилъ его отъ пяти вер„шниковъ, которые провожаютъ его ка„рету. *Я принялъ этотъ знакъ отличія „единственно въ угожденіе вамъ*, сказалъ „вторый Консулъ: *но теперь, кажется, „онъ совсѣмъ не нуженъ. Вы одни правите „Франціею, и блескъ власти долженъ окру„жать только вашу особу.* Бонапарте отвѣ„чалъ, что онъ худо разумѣетъ его требо„ваніе, и не любитъ перемѣнять уста„вленнаго; что ему много дѣла и нѣтъ „времени заниматься такими бездѣлица„ми. Смиреніе Гражданина Камбасереса „произошло отъ того, что Кавалеристы „гвардіи не охотно ѣздятъ за его каре„тою и не рѣдко надъ нимъ смѣются.

„Г. Талеранъ былъ у Кардинала До„ріи; но сей велѣлъ ему сказать, что „Его Святѣйшество запретилъ Послу „своему имѣть съ нимъ сообщеніе, и что„бы онъ ѣхалъ домой. Министръ жало„вался Консулу. Бонапарте отвѣчалъ: „*вамъ не надлежало подвергать себя от„казу. Римъ не можетъ забыть того, что „вы были Епископомъ и женились; одна„кожъ я поправлю дѣло.* На другой день „Бонапарте публично сказалъ Кардиналу, „указывая на Талерана: *Господинъ Кар„диналъ! представляю вамъ моего Мини-*

„*стра иностранныхъ дѣлъ. Европа отчасти*
„*ему обязана миромъ, а Папа сохраненіемъ временной власти своей.* Кардиналъ
„сквозь зубы произнесъ нѣсколько лестныхъ словъ для Министра, а Талеранъ
„коварно улыбнулся.“

Англійскій Парламентъ, распущенный на праздники, снова собрался, и Министры должны были снова отражать приступы любопытства и нетерпѣнія. „Парламентъ и народъ, сказалъ Генералъ
„Гасконнъ, шесть недѣль ожидаютъ увѣдомленія о нашемъ политическомъ состояніи; но Министры безмолвствуютъ.
„Снисхожденіе Парламента и націи имѣетъ
„свои предѣлы. Сообщеніе Его Величества
„произвело вредныя слѣдствія для торговли; неизвѣстность войны и мира есть
„величайшее зло; упрямство Министровъ
„неизвинительно.“ Аддингтонъ отвѣчалъ:
„Могу увѣрить Парламентъ, что молчаніе наше не произвольно, и что мы
„всячески старались прекратить неизвѣстность, которая безъ сомнѣнія вредна
„для Англіи; но какъ ни велико безпокойство народа, Министры не могутъ
„еще объявить переговоровъ съ Франціею.
„Мы подвергаемся конечно строгому отчеству; но должно ли прежде времени винить
„насъ? Надѣюсь, что *черезъ нѣсколько*

„*Дней могу удовлетворить всеобщему „желанїю.*“ Сїи слова Министра заставили думать многихъ, что дѣла съ Францїею кончатся дружелюбно; но онъ въ слѣдующее собранїе объявилъ, что рѣчи его не имѣли такого смысла; что Министры надѣются скоро прекратить неизвѣстность, а не могутъ сказать, войною или миромъ.

Многїе изъ нашихъ Читателей конечно знаютъ или слыхали о *Письмахъ Юнїя*, Англїйской книгѣ, вышедшей передъ Американскою войною, и содержащей въ себѣ ѣдкую сатиру на тогдашнее Англїйское Министерство. Правительство никакъ не могло узнать Автора, сколько ни старалось о томъ. Думали, что ее сочинилъ Боркъ, или Фоксъ, или Горнъ Тукъ. Она писана съ необыкновеннымъ умомъ, сильно и краснорѣчиво. Теперь узнали Автора, или, по крайней мѣрѣ, такъ думаютъ. Нѣкто Родней объявилъ въ Лондонскихъ Вѣдомостяхъ, что Юнїевы Письма сочинены Американскимъ Генераломъ Ли. „Въ 1773 году, говоритъ „Родней, я жилъ вмѣстѣ съ Генераломъ „Ли. и сказалъ ему однажды, что Авто„ромъ Юнїевыхъ Писемъ считаю Лорда „Чатама. *Нѣтъ*, отвѣчалъ онъ съ жаромъ: „*нѣтъ! Никто, кромѣ Сочинителя, не*

„*знаетъ и никогда не узнаетъ, кѣмъ они*
„*писаны*! Естьли такъ, отвѣчалъ я съ
„удивленїемъ, то Авторъ ихъ теперь
„проговорился! Генералъ Ли задумался и
„наконецъ сказалъ: *Теперь уже поздно*
„*отпираться; но требую, чтобы вы хра-*
„*нили эту тайну во все время жизни моей.*
„Послѣ того онъ доказывалъ мнѣ разными
„обстоятельствами истину своего при-
„знанїя. Надобно вспомнить, что Ли жилъ
„въ Англїи, и въ то самое время уѣхалъ
„оттуда, когда вышла изъ печати сїя
„остроумная книга. Кто сравняетъ ее съ
„дружескими письмами, писанными Гене-
„раломъ Ли къ разнымъ Англїйскимъ
„Офицерамъ въ началѣ Американской вой-
„ны, тотъ найдетъ въ нихъ одинъ духъ
„и слогъ."

„Первый Консулъ (сказано въ одномъ письмѣ изъ Парижа) рѣдко надѣваетъ теперь военный мундиръ, но всегда носитъ коротенькую саблю съ шпажнымъ ефесомъ. За обѣдомъ сидитъ минутъ 40, но завтракаетъ всегда часа полтора, въ 11 часовъ утра. Тутъ разсказываютъ ему всякїе Парижскїе анекдоты. Сегюра, бывшаго Французскимъ Министромъ въ Россїи при Великой ЕКАТЕРИНѢ, чаще другихъ зовутъ къ нему на завтраки. Бурьенъ, прежнїй тайный Секретарь Кон-

сула и нынѣшній Государственный Совѣтникъ, снова находится въ великой милости. — Бонапарте все лѣто проведетъ въ Сен-Клу: онъ гуляетъ въ тамошнемъ паркѣ часа по-два въ день. Въ Парижѣ, для отдыха и разсѣянія, Консулъ бывалъ въ спектакляхъ, и всегда нечаянно для публики. Путешествіе его въ Брабантъ отложено опять на нѣсколько времени."

Изъ Швейцаріи пишутъ, что мѣсто Генерала Нея будетъ занято или опять Верниноакомъ или Сенаторомъ Бартелеми, какъ скоро откроется первый Гельветическій Сеймъ.

Соединенныя Американскія Области готовы были объявить войну Гишпаніи за то, что Губернаторъ Новаго Орлеана не дозволялъ Американскимъ купцамъ заводить магазиновъ на Гишпанскомъ берегу рѣки Миссиссипи. Разныя провинціи изъявили удивительную ревность въ собираніи войска, и доказали, что сія Республика имѣетъ военный духъ. Но дѣло обойдется безъ войны: Гишпанскій Министръ въ Америкѣ объявилъ, что Губернаторъ Новаго Орлеана не имѣлъ никакихъ повелѣній отъ Двора, и что онъ (Министръ), въ ожиданіи отвѣта изъ Мадрита, беретъ на себя открыть снова для Американцевъ гавань Орлеана. — Между

тѣмъ Луизіана скоро будетъ занята Французами. Правительство Соединенныхъ Областей не весьма, кажется, довольно симъ новымъ сосѣдствомъ.

Въ Миланѣ взяты подъ караулъ Капитанъ Черони, Членъ Законодательнаго Корпуса Чигоньяра, Генералъ Тёлье и Префектъ Маджента, за то, что первый издалъ возмутительную книгу, въ которой обруганы разныя Правительства, дружественныя съ Италіянскою и Французскою Республикою, а другіе письменно изъявили Автору свое удовольствіе. Они будутъ сосланы на три года, и Консульта назначитъ мѣсто ссылки. Бонапарте велѣлъ такъ поступить съ ними. Удивительно, что въ *Монитёрѣ* не сказано ни слова о семъ происшествіи.

Со времени заключенія мира привезено изъ Америки въ Гишпанію золота и серебра на 80 милліоновъ рублей.

Въ Китаѣ начинается такая же ужасная революція, какая была во Франціи. Разныя провинціи бунтуютъ и многочисленныя арміи сражаются.

(*Изъ Франц. Журнала.*)

Мысъ Доброй Надежды отданъ Голландцамъ. — — Теперь, послѣ важныхъ извѣстій, сообщимъ забавный Лондонскій анекдотъ, который служитъ доказатель-

ствомъ Англійской вольности и слѣдственно принадлежитъ также къ Политикѣ! Во время балета вздумалось какому-то *Джентельмену* перейти черезъ сцену. Одинъ изъ танцовщиковъ не хотѣлъ пустить его. Начался на театрѣ кулачный бой, и зрители такъ занялись имъ, что Директоръ Театра велѣлъ перервать балетъ!! —

Москва, 15 *Мая*.

ОПЕЧАТКИ

въ семъ нумерѣ.

стран.	*строк.*	*налеч.*	*читай.*
76	9	о тотъ	о томъ
120	24	приызваетъ	призываетъ

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ІЮНЬ 1803.

№ 11.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

О Россійскомъ Посольствѣ въ Японію.

Въ прошедшемъ году *Вѣстника* было упомянуто о морской экспедиціи, приготовляемой въ Петербургѣ и любопытной не только для Россіи, но и для всей Европы: ибо предметъ ея не ограничивается успѣхами нашей торговли, но касается и до Наукъ, до блага человѣчества и распространенія выгодъ гражданственности между народами дикими. Сообщимъ теперь подробнѣйшее извѣстіе о семъ важномъ предпріятіи.

Господинъ Камергеръ Рязановъ, назначенный Посломъ въ Японію, отправляется съ двумя купеческими кораблями, купленными въ Лондонѣ. Одинъ изъ нихъ принадлежитъ Руской Американской Компаніи. Экипажъ обоихъ состоитъ

изъ опытныхъ Офицеровъ и матрозовъ нашего флота. При миссіи ѣдутъ Гвардіи Офицеры, вмѣстѣ съ Учеными, которые должны въ семъ путешествіи обогатить Науку Природы новыми открытіями и замѣчаніями. — Рускіе мореплаватели отправятся 1 Іюня изъ Кронштата въ Портсмутъ; оттуда къ островамъ Канарскимъ или *благополучнымъ* — какъ ихъ называли Древніе — и въ самомъ дѣлѣ достойнымъ сего имени, по своему щастливому климату и богатству даровъ естественныхъ. Тамъ Рускіе Ученые увидятъ высочайшую вулканическую гору въ мірѣ, которая, при восхожденіи солнца, огромною своею тѣнію закрываетъ и весь островъ и море до самаго горизонта, и которая, будучи на вершинѣ покрыта вѣчнымъ льдомъ, на уступахъ и скатахъ своихъ производитъ гиганпское дерево, самое твердѣйшее изъ всѣхъ извѣстныхъ (*). Умъ, просвѣщенный Наукою, можетъ объяснить тамъ исторію великихъ революцій міра: ибо Тенерифа, по мнѣнію Физиковъ, образовалась дѣйствіемъ подземнаго огня, который изъ глубокихъ нѣдръ земли извергнулъ ее на поверхность моря. Горы ея, состa-

(*) Винатико.

вленныя изъ растопленныхъ и сожженныхъ камней, занимали всегда любопытство наблюдателей. — Отъ сихъ островъ корабли наши пойдутъ вправо, къ южнымъ странамъ Америки, къ богатой Бразилїи, гдѣ рѣки выбрасываютъ на берегъ золото и камни драгоцѣнные; гдѣ взору Европейца представляется совсѣмъ иная Натура, такъ, что описанїе тамошнихъ растѣнїй и животныхъ показалось бы намъ баснословїемъ, естьли бы за истину его не ручались имена Ученыхъ, заведенныхъ въ сїю землю ревностїю къ успѣхамъ Науки. Сколько еще любопытныхъ открытїй можно тамъ сдѣлать! сколько наблюденїй повѣрить и дополнить! — Оттуда наши мореплаватели должны слѣдовать путемъ славнаго Магеллана, оставить Сѣверный Океанъ Атлантическїй и, мимо Капа-Горна, войти въ Южный или Тихїй. Они увидятъ жителей земли Магелланской, которыхъ и самые Англїйскїе путешественники (Байронъ, Валлисъ), возобновляя старыя сказки Гишпанцевъ, описываютъ намъ ужасными Гигантами. Рускїе повѣрятъ сїи извѣстїя, и мы узнаемъ наконецъ истину о Потагонахъ. — Дошедши, вдоль береговъ Хили, до гавани Вальпарезо, они обратятся къ Сандвичевымъ

островамъ (гдѣ славный Кукъ, преодолѣвъ всѣ опасности морей, столь нещастно кончилъ жизнь свою отъ руки дикаго), и наконецъ пойдутъ въ Японїю, чтобы открыть и основать торговое сообщенїе для Россіи съ сими островами, гдѣ промышленность и невѣжество людей равно удивительны, гдѣ нѣкоторыя искусства достигли до неизвѣстной намъ степени совершенства, но гдѣ разумъ человѣка еще въ колыбели. Донынѣ сїя земля, жертва деспотизма и суевѣрїя, торговала единственно съ Китаемъ и Голландцами, которые охотно подвергались всякаго роду униженїямъ, чтобы сохранить только чрезмѣрно-выгодныя коммерческїя связи съ нею. Естьли Посольство наше успѣетъ въ своемъ намѣренїи, то мы разныя вещи будемъ получать изъ Японїи гораздо лучше, нежели изъ Китая. Японскїй чай, фарфоръ, лакъ, шелковыя и бумажныя матерїи, превосходнѣе Китайскихъ. Руская Американская Компанїя можетъ вымѣнивать ихъ на свои товары. Японцы же, при всей ихъ грубости, не такїе злые и коварные обманщики въ торговлѣ, какъ наши сосѣды Китайцы. — Сїи острова представляютъ весьма много любопытнаго для Натуралистовъ, особливо въ царствѣ животныхъ.

Соловей, который, по древнимъ баснямъ, столь восхитительно пѣлъ на могилѣ Орфеевой, былъ конечно родомъ изъ Японіи!! ибо нигдѣ не поютъ они столь пріятно, какъ тамъ; и самыми красивыми перьями отличаются. Разныя другія птицы, чудесно убранныя рукою Натуры, и прекраснѣйшія насѣкомыя въ свѣтѣ также находятся въ Японіи и могутъ обогатить *собранія* Рускихъ Натуралистовъ. Тамъ же безпрестанно свирѣпствуетъ восемь Вулкановъ, пламенная лава льется рѣками, и минеральныя воды, отмѣннаго свойства, кипятъ въ нѣдрахъ земли какъ на сильнѣйшемъ огнѣ. Всякой, имѣя понятіе о благородномъ энтузіазмѣ Наукъ, можетъ вообразить, какъ прелестна должна быть для сѣверныхъ наблюдателей земля столь богатая красотами Натуры и не менѣе любопытными ужасами.

Изъ Японіи Рускіе отправятся на 1805 годъ зимовать въ Камчатку; оттуда въ Уналашку, въ Кадьякъ и другіе острова сего Архипелага, который находится между Камчаткою и сѣверною Америкою, и который открытъ нашими мореплавателями. Достойно замѣчанія, что Господинъ Рязановъ, начальникъ сей важной экспедиціи, есть зять славнаго

Шелехова, присоединившаго къ Россійскимъ владѣніямъ новые Американскіе острова, гдѣ онъ первый возгласилъ имя Великой ЕКАТЕРИНЫ народамъ дикимъ, и первый осыпалъ ихъ благодѣяніями гражданской жизни. Зять его долженъ навѣки утвердить сіи благодѣянія; долженъ образовать страны новыя, и посѣять въ нихъ Художества съ Науками. Обѣ Санктпетербургскія Академіи посылаютъ съ нимъ книги, картины, эстампы, бюсты. Полудикіе увидятъ тамъ величественный образъ ЕКАТЕРИНЫ, и дѣти ихъ, можетъ быть, станутъ уже читать описаніе дѣлъ Ея!

Спустясь отъ Американскаго Архипелага къ Нуткѣ, о которой не давно еще (въ 1790 году) спорила Англія съ Гишпаніею, наши мореплаватели возвратятся въ Кадьякъ, натрузятся товарами и пойдутъ въ Кантонъ (сей единственный Китайскій портъ, открытый для Европейцевъ, но гдѣ Руские не бывали, донынѣ торговавъ съ Китайцами только въ Кяхтѣ); оттуда въ Филиппинскіе Гишпанскіе острова, еще мало намъ извѣстные — гдѣ Натура, среди ужасовъ вулканическихъ и землетрясеній, разсыпаетъ всѣ богатства своего плодородія; гдѣ вѣчно царствуетъ лѣто; гдѣ

цвѣтъ и плоды безпрестанно украшаютъ деревья: пальмовые, лимонные и померанцевые лѣса служатъ щитомъ отъ несноснаго жара лучей солнечныхъ; кокосы, мушкатные орѣхи, ароматическая корица, кассїа, растутъ безъ содѣйствїя рукъ человѣческихъ. Слово, что *подлѣ яда родится и лекарство*, всего справедливѣе можетъ быть сказано о сихъ мѣстахъ: ибо нигдѣ нѣтъ столько ядовитыхъ и лекарственныхъ травъ, какъ на островахъ Филиппинскихъ.

Ява, Суматра и полуостровъ Индѣйскїй будутъ также предметомъ любопытства Рускихъ плавателей. Тамъ увидятъ они храмы, можетъ быть, древнѣйшей Религїи въ мїрѣ, монументы суевѣрїя грубаго, но почтеннаго вѣками; народы многочисленные въ подданствѣ купцовъ Европейскихъ, правящихъ ими по одному закону хитраго корыстолюбїя. Тамъ обозрятъ они всѣ заведенїя цвѣтущей Англїйской и нынѣ уже слабой, издыхающей Голландской торговли. Наконецъ, оплывъ Мысъ Доброй Надежды, съ другой стороны выдутъ на тотъ пунктъ, съ котораго обратились къ южной Америкѣ, и возвратятся въ любезное отечество.

Такимъ образомъ въ первый разъ флагъ Россїи *окружитъ* шаръ земный,

и въ странахъ, гдѣ едва имя ея извѣстно, услышатъ языкъ нашего отечества; увидятъ въ Рускихъ не хищниковъ, не пиратовъ, которые нѣкогда спѣшили по слѣдамъ Колумба злодѣйствовать въ Новомъ Мірѣ, но друзей человѣчества, предлагающихъ народамъ взаимныя выгоды торговли; увидятъ любопытныхъ наблюдателей Природы, которые выдутъ на берегъ съ орудіями мирныхъ Наукъ, а не смерти.

И такъ сія важная экспедиція должна имѣть слѣдствіемъ своимъ 1) открытіе для насъ морской торговли съ Китаемъ, съ Японіею, можетъ быть съ южною Америкою и съ Индіею; 2) образованіе Рускихъ колоній и торговыхъ заведеній на островахъ и твердой землѣ въ сѣверной Америкѣ; 3) наблюденія, открытія ученыя, благодѣтельныя вообще для успѣховъ разума человѣческаго.

Пусть другіе удивляются молодымъ, благороднымъ Россіянамъ, которые добровольно оставляютъ пышную столицу и ввѣряютъ себя волнамъ на нѣсколько лѣтъ, чтобы переходить изъ одной части міра въ другую, быть во всѣхъ жаркихъ климатахъ Линіи и въ холодныхъ предѣлахъ Сѣвера: мы искренно завидуемъ ихъ долѣ, воображая безчисленныя удоволь-

ствія, которыя ожидаютъ ихъ въ неизмѣримостяхъ Океана! Любопытство дѣятельнаго ума имѣетъ рай свой, неизвѣстный умамъ робкимъ и лѣнивымъ. Къ симъ удовольствіямъ прибавимъ еще славу участвовать въ предпріятіи важномъ и полезномъ, славу открыть путь новый для Россійскаго мореплаванія, наконецъ славу презирать опасности! онѣ и въ самой тихой, бездѣйственной жизни для человѣка неизбѣжны: опасность *блестящая* есть выгода славолюбія.

Заключимъ эту статью нѣкоторыми общими примѣчаніями. Есть люди — и Рускіе, безъ сомнѣнія очень скромные — которые утверждаютъ, что Россія не должна и думать о знаменитости въ мореплаваніи (ибо гавани ея запираются льдомъ на шесть мѣсяцевъ въ году), и что благоразуміе велитъ намъ довольствоваться продажею и куплею на мѣстѣ. ПЕТРЪ Великій не такъ думалъ. Мудрено ли? Онъ былъ Руской въ душѣ и Патріотъ; а сіи господа или *Англоманы* или *Галломаны*, и желаютъ называться Космополитами. Только мы, обыкновенные люди, не можемъ съ ними парить умомъ выше *низкаго* Патріотизма; мы стоимъ на землѣ, и на землѣ Руской; смотримъ на свѣтъ не въ очки Системати-

ковъ, а своими природными глазами; думаемъ, что въ нынѣшнемъ состояніи вещей Государство не можетъ достигнуть до совершеннаго величія безъ флотовъ и великихъ успѣховъ мореплаванія; а славное происхожденіе Рускихъ, ихъ гордость народная, безпримѣрная храбрость и внутренняя сила государственная указываютъ намъ на первую степень въ Политикѣ. Естьли бы ПЕТРЪ Великій не завелъ флота, то Англійскій фрегатъ пришелъ бы иногда бомбардировать Ревель, и всякой островъ могъ бы смѣло оскорблять Рускихъ: наши арміи не имѣли бы средствъ наказать дерзкихъ за моремъ; а сія мысль не утѣшительна для народнаго, справедливаго самолюбія обширнѣйшей Имперіи въ свѣтѣ. Сверхъ того сильному Государству надобны деньги; а ихъ не льзя имѣть много безъ выгодной внѣшней торговли, которая возбуждаетъ, усиливаетъ внутреннюю промышленность. Россія богата естественными дарами; но они драгоцѣнны единственно своимъ *великимъ количествомъ*: ихъ можно вывозить только моремъ. Безъ собственныхъ купеческихъ кораблей мы находимся въ совершенной зависимости отъ чужестранныхъ мореплавателей и купцовъ, отпуская, что имъ взять угодно. *Перевозъ* вещей есть также большая

выгода — занимаетъ, питаетъ, обогащаетъ множество людей: для чего уступать ее другимъ народамъ?.. „Но Рускія моря замерзаютъ!..“ Однакожь кромѣ Чернаго, которое соединяетъ насъ съ Средиземнымъ, пока Геллеспонтъ открытъ для кораблей нашихъ... (Константинополь такъ близокъ! и Турецкая Имперія такъ ветха!)... Да и сіе неудобство главнаго *нынѣшняго* Рускаго порта, то есть Кронштатскаго, можетъ быть побѣждено усиліями торговаго ума и промышленности. Корабль имѣетъ время сходить въ Лондонъ, въ Гавръ, въ Бордо; и чтобы не стоять ему праздно 6 мѣсяцевъ, для чего не воспользоваться симъ временемъ для *отдаленнаго* мореплаванія съ новымъ грузомъ, чтобы возвратиться лѣтомъ? Было время, когда сѣверные мореходцы — Норманы, не чужіе Рускимъ — считались первыми въ Европѣ; являлись безпрестанно на берегахъ Франціи, Италіи — правда, не для торговли, а чтобы славиться храбростію. Рускимъ недостаетъ одного для успѣховъ ихъ мореплаванія: смѣлаго духа предпріимчивости; но онъ созрѣетъ вмѣстѣ съ нашимъ политическимъ умомъ — и любезный, благодѣтельный Монархъ нашъ способствуетъ его развитію сею важною

Японскою экспедицїею. Теперь военные корабли снабдили купеческїе Офицерами и матрозами: со временемъ купеческїе могутъ снабдить ими военные, какъ въ другихъ земляхъ бываетъ. Самолюбїе наше не должно оскорбляться тѣмъ, что мы, предпринимая окружить землю, должны были нынѣ купить Англїйскїе корабли, или для скорости, или для того, что они лучше и надежнѣе Рускихъ: давно ли занимаемся искусствомъ мореплаванїя? давно ли мы, какъ сказалъ Ломоносовъ, *сидѣли на лодкѣ въ лужѣ*? Вспомнимъ, что и самая Англїя покупала нѣкогда чужїе корабли для своей Индѣйской торговли: Ганзейскїе города продавали ихъ купцамъ Лондонскимъ. Теперь Англїя есть первая морская Держава!

Пусть вѣтры благополучные несутъ нашихъ Аргонавтовъ по обширному Океану! Мы будемъ слѣдовать за ними взорами и сердцами. Пусть они обозрѣваютъ моря, какъ легкое передовое войско обозрѣваетъ мѣсто, гдѣ скоро должна явиться армїя! Мы жгли флоты непрїятельскїе на Эгейскомъ морѣ, истребляли ихъ на Бальтїйскомъ, щастїемъ, великимъ духомъ ЕКАТЕРИНЫ и Рускою храбростїю: намъ остается доказать, что можемъ господствовать на семъ эле-

ментѣ и народною, торговою, умною предпріимчивостію!

Ф. Ѳ. Ц.

II.

Архенгольцъ о Клопштокѣ.

(Достоинство и слава великихъ талантовъ не ограничиваются ихъ отечествомъ: Клопштока уважала Европа; и въ Россіи многіе читали его Мессіаду. По крайней мѣрѣ имя сего необыкновеннаго Генія извѣстно всѣмъ, которые сколько нибудь знакомы съ Литтературою. Издатель *Вѣстника* думаетъ, что такія статьи украшаютъ Журналъ. Здѣсь же говоритъ о Клопштокѣ извѣстный Авторъ и другъ его.)

Не вмѣшиваясь въ права будущаго Клопштокова Біографа, могу сказать нѣсколько словъ о семъ великомъ мужѣ, котораго лишилось отечество, и который въ теченіе многихъ лѣтъ удостоивалъ меня своего дружескаго обхожденія. Какъ Журналистъ, замѣчающій важныя происшествія времени, имѣю обязанность говорить о смерти его, не только горестной для моего сердца, но ознаменованной и всеобщимъ участіемъ.

Не беру на себя опредѣлить достоинства *Поэта - Клопштока*: Германія полвѣка удивлялась ему, и всѣ просвѣщенные народы, зная Мессіаду даже только по слабымъ переводамъ, отдаютъ справедливость его Генію. Желаю говорить единственно о *Патріотѣ* и *человѣкѣ-Клопштокѣ*. Въ *вѣкѣ низкой личности* онъ удивлялъ насъ сими двумя свойствами столь же, сколь и піитическимъ талантомъ своимъ. Огненный Патріотизмъ его не охладѣлъ до гроба, и во всякомъ случаѣ обнаруживался. За нѣсколько недѣль до смерти онъ читалъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ предисловіе къ Дельфинѣ, въ которомъ Госпожа Сталь хвалитъ Нѣмцовъ.

Естьли мы Германцы наконецъ хотя не много — къ нещастію, весьма не много! — уважаемъ себя, то отечество наше обязано тѣмъ Клопштоку болѣе, нежели кому нибудь. Изъ всѣхъ великихъ Поэтовъ Германіи только онъ и другъ его Глеймъ, не смотря на обыкновенную безполезность такихъ увѣщаній, старались усовѣстить жалкихъ согражданъ и неупомимо прославляли любовь къ отечеству въ такой землѣ, гдѣ, еще за нѣсколько десятилѣтій, нація уважала единственно чужестранное, и гдѣ знатные, самые Владѣтели (дѣло безпримѣрное

въ свѣтѣ!) изъявляли грубое презрѣнїе къ отечеству, къ его языку и нравамъ! Сїе, едва вѣроятное обыкновенїе Германцевъ 18 вѣка Клопштокъ сохранилъ для потомства въ одной изъ Одъ своихъ, говоря:

За что ты, о глупецъ! отечества не любишь?
Когда при имени его
Не бьешся сердце у тебя,
То я гнушаюся тобою!

Такїе стихи, написанные въ 1766 году, когда Германїя отдыхала послѣ семилѣтней кровопролитной войны, и когда всѣ молодые и старые, мущины и женщины, плѣнялись Мессїадою, — такїе стихи, говорю, имѣли свое дѣйствїе, и сѣмя благороднаго Патрїотизма распустилось въ новомъ поколѣнїи. Какъ Дворы Нѣмецкїе ни старались истребить его дѣломъ и насмѣшками, какъ ни презирали достоинство Нѣмцовъ, чтобы величать только иностранное, справедливо и ложно; но пламенные юноши Германїи, образомъ мыслей и трогательными пѣснями Клопштока одушевленные, съ благородною ревностїю противились сей заразѣ. Великїй Поэтъ заставилъ ихъ гордиться своими предками, страшными для самаго Рима; ихъ древними народными добродѣтелями, Героями во всѣхъ вѣкахъ и кли-

матахъ, мужами великими во всѣхъ родахъ, и языкомъ ихъ, богатымъ, сильнымъ, благороднымъ. Наконецъ и самые Владѣтели устыдились не знать его, и велѣли дѣтей своихъ учить по-Нѣмецки.

Клопштокъ, подобно всѣмъ искреннимъ Филантропамъ, всѣмъ людямъ ума необыкновеннаго, не эгоистамъ, но друзьямъ общаго добра, былъ другомъ Французской Революціи, когда она казалась благодѣтельною перемѣною судьбы человѣческой во Франціи. Онъ вмѣстѣ съ другими надѣялся, что народъ сильный и просвѣщенный можетъ быть для себя мудрымъ законодателемъ; многое, особливо вдали, имѣло тогда видъ плѣнительный. Всего же болѣе человѣколюбивое сердце его восхитилось славнымъ опредѣленіемъ Народнаго Собранія, что *Франція навѣки отказывается отъ завоеваній*; опредѣленіе сдѣланное на зарѣ сего великаго происшествія, но скоро осмѣянное и забытое новыми правителями Франціи. Тогда, какъ благородныя сердца съ жаромъ хвалили его, Клопштокъ въ Одѣ своей къ Лудовику XVI сказалъ:

Вѣкъ щастливый! и щастливъ я,
Что видѣлъ я тебя!

Но сїя ревностная любовь къ новой свободѣ Французовъ отъ слѣдующихъ происшествій мало по малу угасала, и наконецъ, во время ужасовъ Конвента, совершенно исчезла. Онъ перемѣнилъ образъ мыслей своихъ, и стыдился *права гражданства*, даннаго ему Французами за его *Оды къ свободѣ*, не къ Якобинскому ихъ равенству, но свободѣ истинной и государственной, человѣческой и гражданской. Видя гнусныя злодѣйства, Клопштокъ однажды навсегда составилъ себѣ понятїя о государственныхъ измѣненїяхъ и революцїяхъ, понятїя, которыхъ совершенную истину доказали время и случаи. Можно сказать, что онъ предвидѣлъ будущее!

Патрїотъ Клопштокъ оскорбился въ душѣ своей, когда Нѣмцы вошли въ бѣдственную Революцїонную войну: ибо онъ, вмѣстѣ со всѣми благоразумными Политиками, предвидѣлъ ея слѣдствїя. Сей великїй мужъ писалъ даже письма къ Государямъ и Министрамъ; но умы были тогда въ ослѣпленїи отъ страстей — побѣды, завоеванїя казались легкими — и совѣты семидесятилѣтняго старца (не пылкаго юноши, обманутаго воображенїемъ) остались безъ всякаго дѣйствїя...

Въ послѣднїй разъ Клопштокъ доказалъ Патрїотизмъ свой тогда, какъ Французскїй Институтъ избралъ его въ Члены свои. Въ письмѣ къ сему ученому собранїю онъ съ великимъ жаромъ изъяснялъ преимущества Нѣмецкаго, страстно имъ любимаго языка, его силу и выразительную краткость, будучи увѣренъ, что сїя истина не полюбится Французамъ. — Такъ мыслилъ и дѣйствовалъ сей великїй мужъ какъ Патрїотъ.

Въ домашней жизни своей, въ кругу друзей и знакомыхъ Клопштокъ былъ не менѣе любезенъ и добродѣтеленъ. Воспоминанїе о благородныхъ, прекрасныхъ свойствахъ его останется навсегда прїятнѣйшею для меня мыслїю. Онъ былъ удивительно нѣженъ въ своихъ чувствахъ, и твердъ характеромъ; всею душею любилъ друзей, и не хладѣлъ отъ времени. Старѣйшимъ другомъ его былъ Стихотворецъ Глеймъ. Въ одно время они занемогли, умирали, и еще переписывались. Послѣднее письмо Глеймово напечатано въ Енскихъ Вѣдомостяхъ; оно начинается сими словами: „Я умираю, любезной Клопштокъ, вашимъ нѣжнымъ другомъ и до „конца страстнымъ любителемъ Поэзїи, „которая, вмѣстѣ съ вашею дружбою, „дѣлала меня щастливымъ въ жизни.“

Они думали о многомъ несогласно. На примѣръ: Глеймъ не уважалъ бѣлыхъ стиховъ, а Клопштокъ презиралъ риѳмы; первый обожалъ Фридриха Великаго, а Клопштокъ не весьма любилъ его, за то, что сей Государь не отдавалъ справедливости народу своему и гнушался языкомъ Нѣмецкимъ. Но такой различной образъ мыслей не имѣлъ никакого влїянїя на ихъ дружбу, постоянную и нѣжную.

Генїй, дарованїя, слава, знанїя и лѣта безъ сомнѣнїя давали Клопштоку право судить рѣшительно во всемъ, что касалось до ума, вкуса и таланта; но онъ весьмо рѣдко пользовался симъ, такъ сказать, законнымъ правомъ: всегда охотно слушалъ другихъ, всегда съ искреннимъ любопытствомъ разспрашивалъ, чтобы узнать основанїе каждой ихъ мысли, и даже при самыхъ ложныхъ заключенїяхъ, при самыхъ глупостяхъ и нелѣпостяхъ никогда не изъявлялъ грубаго презрѣнїя. Слыша мнѣнїе, несогласное съ его мыслями, онъ часто съ видомъ добродушїя говаривалъ людямъ: „Это для „меня совершенно ново и любопытно; „продолжайте.“ Иногда, разговаривая съ удовольствїемъ и жаромъ, вдругъ останавливался и забывалъ все, естьли кому нибудь въ горницѣ случалось охнуть,

зашибить себѣ палецъ или только поморщиться. Доброй Клопштокъ уподоблялся тогда самой чувствительной женщинѣ, безпокоился, заботился, не изъ модной учтивости, не притворно, но искренно: ибо онъ въ важномъ и неважномъ слѣдовалъ однимъ движенїямъ сердца и не зналъ никакихъ хитростей свѣтскаго искусства.

Въ послѣднїя 12 лѣтъ Клопштокъ никого не славилъ такъ усердно, какъ Вашингтона, Лафаета и Россїйскаго Императора АЛЕКСАНДРА. Вашингтонъ, въ которомъ истинный Патрїотизмъ соединялся съ геройствомъ, съ холодною мудростїю, съ великимъ характеромъ и съ рѣдкими добродѣтелями, долженъ былъ сильно дѣйствовать на душу Поэта и Филантропа Клопштока; до самой кончины своей онъ любилъ говорить объ немъ. Любилъ за такїя же свойства и Лафаета, благороднаго, рѣдкаго человѣка; страдалъ съ нимъ во время его заключенїя; ужасался отъ слуха, что Вѣнскїй Дворъ отправитъ его въ Россїю для вѣчной ссылки въ Сибирь; плѣнялся героическою добродѣтелїю Лафаетовой супруги, которая, видѣвъ казнь матери и сестры своей, и сама едва избѣжавъ гильйотины, спѣшила изъ темницы въ темницу, чтобы

сколько нибудь утѣшить нещастнаго супруга — терпѣла все, на что осуждаютъ только злодѣевъ, и съ древнимъ Римскимъ мужествомъ выпила сію горькую чашу до послѣдней капли. Клопштокъ обрадовался сердечно, когда узналъ, что Лафаетъ, возвратясь въ отечество, рѣшился заключить жизнь свою въ тишинѣ и бѣдности; отказался отъ всѣхъ выгодныхъ мѣстъ, ему предложенныхъ, и писалъ къ друзьямъ своимъ, что правила его не дозволяютъ ему быть орудїемъ власти, столь несогласной съ любезнѣйшею его мыслїю, которой онъ всѣмъ пожертвовалъ. Клопштокъ, любя сего Героя всею душею, осуждалъ въ немъ единственно то, что онъ не зналъ Французовъ, и считалъ ихъ способными наслаждаться свободою подобно Американцамъ и Англичанамъ.

Императоръ АЛЕКСАНДРЪ, плѣнившїй сердца не только въ Россїи, но и въ чужихъ земляхъ, великими добродѣтелями Своими сдѣлалъ глубокое впечатлѣнїе въ душѣ Клопштоковой. Живъ долго и замѣтивъ, что почти всѣ Государи начинаютъ свое правленїе хорошими дѣлами, но скоро оставляютъ сей путь и слѣдуютъ совсѣмъ иной системѣ, онъ долго медлилъ въ своемъ заключенїи.

Видя же наконецъ, что добродѣтели Россійскаго Монарха не суть дѣйствіе минутной Политики, но, какъ благотворная и величественная рѣка, неизмѣнно и безпрестанно изливаются на сильнѣйшее Государство въ свѣтѣ, Клопштокъ сдѣлался обожателемъ сего рѣдкаго Государя, и сочинилъ Ему оду; напечаталъ ее въ Минервѣ, но никакъ не хотѣлъ послать въ Петербургъ, чтобы не уподобиться обыкновеннымъ льстецамъ.

Клопштоковы мысли о Кантовой Философіи напечатаны въ его Грамматическихъ разговорахъ. Онъ не боялся нажить непріятелей, но думалъ, что ему, какъ современнику, надлежитъ дать отчетъ потомству въ своемъ мнѣніи о сей новой философической системѣ. Слыша его, въ 1792 году, рѣшительно говорящаго о семъ предметѣ, я спросилъ: всѣ ли Кантовы творенія читалъ онъ? Клопштокъ вскочилъ съ креселъ и съ великою живостію сказалъ мнѣ: „Я старался вникнуть въ „каждую мысль, разбиралъ всю цѣпь за„ключеній и слѣдствій; иначе не сталъ „бы такъ говорить!“ Онъ утверждалъ, что сіе волненіе умовъ совсѣмъ не есть новый феноменъ; что въ Крузіево время такъ же славили сего Философа, такъ же до небесъ превозносили его систему, и

думали, что всѣ примутъ ее, и что она будетъ имѣть щастливое влїянїе на судьбу рода человѣческаго.

Клопштокъ, между разными познанїями, имѣлъ и такїя, которыхъ не льзя было предполагать въ немъ. На примѣръ, онъ совершенно зналъ Тактику и методу всѣхъ великихъ новыхъ полководцевъ, хотя, по своему человѣколюбивому характеру, ненавидѣлъ войну. Въ 18 пѣсни Мессїады сказано, что

Она есть стыдъ людей въ теченїи вѣковъ
И торжество ужаснѣйшее ада!

Въ 1794 году онъ пѣлъ, что

Безумствовать и воевать одно.

Клопштокъ зналъ всѣ подробности семилѣтней войны и говорилъ о каждомъ дѣлѣ какъ самый ученый Генералъ; даже и въ послѣднїе годы жизни своей не забылъ ни малѣйшаго обстоятельства сей донынѣ безпримѣрной войны, и, родясь подданнымъ Фридриха Великаго, хотѣлъ нѣкогда описать ее для славы своего народа; но долговременное пребыванїе въ Копенгагенѣ и другїе случаи не дозволили ему исполнить сего намѣренїя.

Твердость характера Клопштокова была удивительна даже и въ старости. Я разскажу здѣсь два примѣра. Извѣстно,

что Адмиралъ Нельсонъ считался нѣсколько времени первымъ Героемъ Европы. Сего человѣка знали по одному дѣлу, но безпримѣрному въ Исторіи, и рѣшившему на тотъ разъ судьбу міра. Нельсонъ, пріѣхавъ въ Гамбургъ, спѣшилъ видѣть творца Мессіады, дружески пожалъ руку его, и съ жаромъ увѣрялъ Клопштока въ особенномъ своемъ къ нему уваженіи. Поэтъ и самъ былъ у Нельсона. Лади Гамильтонъ (*) старалась всячески плѣнить его своимъ пантомимическимъ искусствомъ, и такъ успѣла, что Клопштокъ съ удивленіемъ говорилъ послѣ о чрезвычайномъ ея талантѣ — и разстался съ ними какъ другъ съ друзьями. Но когда, черезъ нѣкоторое время, узналъ Нельсоновы жестокости и злодѣйства Лади Гамильтонъ въ Неаполѣ, то, любя справедливость и человѣколюбіе болѣе всего на свѣтѣ, въ одну минуту отказался отъ своего пристрастія, и сказалъ мнѣ съ твердостію: „я выгналъ ихъ навѣки изъ моего сердца!“ — Другая черта Клопштокова

(*) Жена Англійскаго Министра при Неаполитанскомъ Дворѣ. Она Италіянка, подлаго роду, но весьма искусная въ пантомимахъ; чѣмъ прельстила и Гамильтона и Нельсона.

характера еще достойнѣе примѣчанія. Подъ именемъ *Памятниковъ* онъ сочинялъ стихи на главные случаи Революціи, съ великимъ жаромъ — и прекрасные; не щадилъ Якобинцевъ и славилъ добродѣтель, въ комъ она еще являлась во Франціи. Когда *нояды* и *гильйотинады* довели ужасы до высочайшей степени, Клопштокъ бросилъ перо, но хотѣлъ напечатать свои *Памятники*, одно изъ лучшихъ произведеній его Генія. Между тѣмъ печальныя слѣдствія Революціи болѣе и болѣе оказывались для Германіи, и наконецъ увѣнчались самымъ постыднымъ миромъ, какого, со временъ Карла Великаго, никогда еще Нѣмецкая земля не заключала. Тогда Клопштокъ закаялся говорить о Революціи, и сказалъ мнѣ однажды, что броситъ въ огонь написанные имъ стихи на эпохи ея. Я счелъ это слово дѣйствіемъ минутной досады, и черезъ нѣсколько времени, вмѣстѣ съ Глеймомъ, приступилъ къ нему, чтобы онъ отдалъ намъ *Памятники* для изданія; но они уже были сожжены, тайно отъ насъ и даже отъ самой почтенной супруги его! Едва ли какой нибудь Авторъ истреблялъ такимъ образомъ свое твореніе, написанное для вѣчности.

Не мудрено, что Генїй, воспитанный духомъ Древнихъ, былъ скупъ на похвалу въ Искусствахъ и въ Наукахъ; но когда онъ не могъ хвалить, то молчалъ, или критиковалъ съ великою умѣренностїю. Естьли же находилъ, что Авторъ унижаетъ предметы важные для блага людей или поноситъ великихъ Писателей, то бросалъ книгу съ презрѣнїемъ и не хотѣлъ говорить объ ней. Ни особенное уваженїе къ Сочинителямъ, ни слава ихъ, ни дружескїя связи не имѣли никакого влїянїя на судъ его, когда дѣло шло о Литтературѣ и красотахъ Искусства; одна истина и вкусъ казались ему священными. Клопштокъ и Виландъ были на Парнассѣ совершенными антиподами, однакожь всегда уважали другъ друга, какъ всѣ истинно великїе Генїи, не смотря на различїе талантовъ. Виландъ всѣхъ лучше и тонѣе похвалилъ Клопштока въ своемъ Журналѣ; а Клопштокъ, читая его Аристиппа, сказалъ мнѣ: „я не могу разстаться съ этою книгою.“

Имѣя рѣдкїя свѣдѣнїя, онъ никогда не хотѣлъ быть Профессоромъ, ибо любилъ заниматься и работать свободно, безъ всякаго принужденїя; не могъ также писать много, и жить трудами своими. Слѣдственно Германїя могла опять

представить ужасное и постыдное зрѣлище *Генія въ бѣдности.* Сколько великихъ людей въ нашемъ отечествѣ имѣли сей жребій, отъ Кеппеля до Лессинга! Но и въ другихъ земляхъ, къ нещастію, то же бывало, особенно въ разсужденіи великихъ Поэтовъ. Гомеръ былъ нищій, Шекспиръ съ великимъ трудомъ могъ жить, Мильтонъ умеръ въ бѣдности, а Ботлеръ съ голоду, хотя недостойный Карлъ II зналъ наизусть стихи его. Но судьба пеклась о Клопштокѣ; надлежало сдѣлаться чуду: оно сдѣлалось.

Извѣстно, что Государи рѣдко по собственному побужденію награждаютъ Авторскіе таланты, не имѣя времени думать объ нихъ. Надобно любить чтеніе или народную славу, чтобы давать пенсіи людямъ съ дарованіемъ и тѣмъ освобождать ихъ отъ трудовъ принужденныхъ, убивственныхъ для таланта. Однакожь добродушный Датскій Король и Несторъ Нѣмецкихъ Принцовъ, Маргграфъ Баденскій, опредѣлили Клопштоку такія пенсіи, что онъ могъ жить независимо. Безъ сего похвальнаго великодушія какая судьба ожидала славнѣйшаго изъ Поэтовъ Германіи?

Клопштокъ умеръ такъ, какъ жилъ: съ твердостію и спокойствіемъ Философа,

въ объятіяхъ милаго семейства, которое нѣжнѣйшими попеченіями платило ему за любовь его. Онъ ни мало не ослабѣлъ въ душевныхъ силахъ своихъ; сохранилъ до гроба ясность ума, жаръ воображенія и всѣ чувства; только память его въ послѣдніе годы была уже не такъ хороша, какъ прежде. Подобно Сократу, Клопштокъ передъ смертію занимался единственно безсмертіемъ и заставлялъ читать себѣ вторую-надесять пѣснь Мессіады, въ которой смерть, могила и будущая жизнь описаны утѣшительно и пріятно. Что юноша пѣлъ нѣкогда въ небесномъ вдохновеніи, то сдѣлалось отрадою умирающаго старца.

Два города, различные законами и нравами, соединились при погребеніи великаго Пѣвца Германіи, не для его славы (и безъ того вѣчной), но для ихъ собственной и для чести вѣка. Чиновники, ученые, купцы, художники, Генералы, прелестныя женщины, сыпали цвѣты на его могилу; одно чувство всѣхъ одушевляло: глубокое почтеніе къ безсмертному таланту, славному для Германіи и человѣчества.

Такъ онъ мыслилъ, жилъ и скончался для сего міра!

III.

Любезный гость у Капуциновъ.

На каменистой дорогѣ, не далеко отъ маленькаго, бѣднаго городка Гондрекура, изломалась коляска. Надобно ее чинить, — и долго, ибо работниковъ мало. Куда дѣваться отъ скуки? Городскіе судьи разъѣхались по деревнямъ. Путешественникъ видитъ вдали, среди пріятныхъ луговъ и рощей, каменное зданіе съ колокольнею — монастырь Капуцинскій; идетъ туда и звонитъ. Отпираютъ ворота; видятъ человѣка высокаго, худаго, по лицу нездороваго, но хорошо одѣтаго: онъ вѣжливо проситъ гостепріимства. Капуцины не богаты, но рады гостю. Послѣ обыкновенныхъ учтивостей говорятъ о томъ и другомъ; путешественникъ болѣе слушаетъ, нежели говоритъ. Начинаютъ его разспрашивать: онъ отвѣчаетъ умно и скромно. Между тѣмъ ударили въ колоколъ къ обѣднѣ... „Не угодно ли вамъ съ нами помолиться?“... *Святые отцы! я грѣшникъ, но люблю молиться.* — Наконецъ садятся за трапезу, умѣренную, однакожь не совсѣмъ обыкновенную: прибавили два или три блюда, и самыя здоровыя, для того, что гость кажется слабымъ. Во время обѣда разсуждаютъ о

Теологїи (Философїи Капуциновъ). Путешественникъ кажется ученымъ богословомъ, и во всемъ ихъ мнѣнїя. Говорятъ о разныхъ Капуцинскихъ монастыряхъ во Францїи, Германїи, Италїи: ибо они добродушнымъ монахамъ извѣстнѣе столицъ и большихъ городовъ Европы. Путешественникъ удивительно хорошо знаетъ сїю часть Географїи. Разсказываютъ нѣкоторые анекдоты о смиренїи святаго Франциска: гость удивляется имъ и разсказываетъ другїе, самимъ Монахамъ неизвѣстные. Тутъ добрые отцы плѣнились любезностїю путешественника. „Какой скромной! какой учтивой! съ нимъ „обо всемъ говорить можно. Онъ вѣрно „хорошо учился: понимаетъ даже и Латинскїе тексты, не хуже отца Прїора; „знаетъ все, что касается до Ордена" — и проч. Дѣло идетъ къ тому, чтобы гостя — принять въ Капуцины! Обѣщаютъ ему всѣ выгоды и со временемъ самыя первыя степени. Гость не знаетъ, какъ изъявить свою благодарность — хочетъ подумать — считаетъ себя недостойнымъ — однакожь не отказывается: требуетъ только сроку. Между тѣмъ коляска готова. Прощаются со всѣми знаками искренней дружбы, глубокаго

почтенія. . . И сей гость былъ — угадайте, кто?.. Вольтеръ!!

IV.

Мудрое предложеніе одного ученаго Нѣмца, сдѣланное имъ Россіи.

Мы не знаемъ имени сего благонамѣреннаго Германца, но увѣдомляемъ читателей, что *онъ* предлагаетъ намъ забыть — Руской языкъ!! называя его варварскимъ и неспособнымъ для выраженія тонкихъ идей ума. „Россія" — пишетъ сей Анонимусъ въ Нѣмецкихъ вѣдомостяхъ — „Россія не можетъ просвѣтиться, естьли „не откажется отъ своего грубаго, дикаго языка. Предлагаю замѣнить его — „древнимъ Греческимъ; предлагаю (что „весьма легко) завести въ каждой Губерніи, въ каждой Округѣ, по-нѣскольку „Греческихъ школъ, и, *лѣтъ черезъ десять*, *всѣ* Рускіе будутъ говорить языкомъ Сократа, Платона, Демосѳена. „Тогда исчезнетъ главное препятствіе, „не допускающее Россіянъ до умственнаго образованія!" . . . Всякой вообразитъ, что это дурная шутка: ни мало! Сей ученый мужъ (ибо онъ безъ сомнѣнія

знаетъ по-Гречески) думаетъ, что на Рускомъ языкѣ можно выражать только самыя грубыя идеи; на примѣръ: *хочу ѣсть*, *лить*, *слать*, и проч.; вѣрно думаетъ также, что звуки его похожи на ревъ звѣрей, на мяуканье кошекъ, на лай собакъ, и проч. Чтобы изъяснить себѣ такія мысли и такое предложеніе, надобно вспомнить, что ученость производитъ иногда великія бѣды въ мозгу человѣческомъ; что *умъ заходитъ за разумъ*, и всякія небылицы, всякія нелѣпости кажутся тогда истиною, щастливою мыслію, великимъ открытіемъ.

V.

Забавные Шотландскіе Графы.

Письмо одного путешественника.

Вы желаете знать, любезный другъ, мои мысли о Шотландіи, откуда я недавно возвратился: въ немногихъ словахъ удовлетворю сему желанію. Народъ добродушенъ и бѣденъ; дворянство многочисленно, гордо, учтиво и также бѣдно.

Пріѣхавъ изъ Ирландіи, я вышелъ на берегъ близь маленькой деревеньки, состоящей изъ Готтентотскихъ хижинъ.

Лучшая изъ нихъ была трактиромъ — и кто же содержитъ его? Графъ!! Въ нѣсколько минутъ собрались всѣ жители, отдать мнѣ поклонъ какъ знатному господину: такъ они вообразили, судя по моему кафтану. Графъ самъ выбѣжалъ, взялъ за узду мою лошадь, оборотился къ старшему сыну своему и сказалъ: „Милордъ! отведите лошадь господина путешественника въ конюшню, и скажите сестрѣ вашей, Лади Бетси, чтобы она принесла ему кружку самаго лучшаго пива. Господинъ вѣрно не пожалѣетъ пяти копѣекъ.“

Я тамъ ночевалъ. Ужинъ мой состоялъ изъ сухихъ картофелей и гнилыхъ яицъ. За то Графъ былъ крайне учтивъ, и съ радостію уступилъ мнѣ половину своей кровати. Горница его не великолѣпна: сундукъ служитъ въ ней вмѣсто софы. Лади Бетси извинялась, что комната ихъ не весьма хорошо убрана; однакожь примолвила, что въ ней часто живали знатные господа. Сказала также, что простыня и наволоки не очень бѣлы, но что ихъ, года два тому назадъ, мыла Графиня, мать ея, и Лади Матильда-Каролина-Элеонора-Софія, ея меньшая сестра. Она пожелала мнѣ доброй ночи,

обѣщая, что молодой Графъ, братъ ея, на другой день вычиститъ мои сапоги. —

(*Изъ Нѣм. Журнала.*)

VI.

Италіянскіе вулканы,
или
Огнедышущія горы.

(Переведено изъ Трудовъ Парижскаго Института.)

Гражданинъ Пети-Радель жилъ долго въ Римѣ и въ окрестностяхъ сего славнаго города. Удивленный зрѣлищемъ многихъ *вулканическихъ* отверстій или *кратеровъ*, которые суть остатки древнихъ *вулкановъ*, окружающихъ Римъ и даже внутри его находящихся, Авторъ вознамѣрился узнать связь или порядокъ, установленный Природою между сими разными *кратерами*, и потомъ опредѣлить время, въ которое они образовались.

Въ первыхъ своихъ изслѣдованіяхъ онъ нашелъ, что всѣ *кратеры* составляютъ одну *вулканическую* линію, которая идетъ отъ Сициліи къ Тосканѣ, начи-

наясь отъ Этны, какъ отъ своего средоточія, и простирается съ одной стороны черезъ Лангедокъ до Гишпаніи, а съ другой до Греціи и Лидіи, черезъ острова Крету, Гіеру, Терасію, Анафу и Мегару. Вѣроятно, что сіи огненныя изверженія случились въ такое время, когда страны, ими опустошенныя, были уже обитаемы.

Всѣ Историки древняго Рима говорятъ, что Капитолій названъ по имени человѣческой головы, найденной въ землѣ при основаніи сей славной крѣпости. Гора же Капитолинская образовалась огненнымъ изверженіемъ, котораго средоточіе въ *Форумѣ* и въ большомъ Циркѣ. Въ семъ увѣряетъ насъ Авторъ, который съ великимъ вниманіемъ разсматривалъ мѣста. Этимологія имени Капитолія, бывъ донынѣ однимъ чаяніемъ во мнѣніи Ученыхъ, превращается въ большую вѣроятность послѣ нижеслѣдующихъ наблюденій.

Шиллингъ, Римскій ученый, говоритъ, что онъ нашелъ человѣческой черепъ весьма тяжелый въ вулканическомъ пеплѣ на Монте-Маріо, близь Рима. Вотъ доказательство, что сіи мѣста были населены во время большихъ огненныхъ изверженій! — Еще другой случай:

Монахъ Ревилласъ, извѣстный въ Римѣ по его знаніямъ въ Математикѣ и Физикѣ, увѣдомляетъ, что въ лавѣ, истекшей изъ Албанскаго кратера, нашли большой лоскутъ полотна; изъ чего слѣдуетъ, что во время дѣйствія увулкановъ люди жили тамъ уже въ гражданскомъ обществѣ: ибо полотно требуетъ искусства. Гражданинъ Пети-Радель самъ находилъ человѣческія кости въ слояхъ вулканической лавы.

Напрасно искалъ онъ хронологическихъ памятниковъ, желая съ точностію опредѣлить эпоху сихъ великихъ огненныхъ изверженій.

Древнія лѣтописи молчатъ объ оныхъ до царствованія Тита, и Страбонъ въ вѣкъ Августовъ говоритъ о Везувіѣ: *кажется, что онъ пылалъ нѣкогда.* Однакожь изъ вѣка въ вѣкъ переходило древнее сказаніе, что когда-то изверженіе подземнаго огня ужаснымъ образомъ опустошило Италію. Отъ сего родилось таинственное служеніе Весты, которое издревле было въ Лаурентумѣ, и оттуда перешло въ столицу міра. Надписи: Jovi Vesuvio sacrum, Vulcano quieto, и проч еще болѣе увѣряютъ насъ въ сильномъ впечатлѣніи, оставленномъ въ памяти

Италїянскихъ народовъ симъ вулканическимъ феноменомъ.

Теперь Авторъ утверждаетъ основанїе физической хронологїи. Онъ доказываетъ разными историческими монументами, что древнѣйшїе города, построенные на землѣ вулканической, какъ-то Римъ, Тускулумъ, Альба-Лонга, основаны за 1200 лѣтъ до Рождества Христова. И такъ прежде сей эпохи должно полагать извержение волкановъ. Вокругъ Рима, и даже Неаполя, города построенные на лавѣ отличаются отъ городовъ, основанныхъ на землѣ известковой, которыхъ стѣны совсѣмъ иначе сдѣланы и доказываютъ, что онѣ строены первыми Греческими Колонїями, прибывшими въ Италїю за 200 или 300 лѣтъ до начала вулканическихъ городовъ. Авторъ называетъ сей родъ зданїя *неправильнымъ полигономъ*, и описываетъ его слѣдующимъ образомъ:

„Онъ есть самый удивительный изъ „древнихъ строенїй. Главное его достоин„ство состоитъ въ огромности камней; „нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ въ дїаме„трѣ 10 футовъ. Какими же сильными „машинами надлежало подымать ихъ на „такую вышину! Форма камней много„угольна: есть въ 7 и 8; нѣтъ только

„ни одного правильнаго четвероугольника. „Всякой камень обтесанъ точно для своего мѣста; они хотя безъ известки, „но такъ крѣпко соединены, что можно „къ сему чудному строенїю отнести „слова Прокопїевы о *лутти Аллїанскомъ*: „*Натура произвела для онаго совсѣмъ обтесанные камни.* Естьли одинъ камень „разрушается, то верхнїе никакъ не падаютъ, но остаются въ прежней крѣпкой „связи.“

„Кажется, что *Базальтскїя* дороги „служили образцомъ въ семъ строенїи, и „что такое особенное соединенїе угловъ „выдумано на случай землетрясенїй: ибо „оно лучше другихъ можетъ противиться „онымъ.

„Для разумѣнїя древней Тактики „должно еще замѣтить, что стѣны образуютъ всегда три ограды, соединяемыя „между собою подземельными, внутри „скалъ изсѣченными дорогами, для обращенїя силъ въ то мѣсто, къ которому „приступалъ непрїятель. Въ началѣ осады „жители защищали только первую ограду; ослабѣвая числомъ, отступали во „вторую, а наконецъ въ третью, которая, будучи въ окружности еще менѣе, „требовала небольшаго числа воиновъ для „защиты.“

Авторъ говоритъ о всѣхъ Италїянскихъ городахъ, гдѣ видны остатки такихъ удивительныхъ зданїй. Предметъ его сочиненїя есть утвердить эпоху древнихъ огненныхъ извержений въ Италїи и возбудить вниманїе къ особенному роду Архитектуры, которой начало теряется во мракѣ вѣковъ.

VII.

Дворянинъ-Профессоръ въ Россїи.

Письмо къ Издателю (*).

Въ напечатанной въ Вѣстникѣ пїесѣ: *о вѣрномъ способѣ имѣть въ Россїи довольно учителей*, сказано: „Естьли и въ другихъ „земляхъ Европы, гораздо опытнѣйшихъ и „старѣйшихъ въ гражданскомъ образованїи, „ученый Дворянинъ есть нѣкоторая рѣд„кость, то можемъ ли въ Россїи ждать „благородныхъ на Профессорскую каѳедру?

(*) Который изъявляетъ искреннюю благодарность свою за такое, для всѣхъ Русскихъ Любителей просвѣщенїя интересное извѣстїе.

„хотя — признаюсь — я душевно бы об-
„радовался первому феномену въ семъ ро-
„дѣ.“ — Такой первой феноменъ есть Смоленской помѣщикъ, Надворный Совѣтникъ Григорій Глинка, который имѣетъ столько достатку, что могъ бы содержать себя и безъ Профессорскаго жалованья. Но изъ особенной любви къ Наукамъ и ко благу общественному, онъ въ скоромъ времени по изданіи общаго Устава народнаго просвѣщенія взошелъ на каѳедру Россійской Словесности въ Дерптскомъ Университетѣ. Любящая чтеніе публика знаетъ уже-его по нѣкоторымъ сочиненіямъ и переводамъ, которые хотя и не совершенны, но служатъ убѣдительнымъ доказательствомъ его желанія быть полезнымъ отечеству своими знаніями и трудами, и опытностію его могутъ со временемъ быть исправлены. Онъ издалъ въ свѣтъ *Опытъ Риторики въ пользу благородныхъ дѣвицъ*; перевелъ *Лѣтопись* ЕКАТЕРИНЫ II. и I Часть Россійской Исторіи Левека, которую и продолжать будетъ. — Люди, не одушевленные ревностію къ благороднымъ пожертвованіямъ для просвѣщенія согражданъ своихъ, находили поступокъ сей страннымъ; но кто дѣйстви-

тельно преданъ пользѣ отечества, тотъ презираетъ мнѣнія обыкновенныя.

С. п. бургъ.
Мая 4 го, 1803.

Вашъ незнакомецъ.

VIII.

Записки одной молодой Нѣмецкой Дамы, живущей нынѣ въ Парижѣ.

Англичанки, сюда пріѣзжающія, не могутъ славиться красотою. Весьма не многія изъ нихъ пріятны лицомъ, и почти ни одна не умѣетъ одѣваться со вкусомъ; однакожь Француженки съ нѣкотораго времени перенимаютъ ихъ моды, украшая все по-своему. Этю ихъ талантъ; что на Англичанкѣ дурно, то на Парижской красавицѣ мило, и даетъ ей видъ скромности, который *напоминаетъ старину*. Только двѣ Англичанки были замѣчены въ Парижѣ по ихъ красотѣ: Лади Кевъ и Госпожа Тальботъ. — Англичане живутъ здѣсь обыкновенно недѣли двѣ. Изъ нихъ всѣхъ болѣе отличился умомъ Лордъ Петти, сынъ Маркиза Ландсдауна: молодой человѣкъ двадцати лѣтъ. Парижскіе ученые должны были удивляться его свѣдѣніямъ, и Первый Консулъ нѣсколько разъ говорилъ съ нимъ.

Не давно одинъ любитель художествъ и талантовъ давалъ праздникъ въ честь новой славной Гереневой картинѣ (которой содержанїе взято изъ Федры). На столѣ былъ поставленъ Расиновъ бюстъ. Подлѣ Гереня сидѣла молодая Актриса Дюшену, играющая Федру; напротивъ ихъ Стихотворецъ Легуве. Пили слѣдующїе *тосты* (*): Расину — Рафаелю — живописцамъ въ Поэзїи — друзьямъ талантовъ — Герою, защитнику Музъ — миру — свободѣ.

Скажу нѣсколько словъ объ извѣстныхъ людяхъ, съ которыми мнѣ удалось познакомиться въ Парижѣ. Цѣлый годъ жила я здѣсь съ Госпожей Жанлисъ въ одномъ домѣ. Она совершенно посвятила себя Литтературѣ, и теперь всего болѣе занимается своимъ Журналомъ, украшаемымъ ея сказками. Не только весь Парижъ читаетъ ихъ, но всякая тотчасъ переводится и на иностранные языки: на Англїйской, Нѣмецкой, и проч. Дѣя-

(*) Французы и Нѣмцы приняли это Англїйское слово. Не льзя сказать: пить Расиново *здоровье*; не льзя желать здоровья мертвымъ. Пить *тостъ* есть *величать* или *славить*, или изъявлять доброе желанiе.

тельное воображенїе и рѣдкое знанїе свѣта служатъ для Госпожи Жанлисъ богатымъ источникомъ новыхъ мыслей и плановъ. Кажется, что она всегдашними трудами не истощаетъ, а только острит свой авторскїй умъ. Самый обыкновенный случай открываетъ ей тайности человѣческаго сердца и представляетъ то важныя, то прїятныя идеи. Духъ ея живетъ, такъ сказать, въ тихихъ наблюденїяхъ. Въ самыхъ младенческихъ лѣтахъ она показывала особенную склонность ко чтенїю, авторству, музыкѣ и живописи, хотя родители и не дозволяли ей учиться сему послѣднему искусству. „Я имѣла „совершенную страсть къ живописи," сказала намъ однажды Госпожа Жанлисъ: „естьли бы дали мнѣ волю, то я вмѣсто „книгъ писала бы теперь историческїя „картины, и представила бы на нихъ все „то, что мною изображено въ романахъ. „Всего болѣе хотѣлось мнѣ изобразить „кистїю славныхъ въ Исторїи женщинъ, „главныя черты и добродѣтели жизни „ихъ. Но матушка позволяла мнѣ учиться только музыкѣ и танцованью. Я „могла тихонько сочинять, а не рисовать; когда же вышла на свою волю, „тогда уже было поздно." — Десяти лѣтъ она сочинила Комедїю, осьмнадцати

Замокъ Истины, сказку, напечатанную вмѣстѣ съ *Деревенскими Вечерами*. На семнадцатомъ году познакомилась съ Бюффономъ. Сей великій мужъ былъ образователемъ ея таланта, открылъ ей богатые источники Французскаго языка и тайнѣйшія его сокровища. Она питала умъ свой чтеніемъ превосходныхъ Авторовъ. Двадцати-пяти лѣтъ имѣла уже необыкновенныя свѣдѣнія, написала *Адель и Теодора*, *Театръ Воспитанія*; знала Латинской, Англійской, Италіянской языкъ; танцовала, пѣла, играла на арфѣ прекрасно и была рѣдкою актрисою; однакожь, любя свѣтскія удовольствія, еще болѣе любила уединеніе; часто съ дѣтьми Герцога Орлеанскаго на цѣлые мѣсяцы заключалась въ монастырь, чтобы заниматься единственно ихъ воспитаніемъ и ученіемъ. Дворъ, при которомъ она жила, знакомства великихъ мужей Европы, путешествія во Франціи, Англіи, Италіи, Швейцаріи, были для нее способомъ узнать свѣтъ, людей и Натуру, какъ не многіе знаютъ ихъ; ея сочиненія то доказываютъ. Принужденная выѣхать изъ Франціи, въ десятилѣтнее свое отсутствіе издала она 12 томовъ; а возвратясь въ Парижъ, написала множество прекрасныхъ сказокъ, прибавила два тома къ *лѣто-*

лисямъ добродѣтели и томъ къ *Матерямъ-Совѣстницамъ*; а скоро выдастъ еще большій романъ. Безпрестанная работа не позволяетъ ей выѣзжать. На канунѣ новаго года она пріѣхала къ тетукѣ своей, Госпожѣ Монтенонъ, у которой не была уже нѣсколько мѣсяцевъ, и которая встрѣтила ее съ великою ласкою, жалѣя, что такъ долго не видалась съ нею. Госпожа Жанлисъ сказала: ma chère tante, mon métier me prend tout mon tems (*извините: ремесло мое отнимаетъ у меня все время*). Тетка съ любезностію старой Француженки отвѣчала ей: eh, ma niece! peut-on appeller un métier tant de gloire? (*ахъ! можно ли, любезная племянница, называть ремесломъ такую славу?*) — Живучи съ Госпожею Жанлисъ въ одномъ домѣ, я очень рѣдко наслаждалась ея разговорами. Она безпрестанно или читаетъ или пишетъ; живетъ только для авторства, и даже (какъ мнѣ казалось) скучаетъ самыми умными людьми, которые иногда къ ней пріѣзжаютъ.

Я познакомилась также съ Г. Фьеве, Авторомъ пріятныхъ романовъ *Фредерика* и *Сюзеты*. Онъ имѣетъ истинный талантъ, но съ нѣкотораго времени употребляетъ его во зло, объявивъ себя врагомъ Философіи и рыцаремъ Вѣры, кото-

рая не имѣетъ нужды въ рыцарѣ. Фьеве унижаетъ Вольтера, Жанъ-Жака, и дѣлаетъ себя шутомъ въ глазахъ благоразумія. Какъ люди перемѣняются! Сей человѣкъ, будучи однажды у Госпожи Жанлисъ, уговаривалъ ее не трогать праха мертвыхъ, и съ дружескою искренностію сказалъ: „Вы уже такъ славны, „что не имѣете нужды обращать на себя „вниманія публики ѣдкими сатирами. У „васъ есть непріятели; они молчатъ, „пока вы пишете единственно для удо„вольствія публики и для успѣховъ до„браго воспитанія; но война снова на„чнется, естьли вздумаете опять бра„нить Философовъ, Вольтера, Руссо и дру„гихъ." Госпожа Жанлисъ послѣ того казалась нѣсколько времени сердитою на Фьеве, и не приняла его благоразумнаго совѣта. Это не чудно; но мудрено, что самъ онъ, разсуждавъ такъ хорошо, вдругъ началъ писать противъ великихъ мужей, живыхъ и мертвыхъ, къ сожалѣнію всѣхъ друзей его, которые любятъ въ немъ талантъ и доброе сердце.

Говоря объ интересныхъ людяхъ въ Парижѣ, должна я наименовать одну изъ любезнѣйшихъ женщинъ въ свѣтѣ: Госпожу С. Симонъ, дочь Маркиза Шанграна и вдову нещастнаго Принца Юлія Рогана.

Она жила только шесть мѣсяцевъ съ милымъ супругомъ, любила его со всею нѣжностїю прекраснаго, невиннаго сердца, и должна была проводить на эшафотъ... Время не загладило образа душевной меланхолїи на прїятномъ лицѣ ея; но дружба и Музы служатъ ей утѣшенїемъ. Госпожа С. Симонъ поетъ какъ Ангелъ, такъ выразительно и трогательно, что голосъ ея всегда отзывается въ сердцѣ. Она сама съ удивительнымъ искусствомъ сочиняетъ музыку, естьли можно такъ назвать вдохновенїе сердца и языкъ горестной чувствительности; пишетъ также и стихи, милые, нѣжные, но показываетъ ихъ не многимъ. Всѣ говорятъ съ восторгомъ объ ея талантѣ, хотя она поетъ единственно въ кругу родныхъ и друзей. Одинъ изъ нихъ, страстный любитель музыки, сказалъ мнѣ, что щольно славный Гара и Госпожа С. Симонъ умѣютъ пѣть романсы. Собранїя въ ея домѣ опровергаютъ злорѣчїе тѣхъ людей, которые утверждаютъ, что нынѣшнїй тонъ всѣхъ Парижскихъ обществъ чрезмѣрно воленъ: любезность и благопристойность составляютъ душу ежедневнаго общества Госпожи С. Симонъ. Иногда бываетъ у нее чтенїе, и всякой день музыка. Мущины соблюдаютъ въ раз-

говорѣ правила вкуса, а женщины не стыдятся показывать ума своего. Злословіе и насмѣшки нетерпимы; дозволяется одна остроумная шутливость, которая веселитъ людей, не оскорбляя тонкаго моральнаго чувства.

IX.

Письмо Руского Офицера (*) изъ Корфу къ его родителямъ отъ 20 Января 1803.

Скажу вамъ, что для насъ очень прискорбно было оставить Неаполь; мы пріятно жили тамъ около трехъ лѣтъ, и многіе изъ насъ нашли хорошихъ друзей, съ которыми всегда, когда не заняты были должностію, проводили время весело. Да и какъ можно скучать въ такомъ городѣ, въ которомъ народу не менѣе Москвы и тьма увеселеній? Однихъ вольныхъ театровъ въ Неаполѣ семь; сверьхъ того днемъ всегдашнія гулянья, а по ночамъ собранія, въ которыхъ насъ принимали ласково. Мы же получали хорошее жалованье; я

(*) Астраханскаго Полку Порутчика Михайлова.

имѣлъ въ годъ до 100 рублей серебромъ, хорошую квартиру съ мебелью, дрова и свѣчи. Правда, что въ Неаполѣ все дорого; даже за стаканъ чистой воды надобно платить грану или серебряную копѣйку; говядины фунтъ стоитъ 20 гранъ. Платье и другія нужныя вещи также не дешевы.

Для всѣхъ насъ еще бы веселѣе было въ Неаполѣ, естьли бы мы не грустили о любезномъ отечествѣ и дражайшихъ ближнихъ. Скажу вамъ, что я имѣлъ случай сдѣлать одно дѣло, непостыдное для Рускаго. Весь Неаполь думалъ, что я отъ Его Сициліянскаго Величества буду обвѣшенъ лентами и награжденъ миліонами; но для меня довольно и того, что мои начальники и товарищи называютъ мое дѣло похвальнымъ. Впрочемъ Его Превосходительство, Михайло Михайловичь Бороздинъ, писалъ обо мнѣ къ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ; да и при отъѣздѣ сказалъ мнѣ, что самъ лично донесетъ о томъ нашему Всемилостивѣйшему ИМПЕРАТОРУ. Заслуга моя состоитъ въ томъ, что я открылъ заговоръ противъ Неаполитанскаго Короля, въ которой и меня хотѣли заманить подаркомъ въ 50000 рублей, чтобы на моемъ караулѣ сдѣлать революцію, и взявъ Его

Королевское Величество со всею Фамилїею, поступить такъ же, какъ было сдѣлано во Францїи. Я старался развѣдать подробнѣе о семъ злоумышленїи, немедленно донесъ моему начальнику и представилъ во дворецъ одного изъ сообщниковъ съ ясными доказательствами на бумагѣ. Но Его Королевскому Величеству отъ тамошнихъ Министровъ доложено было совсѣмъ иначе: ибо дѣла въ Неаполѣ взяли уже другой оборотъ.... Въ семъ заговорѣ было нѣсколько тысячь человѣкъ, изъ которыхъ многїе хотѣли меня убить, такъ, что я передъ нашимъ отъѣздомъ за два мѣсяца принужденъ былъ сидѣть почти всегда дома. Но Богъ помиловалъ, и сынъ вашъ выѣхалъ оттуда здоровъ: чегожъ болѣе и лучше?

О Корфу донесу вамъ, что сей островъ наполненъ Италїянцами, Жидами, а большая часть Грековъ, и все дорого до чрезвычайности; да какъ и не быть дороговизнѣ въ такомъ мѣстѣ, которое нѣсколько уже лѣтъ служитъ театромъ междоусобной войны дворянства съ чернїю? Какъ же скоро мы пришли, то, не потерявъ ни одного человѣка, усмирили все; хотя нашъ корпусъ и не великъ, но разосланы отряды въ острова, принадлежащїе этой Республикѣ, а именно въ

Сантъ - Мавру, въ Зантъ, въ Цефалонію, въ Итаку, въ Чериго и Пахсо.

Я писалъ къ вамъ много разъ, но отъ васъ имѣю одно только письмо, и не знаю, чию тому причиною? Каждой разъ хожу на почту, какъ скоро она приходитъ; но возвращаюсь съ пустыми руками и съ печальнымъ сердцемъ. Надписывать письма должно такъ: *черезъ Вѣну, Неаполь и Отранту въ Корфу*, а не черезъ Константинополь, потому что тамъ они могутъ пропасть, или пролежать нѣсколько мѣсяцовъ.

П. П. Сынъ вашъ въ сію минуту удостоился получить Монаршую милость: драгоцѣнный перстень. Его Сіятельство, Господинъ Генералъ - Адъютантъ, Графъ Христофоръ Андреевичь Ливенъ, пишетъ, что Государь Императоръ посылаетъ мнѣ сей перстень въ знакъ Своего благоволенія за открытый мною въ Неаполѣ заговоръ. Слава Небу и Монарху! Какое ободреніе быть во всемъ достойнымъ Русскимъ Офицеромъ!

X.

Стихи на скоропостижную смерть Петра Аѳанасьевича Пельскаго (*).

Вчера въ моемъ уединеньи
Я съ нимъ о жизни разсуждалъ,
О нашемъ горѣ, утѣшеньи;
Вчера съ друзьями онъ гулялъ
По рощамъ мирнымъ въ вечеръ ясный;
Глазами солнце проводилъ
На западѣ тихій и прекрасный,
И виды сельскіе хвалилъ!...
Слѣды его еще не скрылись
На сихъ коврахъ травы густой;
Еще цвѣтки не распрямились,
Измятые его ногой —
Но онъ навѣкъ отъ насъ сокрылся!..
Едва вздохнулъ — и вдругъ исчезъ!
Съ дѣтми, съ друзьями не простился!
Мы плачемъ: онъ не видитъ слезъ!..
Ахъ! въ гробѣ мертвые спокойны!
Ихъ время горевать прошло....
Смерть только для живыхъ есть зло;
Могилы зависти достойны —
Ничтожество не страшно въ нихъ!

(*) 9 Мая онъ обѣдалъ у меня въ деревнѣ и провелъ вечеръ. . . . . .

Нашъ другъ былъ веселъ для другихъ
Умомъ, любезностью своею,
Но тайно мучился душею. . . .
Ахъ! онъ умѣлъ боготворить
Свою любовницу - супругу (*)!
Оплакавъ милую подругу,
Кто можетъ въ жизни щастливъ быть?
Я видѣлъ Пельскаго въ жилищѣ
Усопшихъ, посреди могилъ:
Онъ тамъ рѣкою слезы лилъ!...
Тамъ было и его гульбище,
Равно прелестное для насъ,
Равно любившихъ и любимыхъ,
Ко гробу сердцемъ приводимыхъ!..
Тамъ тихій изъ - подъ камня гласъ
Ему вѣщалъ ли въ утѣшенье,
Что самъ онъ скоро отдохнетъ
Отъ жизни, въ коей щастья нѣтъ?...
Гдѣ радость есть приготовленье
Къ утратамъ и печалямъ вновь;
Увы! гдѣ самая любовь,
Нѣжнѣйшихъ душъ соединенье,
Готовитъ только сожалѣнье
И гаснетъ завсегда въ слезахъ,
Тамъ есть ли въ благахъ совершенство?...
Мечта прелестная, блаженство!
Мелькая въ сердцѣ и въ глазахъ,

(*) Она скончалась въ прошломъ году.

Ты насъ желаньемъ утомляешь —
Приводишь къ гробовой доскѣ,
Надъ прахомъ милыхъ исчезаешь,
И сердце предаешь тоскѣ!

Теперь супруги неразлучны;
Въ могилѣ участь имъ одна:
Покоятся въ жилищѣ сна,
Или уже благополучны
Чистѣйшимъ новымъ бытіемъ!...
А мы во странствіи своемъ
Еще томимые сомнѣньемъ,
Печалью, страхомъ и мученьемъ,
Свой путь съ терпѣніемъ свершимъ!
Надежда смертныхъ утѣшаетъ,
Что міръ другой насъ ожидаетъ:
Сей свѣтъ пустыня передъ нимъ!
Тамъ всѣ, кого мы здѣсь любили,
Съ кѣмъ въ юности пріятно жили;
Тамъ, тамъ *собраніе вѣковъ*,
Мужей великихъ, мудрецовъ,
Которыхъ въ лѣтописяхъ славимъ!..
И съ тѣми, коихъ здѣсь оставимъ,
Мы разлучимся лишь на часъ.
Земля гостинница для насъ!

Свирлово.

XI.

Мечта.

Когда бы какъ Орфей играть я могъ на лирѣ,
И голосу ея весь кругъ земный внималъ,
Я, свыше вдохновенъ, запѣлъ бы, заигралъ:
Народы! братїя! живите вѣчно въ мирѣ!!! —

С. Андреевъ.

XII.

Экономія одного разбойника.

Разбойникъ путника въ лѣсу остановилъ,
И, обобравъ его какъ липку, говорилъ:
„Овечекъ я стригу, но жить имъ не мѣшаю;
И ежели не въ этотъ годъ,
Такъ можетъ быть на-тотъ
Опять отъ нихъ волной попользоваться чаю.

С. Андреевъ.

ПОЛИТИКА.

I.

О нынѣшнемъ состояніи Греціи и степени ея гражданскаго просвѣщенія.

(Гражданинъ Коре, родомъ Грекъ, основательно знающій древній языкъ и Литтературу своего отечества, въ Февралѣ 1803 году напечаталъ въ одномъ Парижскомъ Журналѣ любопытныя извѣстія о нынѣшней Греціи, изъ которыхъ сообщаемъ здѣсь важнѣйшія.)

Греція возраждается духомъ. Всеобщее распространеніе Наукъ въ Европѣ съ половины 18 вѣка и совершенство ихъ методъ возбудило въ Грекахъ благодѣтельное любопытство; они захотѣли учиться и нашли средство къ тому въ войнѣ Рускихъ съ Турками, въ Французской Революціи и въ соединенныхъ съ нею Италіянскихъ кампаніяхъ и Египетской экспедиціи. Сіи происшествія обогатили Грецію, и нѣкоторымъ образомъ облегчили деспотизмъ, ее гнетущій. Частные люди, разбогатѣвъ, могли завести новыя общественныя школы, или старыя привести

въ лучшее состоянїе. Зажиточные граждане отправляли дѣтей своихъ въ Европейскїе Университеты, чтобы собирать такъ свѣдѣнїя и распространять ихъ послѣ въ отечествѣ.

Новые Греки не такъ отличны отъ древнихъ, какъ обыкновенно думаютъ въ Европѣ. Уже на языкъ Аристотеля и Платона переведены Локково творенїе о разумѣ человѣческомъ, Монтескьё о паденїи Римской Имперїи, лучшїя книги Математическїя, *Химическая Философїя* Фуркруа и множество другихъ книгъ, благодѣтельныхъ для образованїя народа, которому только одна жестокая судьба не дозволяла возвыситься въ странахъ, просвѣщенныхъ его предками. Аѳинянинъ Кодрика, бывшїй при Оттоманскомъ Посольствѣ во Францїи первымъ Секретаремъ, вѣрно и хорошимъ слогомъ перевелъ *Мїры* Фонтенелевы и переводитъ нынѣ *Путешествїе Анахарсиса.*

Во время сихъ успѣховъ разума образовались и морскїя силы Грековъ, какъ торговыя, такъ и военныя, для отраженїя Африканскихъ морскихъ разбойниковъ. Въ семъ болѣе другихъ отличился народъ Гидрїотовъ. Островъ Гидра, находящїйся близъ Пелопоннеза, былъ убѣжищемъ многихъ семействъ, которыя оттуда спа-

сались бѣгствомъ. Они размножились, и въ теченіе времени обогатились торговлею, производя ее сначала только на берегахъ, а послѣ и на всемъ Средиземномъ морѣ, даже до Океана; ибо сіи Аргонавты бывали иногда и въ Америкѣ, на легкихъ корабляхъ, построенныхъ въ ихъ собственныхъ гаваняхъ и бывшихъ тамъ предметомъ всеобщаго удивленія. Кажется, что Греческому климату свойственна особенная сила разума, которая обнаруживается при малѣйшемъ облегченіи тамошняго жестокаго рабства.

Гидріоты берутъ дѣтей своихъ на корабли, какъ скоро имъ исполнится шесть или семь лѣтъ, чтобы они заранѣе учились искусству мореплаванія. При видѣ берега или мыса Капитанъ показываетъ имъ мѣста опасныя или безопасныя для кораблей; а послѣ, когда они снова проходятъ мимо ихъ, разспрашиваетъ мальчиковъ о всякомъ мѣстѣ, и наказываетъ безпамятныхъ. Имъ даютъ одно жалованье съ большими, чтобы пріохотить ихъ къ мореплаванію, столь выгодному для Гидріотскаго народа, и чтобы они съ достаткомъ могли ранѣе жениться. Число жителей и богатство сего безплоднаго острова чудеснымъ образомъ умножается. Я спросилъ однажды у Капитана

Гидрїотскаго: что будутъ дѣлать земляки его въ такомъ случаѣ, естьли деспотизмъ ограничитъ ихъ промышленность? Онъ повторилъ мнѣ слова Ѳемистокловы, сохраненныя Геродотомъ: „народъ, имѣющїй корабли, найдетъ вездѣ отечество.“

Жители острова Хїо отличаются мирною дѣятельностїю, согласїемъ и благоразумїемъ, хранившимъ ихъ внутреннее спокойствїе и даже вольность среди всѣхъ революцїй, которыхъ — отъ нападенїй Персидскихъ и Македонскихъ завоеванїй до нашего времени — Грецїя была театромъ. Сїи островитяне, сверхъ упомянутыхъ моральныхъ свойствъ, имѣютъ отмѣнно живой умъ и характеръ, которые отвѣтствуютъ историческимъ памятникамъ ихъ прелестныхъ долинъ, и рѣшатъ, кажется, славный вопросъ о Гомеровомъ отечествѣ. Они не отстаютъ отъ другихъ въ успѣхахъ просвѣщенїя. На семъ островѣ заведена вышняя школа и Науки въ великомъ почтенїи.

И другїе народы Грецїи доказываютъ ежедневными примѣрами, что сила души, которою славились ихъ предки, въ нихъ не исчезла. Европѣ извѣстно, что горсть потомковъ Спарты, называемыхъ нынѣ Майнотами, чудесами храбрости умѣла

сохранить независимость свою до нашего времени. Другой, не столь извѣстный, но не менѣе храбрый народъ, именуемый Суліотами, живетъ на скалахъ Эпира, близь древней Додоны, между піитическими рѣками Ахерона и Коцита. Онъ состоитъ только изъ 1500 воиновъ и не хотѣлъ покориться сильнѣйшему Пашѣ въ Европейской Турецїи. Въ случаѣ опасности жены соединяются съ мужьями, и всегда побѣждаютъ непрїятеля, который несравненно ихъ многочисленнѣе. Здѣсь разскажу я случай, достойный древней Исторїи Лакедемона. Въ жаркомъ сраженїи съ Турками былъ убитъ одинъ молодой чиновникъ Суліотовъ, весьма ими любимый. Смерть его имѣла влїянїе на храбрыхъ воиновъ: — окруживъ трупъ Героя, они забыли сраженїе. Въ сїю минуту является мать убитаго, закрываетъ платкомъ лицо милаго сына, беретъ его оружїе, говоритъ воинамъ: *за мною!* бросается на враговъ, побѣждаетъ ихъ, возвращается къ убитому, и снявъ платокъ съ лица его, восклицаетъ съ героическою твердостїю: *я за тебя отмстила, и теперь спокойна!*

II.

Важный самозванецъ во Франціи.

(Изъ Франц. Жур.)

Какихъ самозванцевъ не было въ свѣтѣ? Лже-Нероны въ Римѣ, Жан-д'Арки во Франціи, Димитріи въ Россіи, обманывали многихъ людей въ свое время. Но сіи романическія явленія, какъ говоритъ Вольперъ, не случаются никогда въ государствахъ просвѣщенныхъ, имѣющихъ твердое правленіе. Въ то время, когда Франція начала выходить изъ хаоса анархіи, сынъ Сен-Лоскаго портнаго вздумалъ назвать себя Дофиномъ!! Правда, что Революція сдѣлала многихъ Французовъ почти варварами; однакожь мы не такъ легковѣрны, какъ наши добрые предки въ шестомъ-надесять вѣкѣ.

Сей молодой человѣкъ, именемъ Эрваго, и прекрасный лицомъ, удивлялъ родителей своихъ умомъ и склонностями необыкновенными. Въ Сен-Ло многіе считали его сыномъ Герцога Валантинуа. Рожденный съ воображеніемъ пылкимъ и романическимъ, онъ презиралъ низкое состояніе, шестнадцати лѣтъ ушелъ изъ отцевскаго дому, и скитаясь по разнымъ Департаментамъ, назывался сыномъ то

Госпожи Лавосель, то Принца Монако, то Герцога д' Юрселя. Нѣсколько разъ брали его подъ стражу какъ бродягу, и возвращали отцу; но Эрваго снова уходилъ, обманывалъ легковѣрныхъ людей, а всего болѣе женщинъ, которыя находили его отмѣнно *трогательнымъ*, и наконецъ въ Шалонѣ вздумалъ назваться Дофиномъ, сыномъ Лудовика XVI, тайно увезеннымъ изъ Тампля. Его представили въ судъ, который осудилъ сего обманщика просидѣть мѣсяцъ въ темницѣ. Уже Эрваго имѣлъ многихъ друзей, готовыхъ пожертвовать ему жизнію. Освобожденный черезъ мѣсяцъ, онъ поѣхалъ въ городъ Витри, гдѣ нѣкоторые усердные Роялисты ожидали съ нетерпѣніемъ дражайшаго Дофина. Одинъ изъ нихъ принялъ его къ себѣ въ домъ, и, не смотря на скупость свою, всякой день давалъ роскошные обѣды ему и друзьямъ Бурбоновъ. Старики и молодыя женщины изъявляли величайшую преданность къ сему человѣку, который, въ знакъ признательности, разсказалъ имъ однажды всѣ подробности своей исторіи, сочиненной на досугѣ, но довольно глупо. Вотъ любопытнѣйшія мѣста изъ сего романа:

„Тайные друзья Бурбоновъ вывезли меня изъ Парижской темницы подъ чер-

нымъ бѣльемъ на телѣгѣ, оставивъ на мое мѣсто одного мальчика, который скоро умеръ въ *Тамплѣ*. Шаретъ и Стоффель приняли меня въ своемъ лагерѣ съ великою радостію, но не могли по тогдашнимъ обстоятельствамъ объявить Королемъ. Англійскіе Министры отписали къ Шарету, что мое присутствіе нужно въ Лондонѣ; но тамъ никто не хотѣлъ говорить со мною, а Графъ д'Артуа даже не пустилъ меня къ себѣ въ домъ. Наконецъ удалось мнѣ видѣться съ Англійскимъ Королемъ, и доказать ему, что я истинный сынъ Лудовика XVI. Сей добродушный Монархъ заплакалъ и сказалъ, что Французскіе Принцы и Министры его никакъ не хотятъ торжественно признать меня Дофиномъ, но что онъ предлагаетъ мнѣ жить въ его дворцѣ. Я съ благодарностію воспользовался симъ предложеніемъ, жилъ весело, покойно — но не долго. Мнѣ дали яду, но, къ щастію, ошиблись въ мѣрѣ: я страдалъ нѣсколько часовъ, однакожь не умеръ. Англійскій Король трепеталъ отъ гнѣва, велѣлъ отыскивать злодѣя, хотѣвшаго отравить меня, но совѣтовалъ мнѣ для безопасности моей удалиться. „Поѣзжайте въ Римъ и въ Португалію, говорилъ онъ: ручаюсь, что тамъ хорошо при-

„мутъ васъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ „Французская Революція возметъ другой „оборотъ и кончится безъ сомнѣнія умѣ„ренною Монархіею, какъ то случилось „въ Англіи. Умнѣйшіе Французы тогда „обратятъ на васъ глаза и предложатъ „вамъ ограниченную власть, которая дѣ„лаетъ Великобританскихъ Королей ща„стливѣе и спокойнѣе всѣхъ деспотовъ.“ — Я дружески обнялъ добраго Георга и поѣхалъ въ Римъ. Пій VI обошелся со мною какъ съ любезнѣйшимъ сыномъ церкви, осыпалъ меня ласками и благодѣяніями; въ пророческомъ духѣ предсказалъ мнѣ, что фамилія Бурбоновъ скоро явится въ новой славѣ на тронѣ, и велѣлъ въ присутствіи двадцати Кардиналовъ заклеймить правую ногу и лѣвую руку мою. Сіе клеймо изображаетъ слова: vive le Roi! (*да здравствуетъ Король!*) — Изъ Рима отправился я въ Гишпанію, не хотѣлъ тамъ никого видѣть, кромѣ Герцогини Орлеанской (которая съ восторгомъ цѣловала мою руку) и пріѣхалъ въ Лиссабонъ, гдѣ Королева обласкала меня, хотѣла женить на сестрѣ своей, вдовѣ Принца Бразильскаго, и заставила девять Монарховъ признать во мнѣ Короля Французскаго. Въ это время Генералъ Пишгрю и друзья его писали въ Лиссабонъ, что я долженъ

спѣшить въ Парижъ, гдѣ все готово признать меня законнымъ Монархомъ. О непостоянство судьбы человѣческой! Съ радостною надеждою я поѣхалъ во Францiю, но дорогою узналъ о революцiи 18 Фрюктидора, которая низвергла Пишгрю; не зналъ, что дѣлать; скитался изъ мѣста въ мѣсто, и наконецъ взятъ былъ подъ стражу въ Шалонѣ."

Сiя нелѣпая басня до слезъ тронула присутствующихъ, которые въ восторгѣ клялись мнимому Дофину, что они ему всѣмъ пожертвуютъ — и въ самомъ дѣлѣ всячески старались умножать число легковѣрныхъ, особливо между духовными, въ надеждѣ, что имъ легче дѣйствовать на умы людей. Однажды Эрваго съ нѣкоторыми друзьями своими обѣдалъ у Сомпюискаго священника, который за столомъ сказалъ ему въ шутку: „Ваше Величество! вы ничего не ѣдите; а Бурбоны, сколько мнѣ извѣстно, всѣ много ѣдали." Самозванецъ разсердился и едва не побилъ хозяина, который въ досадѣ своей назвалъ его публично обманщикомъ. Сей случай сдѣлался извѣстенъ въ городѣ; нескромность женщинъ и темныя слова нѣкоторыхъ изъ друзей мнимаго Дофина обратили на него вниманiе Полицiи. Наконецъ Фуше велѣлъ взять его подъ

стражу. Эрваго жилъ у Господина Лемуана, гдѣ явился Коммиссаръ съ повелѣнїемъ Министра. Весь домъ пришелъ въ ужасъ; одинъ Эрваго казался спокойнымъ, и, не смотря на присутствїе Коммиссара, хотѣлъ все еще играть свою ролю. Съ гордымъ видомъ велѣлъ онъ хозяину дома принести ему кафтанъ: Г. Лемуанъ повиновался, ставя себѣ за честь быть его камердинеромъ. Послѣ того мнимый Дофинъ оборотился къ Аббату Баре и сказалъ: „Аббатъ! очки мои; они лежатъ „на столѣ въ спальнѣ.“ Баре принесъ ихъ и вручилъ ему съ низкимъ поклономъ. Нотарїусъ Адне съ ужасомъ вбѣжалъ въ комнату и такъ забылся, что хотѣлъ обнять его величество: Эрваго съ небреженїемъ подалъ ему руку, которую Нотарїусъ поцѣловалъ съ великимъ благоговѣнїемъ.

Въ тотъ же самой день собралось множество гостей къ заключенному, и въ комнатѣ его приготовленъ былъ роскошной ужинъ. Число любопытныхъ, желавшихъ видѣть его, всякой день умножалось; вошло въ моду ходить на поклонъ къ *знаменитому нещастливцу*. Лучшїй поваръ въ городѣ готовилъ ему кушанье, и наконецъ такъ прїучили его къ хорошему столу, что однажды, за

ужиномъ, когда подали ему только пулярду, голубя, салатъ и кремъ, онъ съ досады бросилъ все на землю. Къ обѣднѣ всякой разъ провожалъ его слуга, и несъ за нимъ подушку съ молитвенникомъ; онъ имѣлъ Секретаря, который не только сочинялъ, но и подписывалъ его письма. „По особеннымъ причинамъ,“ говорилъ заключенный, „не хочу самъ „подписывать моего имени *Луи Шарля*. Оно „ужасно для нѣкоторыхъ людей, и мнѣ „должно быть гонимымъ.“ Когда Полиція начала допрашивать его, Эрваго отвѣчалъ: „Жизнь моя похожа на ро„манъ, съ одной стороны печальный, а „съ другой забавный. Со временемъ свѣтъ „можетъ узнать его.“

Правительство могло бы самовластно наказать его какъ государственнаго обманщика; но оно не хотѣло уважить сего дѣла, и поручило окружному судилищу рѣшить судьбу Эрваго. Тамъ, въ день суда, собралось множество людей, которые явно показывались доброжелателями обвиняемаго, съ великимъ вниманіемъ слушали его Адвоката, Г. Кафферня; а когда началъ говорить Коммиссаръ Правительства, то изъявляли неудовольствіе. Судьи рѣшили, что Эрваго обманщикъ и долженъ быть заключенъ

на три года въ темницу. Онъ выслушалъ сей приговоръ съ великимъ спокойствіемъ и съ видомъ насмѣшливымъ. Въ тотъ же самой день собрали для него большую сумму денегъ; и хотя Министръ Полиціи не велѣлъ никого пускать къ нему, однакожь заключенный рѣдко бывалъ одинъ, жилъ весело, роскошно и пилъ всегда изъ золотаго стакана, на которомъ изображены были литеры L. C. (Луи Шарль) и Французская корона. Министръ велѣлъ перевезти его изъ Реймской темницы въ Суассонъ; но и тамъ продолжалась комедія: со всѣхъ сторонъ доставляли заключенному деньги, разныя драгоцѣнныя вещи, и многочисленные друзья находили способъ съ нимъ видѣться. Наконецъ Правительство вышло изъ терпѣнія и велѣло отправить заключеннаго — не извѣстно, куда!

III.

Выписка изъ Лондонскихъ Журналовъ.

Мы знаемъ вѣрно, что Бонапарте черезъ Берлинской Кабинетъ предлагалъ Лудовику XVIII торжественно отказаться

отъ своихъ правъ на Французскую корону; что ему обѣщали за то знаменитое Королевство въ Европѣ, и что онъ съ благородною гордостїю отвергнулъ сїе предложенїе.

Иностранцы, хотѣвшїе видѣть Францїю въ ея новомъ политическомъ состоянїи, выѣзжаютъ изъ нее съ увѣренїемъ, что народный характеръ Французовъ не исправился въ бѣдствїяхъ Революцїи; что они не воспользовались опытами, столь дорого купленными, и сохранили все прежнее легкомыслїе. Сїи иностранцы думали еще найти во Францїи ту силу души, которая обнаруживалась въ войнѣ долговременной и кровопролитной; ту гордость, которая бываетъ дѣйствїемъ великихъ побѣдъ, и безпокойство умовъ, слѣдующее обыкновенно за государственными волненїями. Напротивъ того они видѣли вездѣ знаки вѣтрености, безпечное равнодушїе и привычки, которыя въ другихъ земляхъ бываютъ только слѣдствїемъ долговременнаго единовластїя.

Сен-Клудской Дворъ представляетъ картину, любопытную для наблюдателей. Старинныя Версальскїя обыкновенїя возобновлены тамъ въ малѣйшихъ подробностяхъ, съ прибавленїемъ строгихъ мѣръ личной безопасности для Бонапарте. Отъ

воротъ парка до Консульскихъ палатъ стоятъ шесть пикетовъ, которые не пропускаютъ никогобезъ Дюрокова билета. Сіи билеты даются только людямъ, служащимъ Консулу или Госпожѣ Бонапарте, или приглашеннымъ къ нему на аудіенцію, или составляющимъ обыкновенное его общество. Цвѣтъ и форма билетовъ перемѣняются всякіе два мѣсяца; на каждомъ означено имя того, кому онъ данъ. Солдатъ съ послѣдняго пикета отводитъ всякаго къ Префекту дворца: тамъ даютъ другой билетъ, съ означеніемъ, въ какія двери войти, и къ которому камердинеру отнестись для представленія Консулу. Съ сей минуты, куда вы ни пойдете: къ нему ли, къ Госпожѣ ли Бонапарте, или къ кому нибудь изъ живущихъ въ Сен-Клу, за вами смотритъ лакей. Работники и слуги иностранцевъ подвержены строгому осмотру: у нихъ отнимаютъ всякое оружіе, всякую вещь, опасную для жизни человѣка. Поденщики находятъ на мѣстѣ нужныя для ихъ работы орудія и не должны перекладывать ихъ на другое. Они не могутъ работать въ саду, когда Бонапарте тамъ гуляетъ: надзиратели высылаютъ ихъ и смотрятъ за ними. Въ домѣ всякому слугѣ отведено мѣсто; ему нельзя перейти изъ

одной комнаты въ другую. Камердинеры Госпожи Бонапарте отдаютъ ея записки къ мужу черезъ его камердинеровъ. Сама она не входитъ къ нему безъ докладу. Дежурный Префектъ можетъ войти въ его кабинетъ единственно тогда, когда дверь отворена. Въ день аудїенцїи сей Префектъ громко объявляетъ выходъ Консула, и дворцовые приставы удаляютъ всѣхъ на нѣсколько шаговъ отъ дверей, въ которыя должно ему войти. Адъютанты окружаютъ его, но отступаютъ въ сторону, когда онъ начинаетъ съ кѣмъ нибудь говорить тихо. Между тѣмъ придверники обозрѣваютъ всѣхъ людей въ собранїи и наблюдаютъ малѣйшїя ихъ движенїя. Кто положитъ руку въ карманъ, на того уже смотрятъ. — Даже за нѣсколько верстъ вокругъ Сен-Клу разъѣзжаютъ Жандармы и не рѣдко останавливаютъ людей, которые видомъ своимъ кажутся имъ подозрительными.

Гордой Массена и пылкой Ожеро пришли однажды къ Бонапарте и сказали ему: „правда ли, что вы хотите быть нашимъ деспотомъ?“ — Для того, отвѣчалъ Консулъ, чтобы у васъ не было осьми сотъ деспотовъ. — „Это противно нашему условїю.“ — *Я повинуюсь волѣ народа Французскаго.* — „Не онъ вручилъ вамъ

верховную власть." — *Онъ утвердилъ ее въ рукахъ моихъ.* — — Бонапарте вдругъ смягчилъ голосъ, началъ разспрашивать ихъ объ охотѣ, и черезъ нѣсколько минутъ разстался съ ними очень дружелюбно и ласково. Генералы были въ замѣшательствѣ, удивляясь рѣшительному уму и характеру его.

Дворы Неаполитанскій, Гишпанскій и Португальскій никакъ не хотятъ брать участія въ войнѣ, естьли она будетъ; не желаютъ также и деньгами помогать Консулу, умѣющему обирать ихъ при всякомъ случаѣ. По сіе время Гишпанія не платитъ шести милліоновъ, которыхъ Франція давно уже отъ нее требуетъ.

IV.

Извѣстія и замѣчанія.

Всѣ надежды мира исчезли. Витфортъ выѣхалъ изъ Парижа, и Министры ожидаютъ его въ Лондонѣ съ нетерпѣніемъ, чтобы объявить войну. Предложенія ихъ отвергнуты Консуломъ: скоро узнаемъ, какія — ибо Министры должны во всѣхъ

своихъ переговорахъ, съ заключенія Амьенскаго трактата, дать отчетъ Парламенту. Естьли вѣрить газетамъ, то Англія хотѣла вопервыхъ удержать за собою Мальту на нѣсколько лѣтъ; вовторыхъ требовала, чтобы Франція вывела войско изъ Голландіи, отступилась отъ Швейцаріи, не брала Луизіаны и возвратила островъ Эльбу... Надобно итти къ Парижу съ побѣдоносною арміею, чтобы предписывать Консулу такіе законы. Безъ ошибки, кажется, можно думать, что не онъ, а Лондонскій Кабинетъ хотѣлъ войны: ибо миръ гораздо благодѣтельнѣе для Франціи. Гренвиль и Виндамъ одержали теперь совершенную побѣду надъ своими Министрами, которые, заключивъ трактатъ, боялись исполнять его!! подписавъ миръ, увидѣли, что онъ опасенъ для Англіи!! велѣли отдать Мысъ Доброй Надежды Голландцамъ, опять не велѣли отдавать, и наконецъ отдали!! Такая раздумчивость не есть знакъ великаго ума, безъ котораго худо править государствами, при всѣхъ добрыхъ моральныхъ свойствахъ Аддингтона и Гакесбури. Они не умѣли даже найти хорошаго предлога для своихъ вооруженій и сослались на чрезвычайныя приготовленія въ гаваняхъ Франціи, которыхъ не

бывало! Хотя Политика не славилась никогда любовїю къ истинѣ, однакожь умъ не дозволяетъ говорить явной, грубой и безполезной лжи.

Миръ конечно имѣетъ свои опасности для Англїи: ибо Францїя, управляемая великимъ человѣкомъ, можетъ имъ воспользоваться для приведенїя въ цвѣтущее состоянїе какъ торговли, такъ и флотовъ своихъ; а паденїе Великобританнїи начнется съ самой той минуты, въ которую на моряхъ и въ торговлѣ найдется ей совмѣстникъ. Война конечно для нее выгоднѣе, ибо Англїя снова овладѣетъ морями и не дастъ Францїи завести флотовъ; но вѣрно ли, надежно ли щастїе той земли, которой благо есть всеобщее зло? Фенелонъ говорилъ, что онъ любитъ друзей болѣе себя, отечество болѣе друзей, а родъ человѣческїй болѣе отечества: жаль, что Англїйскїе Министры не Фенелоны! жаль также, что въ мірѣ нѣтъ судилища для Кабинетовъ; и что прекрасныя мысли Аббата Сен-Пьера остаются романомъ!... Впрочемъ ни Питтъ, ни Гренвиль (которые, вѣроятно, снова войдутъ теперь въ Министерство) не перемѣнятъ вѣчнаго закона Судьбы и Натуры: государства, достигнувъ до высочайшей степени возможнаго для нихъ

велинія, начинаютъ упадать, подобно человѣку, который созрѣвъ начинаетъ старѣться. Мы видимъ Англію въ Зенитѣ ея возвышенія. . . . Не хотимъ быть дурными пророками, любя мудрые законы и великій политическій характеръ гражданъ ея; но трудно вообразить, чтобы она даже и войною надолго сохранила нынѣшнее свое величіе въ мірѣ.

По всѣмъ обстоятельствамъ кажется, что главныя Державы Европейскія при началѣ войны не возьмутъ ни чьей стороны. Сего довольно для Бонапарте, естьли онъ рѣшится сдѣлать высадку въ Англіи; но мало, естьли усилія его Генія устремятся единственно противъ ея торговли: чтобы лишить Великобританнію сего *философскаго камня*, посредствомъ котораго все обращается для нее въ золото, ему нужно заключить тѣсный союзъ съ Державами; иначе, свободно торгуя съ ними, она никогда не оскудѣетъ въ способахъ продолжать войну. Говорятъ, что Берлинскій Кабинетъ ближе всѣхъ иныхъ къ сему союзу. Австрія, дружная съ Англіею, начнетъ безъ сомнѣнія неутралитетомъ, а можетъ кончить войною — въ такомъ случаѣ, естьли Бонапарте нещастною высадкою потеряетъ большую часть своей арміи. Планъ

его еще не открылся. Онъ собираетъ три армїи: въ Голландїи, въ Италїи и на границахъ Гишпанїи. Думаютъ, что первая займетъ Ганноверъ, вторая заградитъ для Англичанъ Италїю и португа-лїю. — Между тѣмъ что будетъ съ нещастною Сен-Доминїскою армїею, преданною жестокому климату и свирѣпымъ Неграмъ, безъ всякой помощи отъ Францїи, отдѣленной отъ нее морями, *владѣнїемъ* Англичанъ? Она должна погибнуть, естьли Британцы изъ человѣколюбїя не придутъ взять ее въ плѣнъ.

Имперская Депутацїя въ Регенсбургѣ кончила свое дѣло, и Римскїй Императоръ утвердилъ планъ вознагражденїй, принятый ею отъ Россїи и Францїи. — Малые Кантоны Швейцарїи, будучи довольны своимъ жребїемъ, писали къ Бонапарте благодарныя письма. Одно изъ нихъ подписано славнымъ Рединго мъ!

Говоря о происшествїяхъ Европы, можемъ ли не упомянуть о нашихъ собственныхъ, и не замѣтить въ *Вѣстникѣ*, что Россїя гордится нынѣ двумя блестящими дѣйствїями великодушной щедрости, Патрїотизма и человѣколюбїя! Они уже всѣмъ извѣстны; но мы имѣемъ обязанность быть орга-

номъ народной признательности и сказать, что всѣ добрые Россіяне тронуты благотвореніемъ Павла Григорьевича Демидова (*) и Графа Николая Петровича Шереметева. Такіе дары народной пользѣ и человѣчеству прославляютъ не только самихъ благодѣтелей, но и государство. Пусть скажутъ намъ иностранцы, гдѣ и когда обнаруживалась у нихъ щедрость столь блестящимъ образомъ? Съ другой стороны она показываетъ великую довѣренность къ Правленію, и славна для Государя. Гдѣ частные люди подъ Его Эгидою приносятъ великія жертвы общественнымъ добродѣтелямъ, тамъ безъ сомнѣнія духъ Правительства устроенъ къ народному благу; тамъ безъ сомнѣнія удостовѣрены граждане, что оно священно для Монарха. Вотъ случай, въ которомъ *не презрительно* завидовать богатству, употребляемому столь великодушно и

(*) Которой отдаетъ 300,000 рублей и болѣе двухъ тысячь душъ на содержаніе Университетовъ и Гимназій. Имя его будетъ безсмертно въ исторіи нашихъ ученыхъ заведеній, такъ же, какъ имя другаго Демидова незабвенно въ учрежденіи Воспитательнаго Дому.

славно для отечества! Пусть Господинъ Демидовъ утѣшается мыслїю, что юноши, образованные въ Рускихъ Университетахъ, въ теченїе временъ будутъ, на каѳедрахъ учености, съ благодарностїю произносить имя его, подобно какъ въ Академїи Кїевской донынѣ славится память Гетмана Конашевича, отдавшаго ей свое имѣнїе! Знаменитая фамилїя Шереметевыхъ производила великихъ Бояръ Рускихъ, и Полководцевъ: Графъ Николай Петровичь возобновилъ древнюю славу ея своимъ, можно сказать, великолѣпнымъ благотворенїемъ, единственнымъ и безпримѣрнымъ: никто изъ частныхъ людей не заводилъ ничего подобнаго *Дому странноприимства*. *Вѣчный* благодѣтель злощастныхъ и недужныхъ, слабыхъ старцевъ и сирыхъ дѣвицъ, бѣдныхъ семействъ и ремесленниковъ, будетъ жить въ лѣтописяхъ. Такїе монументы лучше и надежнѣе всѣхъ другихъ.

ОПЕЧАТКИ

въ сей книжкѣ.

Стран.	Стр.	*Напечат.*	*Читай.*
177	15	весьмо	весьма
182	24	Клопштоково	Клопштокова
185	1	н	и
194	6	увулкановъ	вулкановъ
200	7	Дюшену	Дюшенуа
215	4	такъ	тамъ

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ІЮНЬ 1805.

№ 12.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Воспитаніе Льва.

(Сказка изъ Флоріановыхъ сочиненій.)

У льва родился сынъ. Въ столицѣ, въ городахъ,
Во всѣхъ его странахъ
Потѣшные огни, веселья, жертвы, оды;
Мохнатые пѣвцы всѣ въ запуски кричатъ:
„Скачи земля! взыграйте воды!
У льва родился сынъ!“ — И вправду, кто не радъ?
Межь тѣмъ, когда всякъ звѣрь восторгомъ упивался,
Царь-левъ, какъ умный звѣрь, заботамъ предавался,
Кому бы на руки дитя свое отдать?
Наставникъ долженъ быть уменъ, ученъ, незлобенъ.

Кто бъ изъ звѣрей къ тому былъ болѣе способенъ?
Не шутка скоро отгадать.
Царь въ нерѣшимости велѣлъ совѣтъ собрать;
Въ благоволеніи своемъ его увѣря,
Препоручилъ избрать ему
По чистой совѣсти, по долгу своему,
Для сына въ Менторы достойнѣйшаго звѣря.
Всталъ тигръ, и говоритъ:
„Война, война Царей великими творитъ;
Твой сынъ, о Государь! быть долженъ страхомъ свѣта.
И такъ образовать его младыя лѣта
Лишь тотъ способенъ изъ звѣрей,
Который всѣхъ, по львѣ, ужаснѣй и страшнѣй.“ —
„И осторожнѣе, медвѣдь къ тому прибавилъ:
Чтобъ онъ младаго льва наставилъ,
Умѣть и храбростью своею управлять.“ —
Противу мнѣнья двухъ лисѣ итти не можно;
Однакожь, такъ и сякъ начавъ она вилять,
Замѣтила, что дядькѣ должно
Знать и политику, быть хитраго ума, —
Короче, какова сама.
За нею тотъ и тотъ свой голосъ подавали,
И всѣ они хотя себя не называли,
Но ясно намекали,
Что въ дядьки лучше ихъ ужь не кого избрать.
Совѣты и вездѣ почти на эту стать.
„Позволенольь и мнѣ сказать четыре слова?

Собака наконецъ свой голосъ подала:
Политики, войны нѣтъ слѣдствія другова,
Какъ много шума, много зла.
Но славенъ добрый Царь коварствомъ ли и кровью?
Какъ подданныхъ своихъ составитъ щастье онъ?
Какъ будетъ ихъ отцемъ? чѣмъ утвердитъ свой тронъ?
Любовью.
Вотъ таинство, вотъ ключь къ высокой и святой
Наукѣ добраго правленья!
Кто Принцу лучшія подастъ въ ней наставленья?
Никто, какъ самъ отецъ." — Тигръ смотритъ какъ шальной,
Медвѣдь, другіе тожъ; а левъ отъ умиленья
Заплакавъ, бросился собаку обнимать.
„Почто, сказалъ, давно не могъ тебя я знать?
О добрый звѣрь! тебѣ вручаю
Я щастіе мое и подданныхъ моихъ;
Будь сыну моему наставникомъ; я знаю,
Сколь пагубны льстецы: укрой его отъ нихъ;
Укрой и отъ меня — въ твоей онъ полной волѣ."
Собака отъ царя идетъ съ дитятей въ поле,
Лелѣетъ, пѣстуетъ и учитъ между тѣмъ.
Урокъ былъ первый тотъ, что онъ щенокъ, не львенокъ,

И въ дальнемъ съ нимъ родствѣ. Проходитъ
день за днемъ;
Уже питомецъ не ребенокъ;
Уже наставникъ съ нимъ обходитъ всѣ страны,
Которыя въ удѣлъ отцу его даны;
И львенокъ въ первый разъ узналъ насиль-
ство власти,
Народовъ нищету, звѣрей худыя страсти:
Лиса ѣстъ кроликовъ, а волкъ душитъ овецъ;
Оленя давитъ барсъ; повсюду, наконецъ,
Могучіе богаты,
Безсильные отъ нихъ кряхтятъ,
Быки работаютъ безъ платы,
А обезьяну золотятъ.
Левъ молодой дрожитъ отъ гнѣва —
„Родитель! онъ сказалъ: подобныя дѣла
Доходятъ ли когда до свѣдѣнья Царева?
Ахъ, сколько бѣдствій! сколько зла!“ —
„Какъ могутъ доходить? собака отвѣчаетъ:
Его одна толпа щастливцевъ окружаетъ —
А имъ не до того; а тѣ, кого съѣдятъ,
Не говорятъ.“
И такъ нашъ львеночикъ, безъ дальнихъ
размышленій
О томъ, въ чемъ доброту и мудрость ста-
витъ свѣтъ,
И добръ сталъ и уменъ; но въ этомъ дива
нѣтъ.
Примѣръ и опытность полезнѣй наставленій.

Онъ въ доброй школѣ той взрастая, получилъ
Разсудокъ, мудрость, крѣпость тѣла;
Однакожь все еще не вѣдалъ, кто онъ былъ;
Но вотъ, какъ случай самъ о томъ ему
открылъ:
Однажды на пути собака захотѣла
Взять отдыхъ, и легла подъ тѣнію деревъ.
Вдругъ выскочилъ злой тигръ, разинувъ
страшный зѣвъ,
И прямо къ ней — но левъ,
Закрывъ ее собою,
Взмахнулъ хвостомъ, затрясъ косматой
головою,
Взревѣлъ, и тигръ уже растерзанный лежитъ!
Потомъ онъ въ радости къ наставнику бѣжитъ
И вопитъ: „побѣдилъ! благодарю судьбину!
Но ялъ то былъ иль нѣтъ?... Повѣришь
ли, отецъ,
Что въ этотъ мигъ, когда твой близокъ
былъ конецъ,
Я вдругъ почувствовалъ и жаръ и силу львину?
Я точно... былъ какъ левъ!“ — Ты точно
онъ и есть,
Наставникъ отвѣчалъ, облившися слезами:
Готовься важную услышать, сынъ мой, вѣсть!
Отнынѣ... кончилось равенство между нами:
Ты царь мой! Поспѣшимъ возвратомъ ко двору.
Я все употребилъ, что могъ тебѣ къ добру;
Но ты.... и радости и грусти мнѣ
причина!

Прости, о Государь! невольно слезы лью...
Отечеству отца даю,
А самъ..., теряю сына!

* * *

II.

Меланхолія и воображеніе.

Повѣсть Госпожи Жанлисъ.

Въ осенній вечеръ, Нельсонъ, молодой и прекрасной, сидѣлъ одинъ передъ каминомъ, облокотясь на столъ въ глубокой задумчивости, и держалъ въ рукѣ письмо друга своего, Вильгельма .... Сей другъ писалъ къ нему слѣдующее:

„Какъ часто люди несправедливо жа„луются на судьбу! Я былъ въ отча„яніи, когда мнѣ надлежало разстаться „съ Берлиномъ, и писалъ къ тебѣ, лю„безной Нельсонъ, что ты одинъ, съ сво„ею вѣчною меланхоліею и романическимъ „воображеніемъ, могъ бы безъ ужаса жить „въ дикихъ окрестностяхъ Вармбруна, „подъ тѣнію горы Кинаста. Я ѣхалъ „въ Шлезію какъ въ ссылку, безпре„станно жалѣя о пріятной столицѣ и „любезныхъ ея обществахъ. Уединеніе,

„сельская жизнь, красоты Природы, живо-
„писные ландшафты нравились мнѣ толь-
„ко въ хорошихъ описаніяхъ. . . Не уди-
„вишься ли, когда скажу тебѣ, что свѣтъ
„и всѣ его блестящія веселья нынѣ за-
„быты мною; что днемъ и ночью брожу
„по лѣсамъ, сижу на развалинахъ ста-
„раго замка и не чувствую, какъ летитъ
„время? . . . Эта новость предувѣдом-
„ляетъ тебя о другой, не менѣе чудной:
„я влюбленъ безъ памяти, первый разъ
„въ жизни моей, и навѣки!

Одно мгновеніе Героя побѣдило!

„И въ самомъ дѣлѣ *одно мгновеніе*, одинъ
„взоръ души Ангельской, кроткой и нѣж-
„ной, воспалили мое сердце . . . Но какіе
„глаза, лицо, красота и любезность!...
„Эльмина! . . . Не правда ли, другъ мой,
„что одно это имя заключаетъ въ себѣ
„какую-то неизъяснимую прелесть? Мо-
„жно ли произнести его безъ чувства?...
„Но ты желаешь знать подробности: ахъ!
„какъ мило говорить объ нихъ! . . . И
„такъ слушай.

„На другой день по моемъ пріѣздѣ
„въ Вармбрунъ я отъ скуки захотѣлъ
„видѣть славную гору Кинастъ, которая
„составляетъ часть большой цѣпи горъ,

„называемыхъ *Гигантскими* (Riesengebürge). „На ея вершинѣ открылся мнѣ великолѣпный видъ. . . . Я съ любопытствомъ „разсматривалъ тамъ живописныя развалины огромнаго замка, построеннаго, „какъ говорятъ, въ 13 вѣкѣ Герцогомъ „Болькономъ *храбрымъ*. Нынѣ Природа „тамъ снова утвердила свое владычество, „и слѣды человѣческіе почти изгладились. „Большія, густыя дерева, по крайней мѣрѣ современники разрушеннаго замка, „стоятъ среди лежащихъ на землѣ колоннъ; всѣ тропинки заросли мохомъ и „терновникомъ. Тутъ былъ нѣкогда блестящій Дворъ; тутъ Государь, славный „въ свое время, радовался *безсмертіемъ* „своего имени, нынѣ совершенно забытаго! . . . Остались еще нѣкоторые своды, „часовня, башня, темница. Я ходилъ „одинъ среди развалинъ, философствуя „самъ съ собою о Дворѣ Герцога Болькона — и вдругъ женскій, нѣжный, меланхолическій голосъ отозвался въ моемъ „сердцѣ . . . Любезная невидимка пѣла „романсъ *уединенной Кольмы* . . . Ты знаешь эту Поэму Оссіанову . . . . Я слушалъ съ восторгомъ. Ничто такъ живо „не представляетъ воображенію милаго „лица, какъ пріятный, трогательный „голосъ. Въ нетерпѣніи видѣть любезную

„пѣвицу спѣшу къ ней — и вдругъ стою „неподвижно какъ мраморъ: вижу Эль- „мину! . . . Она сидѣла на развалинахъ „аркады подлѣ своей матери. . . Описы- „вать ли ее? Конечно; но не теперь, а „со временемъ: отнынѣ могу писать къ „тебѣ объ одной Эльминѣ; ничто другое „не занимаетъ меня . . . На сей разъ „буду говорить только объ ея глазахъ. . . „Одинъ человѣкъ на землѣ можетъ быть „щастливъ ихъ взоромъ: горе всѣмъ дру- „гимъ! Природа въ глазахъ Эльмины тро- „гательнымъ образомъ соединила все, „чему Небо велитъ намъ удивляться съ „любовїю, вѣрить, повиноваться.Ате- „истъ, смотря на нихъ, перемѣнилъ бы „образъ мыслей своихъ; онъ увидѣлъ бы „душу, оживленную огнемъ небеснымъ; „увидѣлъ бы добродѣтель, и не могъ бы „не обожать ея святаго образа. Большїе „темно-голубые глаза Эльмины, сквозь „черныя длинныя ресницы, сїяютъ умомъ „и кротостїю. Тишина невинности умѣ- „ряетъ, такъ сказать, пылкую и глу- „бокую чувствительность въ ея взорахъ; „страсть не могла бы украсить ихъ — „нѣтъ, она ослабила бы выраженїе этой „Ангельской непорочности. Никогда, ни- „когда не осмѣлюсь желать, чтобы „Эльмина одно со мною чувствовала; хочу

„единственно обожать ее и посвятить ей „всѣ минуты жизни моей. Эльминѣ семнадцать лѣтъ; она составляетъ единственное утѣшенїе родителей, довольно богатыхъ, и свободна въ выборѣ супруга. Однакожь думаю, что щастливецъ „долженъ сперва угодить матери: дочь „безъ ея воли не отдастъ никому своего „милаго сердца. Къ нещастїю, вѣтреность моя извѣстна; знаютъ, что я „былъ игрокъ... Мать Эльмины имѣетъ „право быть строгою; она молчалива, „важна, чувствительна и принимаетъ „меня холодно; впрочемъ здѣшнїе совмѣстники мнѣ совсѣмъ не страшны. Я увѣренъ, что сердце Эльмины свободно; „оно въ невинности своей любитъ только однихъ родителей, а мать до чрезвычайности... Прости, мой другъ. Теперь уже не боюсь твоей строгой Морали: я въ шесть недѣль удивительнымъ образомъ сталъ благоразуменъ во „всемъ — кромѣ любви."

Это письмо сдѣлало сильное впечатлѣнїе въ воображенїи и сердцѣ Нельсона. „Какъ щастливъ Вильгельмъ!" думалъ сей молодой человѣкъ: „онъ нашелъ предметъ достойный страсти, и знаетъ теперь, для чего жить въ свѣтѣ!"... Нель-

сонъ, сынъ Англійскаго купца, родился въ Дрезденѣ; въ угожденіе отцу женился на богатой Нѣмкѣ, добродушной и хорошо воспитанной, но холодной до крайности. Генріета была одна изъ тѣхъ красавицъ, которыхъ любятъ хвалить женщины и старики: имѣла всю свѣжесть молодости и правильныя черты лица, но безъ всякой пріятности, такъ, что самая завистливая, самая непрелестная кокетка не могла бы ее бояться. Нельсонъ, пылкой и чувствительной, находилъ въ ней вѣрную жену, хорошую хозяйку, но сердце его оставалось безъ подруги. Утѣшаясь единственно своею нѣжностію къ Кораліи, милой дочери, онъ даже и съ сей стороны былъ недоволенъ Генріетою, которая занималась болѣе домашнею экономіею, нежели воспитаніемъ дочери, и думала, что цѣломудріе и бережливость составляютъ единственную должность супруги и матери. Сіе мнѣніе есть общее въ Нѣмецкой землѣ; и хотя Госпожа Нельсонъ безъ сомнѣнія имѣла слишкомъ ограниченное понятіе о трогательныхъ и милыхъ обязанностяхъ супружества, однакожъ она могла бы еще быть образцомъ для молодыхъ женъ во Франціи.

Нельсонъ въ другой разъ читаетъ то мѣсто Вильгельмова письма, гдѣ онъ говоритъ: *Эльмина! . . не правда ли, что одно это имя заключаетъ въ себѣ какую-то неизъяснимую прелесть?* . . Глаза его устремляются на сїе опасное имя. . . Наконецъ онъ произноситъ его въ слухъ, и въ самомъ дѣлѣ чувствуетъ въ сердцѣ какое-то необыкновенное движенїе. Ему кажется, что Эльмина должна быть Ангеломъ, плѣнивъ человѣка вѣтренаго, и совсѣмъ не романическаго. — Въ тотъ же вечеръ Нельсонъ отвѣчалъ Вильгельму, и говоря въ письмѣ своемъ только объ Эльминѣ, просилъ его сообщить ему слова и музыку романса *Кольмы*; онъ любилъ Оссїана, и ложась спать, съ великимъ удовольствїемъ прочиталъ въ немъ сїю трогательную Поэму. Мудрено ли, что воображенїе его и во снѣ занималось тѣмъ же, чѣмъ наяву? Едва закрывъ глаза, онъ увидѣлъ молодую женщину въ длинномъ флеровомъ покрывалѣ, сквозь которое можно было замѣтить только одинъ прелестный станъ ея. Сердце его волнуется и говоритъ ему: *это Эльмина*! Но въ то же мгновенїе сїя таинственная незнакомка удаляется, дѣлая знакъ рукою, чтобы онъ не ходилъ за нею. Молодой человѣкъ не повинуется и спѣшитъ за

Эльминою, которая вступаетъ въ густую тьму и скрывается. Нельсонъ кличетъ ее, но, вмѣсто отвѣта, слышитъ одно ея стенанїе. Холодный потъ льется градомъ съ лица его: онъ проснулся — и сїя мечта, украшаемая именемъ Эльмины, съ того времени сдѣлалась для него предметомъ опасной задумчивости.

Недѣль черезъ шесть Вильгельмъ написалъ къ нему, что Эльминина мать послала въ Дрезденъ къ славной Ангеликѣ Кауфманъ портретъ своей дочери, очень сходный, желая, чтобы Кауфманъ списала съ него хорошую копїю. Нельсонъ, чрезмѣрно желая видѣть лицо, представляемое ему воображенїемъ всегда подъ флеромъ, спѣшилъ къ Ангеликѣ, которая была съ нимъ знакома и съ удовольствїемъ показала Эльмининъ портретъ. Нельсонъ устремилъ на него глаза, и нѣсколько минутъ безмолвствовалъ. Кауфманъ говорила, что ей никогда не случалось видѣть такого прекраснаго, выразительнаго лица, и что она хочетъ изобразить Эльмину въ видѣ *Меланхолїи*. Нельсонъ не отвѣчалъ ни слова; не мыслилъ, а только чувствовалъ; изумленный, тронутый, удивлялся красотѣ въ молчанїи.

Нѣсколько разъ онъ былъ у Ангелики; смотрѣлъ, какъ она писала картину Эльмины, и сидѣлъ неподвижно часа по-три; возвращался домой и пѣлъ, играя на форте-піано, романсъ Кольмы. . . Когда портретъ и картину отослали въ Шлезію, Нельсонъ огорчился душевно: ему казалось, что онъ разстался съ милымъ другомъ; самъ удивлялся страннымъ чувствамъ своимъ, но единственно для того, чтобы заниматься ими еще болѣе: они плѣняли его романическое зображеніе и казались ему одною любезною мечтою, ни мало не опасною и не порочною. „Еще не слыхавъ объ Эльминѣ, думалъ Нельсонъ, я былъ увѣренъ, что въ свѣтѣ есть женщина прекрасная, чувствительная, невинная, которую сердце мое полюбило бы страстно, естьли бы случай свелъ меня съ нею: теперь знаю, что эта милая незнакомка называется Эльминою; знаю черты лица ея и мѣсто, гдѣ она живетъ. Въ состояніи моемъ нѣтъ въ самомъ дѣлѣ ни малѣйшей перемѣны: безъ всякой надежды хочу питать въ сердцѣ — не любовь, которая не можетъ родиться безъ личнаго знакомства, но всегдашнюю грусть и сожалѣніе. Женившись, я боялся встрѣтиться съ тою, которой искать мнѣ

уже не дозволено, но къ которой тайно стремился душею: теперь мечтательное воображенїе мое остановилось на дѣйствительномъ предметѣ, и я безъ трепета могу смотрѣть на прекрасную женщину, видя ее въ первый разъ. Между горами Шлезїи будутъ отнынѣ носиться мысли мои, безъ ясной цѣли, но постоянно."

Нельсонъ окружилъ себя всѣмъ, что могло питать романическую склонность его, столь противную разсудку: украсилъ кабинетъ свой видами Вармбрунскихъ окрестностей и прекраснаго городка Гиршберга; велѣлъ написать на горѣ Кинастѣ молодую женщину, сидящую на развалинахъ: она видна была только въ перспективѣ; но совершенная Греческая профиль изображала для него Эльмину. Среди ландшафтовъ онъ поставилъ, въ большихъ золотыхъ рамахъ, образъ *Меланхолїи*, закрытой флеромъ и сидящей на крутомъ берегу моря; она прижимала ко груди своей раненную горлицу; у ногъ ея лежалъ изломанный якорь. Въ семъ кабинетѣ онъ сиживалъ по-нѣскольку часовъ въ день, и всякой разъ съ явнымъ замѣшательствомъ распечатывалъ Вильгельмовы письма. Другъ увѣдомилъ его, что онъ хочетъ открыться Госпожѣ Б*, Эльмининой матери, въ чувствахъ

своихъ. Нельсонъ безпокоился, съ живѣйшимъ нетерпѣнїемъ ожидая слѣдствїй, и недѣли черезъ двѣ узналъ, что Госпожа Б* рѣшительно отказала Вильгельму. Это извѣстїе обрадовало его. . . Нельсонъ былъ недоволенъ собою, и видѣлъ, что самыя тайныя чувства, противныя разсудку и Морали, имѣютъ вредное влїянїе на сердце. Послѣ того онъ нѣсколько мѣсяцевъ не получалъ писемъ отъ своего друга. Наконецъ Вильгельмъ увѣдомилъ его, что онъ былъ нездоровъ; что мать Эльмины умерла, но что судьба его не перемѣнилась; что Эльмина, горестная, неутѣшная, считаетъ преступленїемъ выти за такого человѣка, который не нравился ея родительницѣ; что ему, лишенному всей надежды, разсудокъ совѣтуетъ удалиться, и что онъ выѣдетъ изъ Шлезїи, какъ скоро найдетъ купца для своего помѣстья. . . . Въ сїе время Нельсонъ имѣлъ нещастїе потерять отца, и глубокая, душевная печаль усыпила въ немъ всѣ другїя чувства. Въ горести онъ хотѣлъ утѣшить себя по крайней мѣрѣ совершенною независимостїю: оставилъ торговлю, и не думалъ о томъ, что въ двадцать-семь лѣтъ не дозволено человѣку ни отдыхать, ни быть праздным. Ничто не удерживало

его въ Дрезденѣ: Нельсонъ объявилъ своимъ знакомымъ, что онъ желаетъ выѣхать изъ того мѣста, гдѣ все напоминаетъ ему горестную потерю. *Тайная* мысль утверждала его въ семъ намѣреніи: Нельсонъ скрывалъ ее съ великимъ стараніемъ отъ самого себя, чтобы не бороться съ нею. По смерти отца онъ уже не запирался въ кабинетѣ своемъ; *не хотѣлъ* думать объ Эльминѣ, и мыслилъ объ ней только *нечаянно*! . . . Можно не слушаться разсудка, но совѣсти обмануть не возможно.

Вильгельмъ въ письмахъ своихъ безпрестанно жаловался на то, что земля его не продается. Вдругъ Нельсонъ пишетъ къ нему, что онъ покупаетъ ее — и краснѣется, читая отвѣтъ признательнаго Вильгельма, который считалъ его предложеніе дѣйствіемъ великодушной дружбы, и трогательнымъ образомъ изъявлялъ свою благодарность. Какъ молодой Англичанинъ ни увѣрялъ себя, что Саксонія никогда ему не нравилась; что уединеніе и тишина всего лучше для его характера, и что дружба требуетъ отъ него сей услуги, важной для Вильгельмова спокойствія: однакожь онъ чувствовалъ въ сердцѣ какое-то необыкновенное мучительное волненіе, которое было тем-

нымъ предвѣщанїемъ бѣдствїя. Угрызенїе совѣсти въ страстяхъ порочныхъ и кроткая надежда добродѣтели заставили насъ вѣрить предчувствїямъ. . . Нельсонъ съ неизъяснимымъ внутреннимъ безпокойствомъ приготовлялся къ отъѣзду. Намѣренїе его не удивило ни жены, ни знакомыхъ: дружба его съ Вильгельмомъ изъясняла покупку земли въ Шлезїи. Къ тому же онъ былъ нездоровъ, и Медики, совѣтующїе обыкновенно ѣхать туда, куда больному хочется, увѣряли, что Вармбрунскїя воды сдѣлаютъ ему великую пользу. Холодная, равнодушная Генрїета могла и въ Шлезїи заниматься хозяйствомъ, и болѣе ничего не требовала. Нельсонъ поѣхалъ въ Маѣ мѣсяцѣ; онъ носилъ еще по отцѣ трауръ. Вильгельма уже не было въ Шлезїи; онъ навсегда выѣхалъ изъ отечества, съ намѣренїемъ поселиться во Францїи. Нельсонъ дорогою казался задумчивымъ, безпокойнымъ; ночью прїѣхалъ въ Вармбрунъ; спалъ очень мало, всталъ на разсвѣтѣ и спѣшилъ на гору Кинастъ; всходилъ на ея вершину съ тѣмъ сердечнымъ волненїемъ, которое бываетъ слѣдствїемъ самыхъ нѣжнѣйшихъ воспоминанїй; искалъ *разрушенной аркады* — увидѣлъ ее и затрепеталъ: пламенное воображенїе пред-

ставило ему трогательную Эльмину: онъ видѣлъ красоту ея, слышалъ голосъ и *романсъ Кольмы*. . . . Нѣсколько часовъ провелъ въ какомъ-то сладостномъ, меланхолическомъ забвеніи, и съ трудомъ могъ оставить сіе мѣсто, въ намѣреніи приходить туда всякое утро. Возвратясь домой, Нельсонъ осматривалъ свое жилище и вездѣ находилъ знаки Вильгельмовой страсти къ Эльминѣ. Въ отдаленномъ углу сада почти на всѣхъ деревьяхъ было изображено имя ея. Маленькая прекрасная бесѣдка представляла храмъ *Надежды*. Это мѣсто плѣнило Нельсона. Онъ вздумалъ окружить его высокимъ палисадомъ, заклеилъ мхомъ и имя Эльмины, и подо всякимъ деревомъ велѣлъ сдѣлать канапе.

Господинъ Б*, Эльмининъ отецъ, жилъ зимою въ Гиршбергѣ, а лѣтомъ въ деревнѣ близь Варибруна и славнаго водопада, окруженнаго скалами и лѣсомъ. Нельсонъ узналъ, что дочь его не перестаетъ оплакивать родительницу и живетъ въ совершенномъ уединеніи. Всѣ съ жаромъ хвалили ея красоту, умъ, таланты; но мущины жаловались на ея гордую холодность, а женщины находили безпрестанную печаль о матери притворствомъ: вездѣ и всегда обыкновенные люди

такъ судять. Правда, что Эльмина нѣкоторымъ образомъ показывала, будто хочетъ славиться своею глубокою и нѣжною горестію: она всякое утро носила цвѣты на гробъ матери. Такіе знаки печали бываютъ въ самомъ дѣлѣ подозрительны; но въ осьмнадцать лѣтъ романическія идеи кажутся особеннымъ вдохновеніемъ чувствительности. Къ тому же умирающая мать просила Эльмину смотрѣть всегда за цвѣтникомъ, гдѣ она любила читать съ нею книги: нѣжная дочь, исполняя волю ея, вздумала посвятить ей всѣ его цвѣты. Нельсонъ узналъ это обстоятельство отъ друга Эльмины, Гжи. Сульмеръ, которая жила въ сосѣдствѣ Господина Б*. Онъ пылалъ нетерпѣніемъ встрѣтиться съ нею; но Эльмина не показывалась ни въ обществахъ, ни на гуляньяхъ. „Хочу, думалъ онъ, только одинъ разъ увидѣть ее, чтобы впечатлѣть истинный образъ ея въ моемъ сердцѣ, и навѣки удалиться!“

Въ одно утро Нельсонъ рѣшился итти ко гробу Госпожи Б*, и первые лучи солнца освѣтили передъ его глазами бѣлый мраморный обелискъ ея. Онъ приближается съ трепетомъ, осторожно и тихо. Старой слуга сидитъ въ оградѣ, къ нему спиною, подлѣ деревяннаго креста. Обелискъ осѣ-

ненъ большимъ кипарисным деревомъ; но молодой человѣкъ видитъ черное платье и флеровое покрывало, развѣваемое вѣтромъ.... Онъ идетъ, останавливается, едва можетъ дышать... Часъ, мѣсто, безмолвіе и сей невидимый предметъ, который уже столь давно занимаетъ его воображеніе и наконецъ отдѣляется отъ него только гробомъ, производятъ въ немъ страшное волненіе... Горестное предчувствіе и Религія соединяются съ разсудкомъ и съ голосомъ добродѣтели. Онъ ужасается, воображая, какое вліяніе на всю жизнь его могутъ имѣть сіи минуты... Дерзнетъ ли не уважить святилища смерти? Онъ еще только безразсуденъ, только ослѣпленъ мечтою; но шагъ далѣе, и мечта опасная обратится въ дѣйствительность, и страсть гибельная, безъ утѣшенія и надежды, будетъ адомъ чувствительнаго сердца!.. „Нѣтъ, нѣтъ! думаетъ злощастный: не хочу подвергаться такой опасности; не хочу оскорбить того, что всего на землѣ святѣе: горести, невинности и добродѣтели! Жертвую любопытствомъ, и почтительную любовь мою къ Эльминѣ докажу тѣмъ, что буду убѣгать ее!“.. Но онъ стоитъ еще неподвижно, и глаза его наполняются слезами, которыя

ослабляютъ въ немъ твердость души... Тутъ сильный порывъ вѣтра раздѣлилъ вѣтви кипариса; флеровое покрывало упало на землю.... Нельсонъ забываетъ все, летитъ къ обелиску, останавливается передъ Эльминою, трепещетъ и опирается объ дерево... Наконецъ они видятъ другъ друга — нещастные, образованные Природою для страстной любви взаимной, но разлучаемые судьбою!... Они оба смотрятъ и блѣднѣютъ.... Эльмина стояла на колѣняхъ у гроба, но, пораженная видомъ молодаго человѣка, не думала встать. Онъ казался для нее небеснымъ явленіемъ, вышедшимъ какъ будто бы изъ гроба, съ симъ милымъ, кроткимъ, выразительнымъ лицомъ, и, подобно ей, въ одеждѣ печали! Она вообразила его *Геніемъ скорби и чувствительности!* не хотѣла удалиться, и въ семъ трогательномъ, хотя и новомъ для нее предметѣ, находила что-то знакомое, близкое сердцу; видѣла прекрасные глаза его, орошенные слезами; видѣла въ нихъ глубокую меланхолію, нѣжность, смятеніе души — однимъ словомъ, всѣ собственныя чувства свои; думала: „онъ также печаленъ, также плачетъ, и молодость его увядаетъ въ горѣ!“ Сія мысль еще болѣе тронула ея чувствительность; она подняла глаза на небо, снова обратила

ихъ на Нельсона, и нѣжнымъ взоромъ своимъ говорила ему: „мы оба нещастливы, и я сердечно о тебѣ жалѣю!“... Нельсонъ, будучи внѣ себя, проливаетъ слезы; крѣпко сжавъ руки, даетъ, кажется, вѣчную клятву... но въ ту же минуту вдругъ закрываетъ лицо свое и спѣшитъ удалиться... Нещастный! теперь уже поздно!.. Онъ бѣжалъ, не зная куда, и такъ скоро, что не могъ ни разсуждать, ни думать; уже не плакалъ, не стеналъ, но сердце его терзалось... Наконецъ останавливается въ самомъ дикомъ мѣстѣ, среди голыхъ скалъ ужасной высоты. Глубокія разсѣлины образуютъ тамъ множество пещеръ, ископанныхъ рукою Природы. Никогда трава не покрывала сей безплодной земли, гдѣ расли только изсохшіе кусты и блѣдный мохъ. Голые камни и темныя впадины гротовъ представляли изумленному взору яркое сліяніе лучей солнечныхъ съ густымъ мракомъ. Натура, кажется, приготовила сіе страшное уединеніе единственно для того, чтобы оно служило послѣднимъ убѣжищемъ для отчаянныхъ; кажется, что эхо сихъ пещеръ должно повторять одно стенаніе и крикъ ночныхъ птицъ.... Нельсонъ бросается на камень, съ ужасомъ обращаясь къ собственнымъ мы-

слямъ своимъ. . . . „И такъ, думаетъ онъ, вмѣсто горести темной и мечтательной, которая своею неосновательностїю заставляла меня краснѣться, теперь имѣю дѣйствительную и вѣчную!.. Душа моя, образованная для меланхолїи, ожидала ее! . . она есть для меня наслажденїе! . . Эльмина! . . ахъ! какое слабое понятїе давали мнѣ объ ней всѣ описанїя и портретъ, воспалившїй мое воображенїе! Можетъ ли кисть представить ея взоръ и выраженїе лица? . . Глаза Эльмины встрѣтились съ моими, говорили со мною, отвѣчали мнѣ; наши слезы текли вмѣстѣ, наши сердца соединялись на минуту въ своихъ нѣжныхъ чувствахъ ... Она блѣднѣла, трепетала... И мнѣ уже не видаться съ нею? жить въ свѣтѣ безъ надежды хотя еще одинъ разъ насладиться такимъ же восторгомъ блаженства?“... Пораженный сею мыслїю, Нельсонъ въ мучительномъ изступленїи нѣсколько минутъ твердилъ одни слова: *мнѣ уже не видаться съ нею*!... Наконецъ, взглянувъ на окружающїе его предметы, сказалъ: „это мѣсто отвѣчаетъ расположенїю души моей; я буду здѣсь часто!..“

Между тѣмъ, какъ Нельсонъ терзался сильнѣйшею страстїю, Эльмина мыслила объ немъ съ какою для нее пре-

лестїю. Бѣдственная ошибка способствовала въ ней рожденїю любви. Она нетерпѣливо хотѣла узнать, кто сей молодой человѣкъ, котораго имя было ей неизвѣстно, но сердце такъ знакомо! Въ тотъ же день Госпожа Сульмеръ, другъ ея, начала говорить съ великою похвалою о молодомъ Англичанинѣ, прїѣхавшемъ къ водамъ для поправленїя своего здоровья, разстроеннаго горестїю о кончинѣ милой супруги. „Онъ носитъ еще траурь?" спросила Эльмина съ любопытствомъ. Я всякой день вижу его въ черномъ кафтанѣ, отвѣчала Гж. Сульмеръ. — „Хорошъ ли онъ лицомъ?" — Какъ Ангелъ. Ты сама знаешь его. — „По чему же?" — Онъ сказывалъ, что видѣлъ тебя нынѣшнїй день по утру на кладбищѣ. — „Правда (отвѣчала Эльмина закраснѣвшись, будучи увѣрена, что сей иностранецъ есть Нельсонъ): какъ его фамилїя?" — Фриморъ.... Тутъ Эльмина, соединивъ для себя это имя съ Нельсоновымъ лицомъ и воспоминанїемъ утренней сцены, тайно обрадовалась, что такъ скоро могла удовлетворить своему любопытству. Сей иностранецъ, чувствительный и нещастный, занималъ ее во весь день, и мысль, что онъ любилъ страстно, еще болѣе плѣнила ея воображенїе. Мущины

въ любви хотятъ новаго сердца: напротивъ того женщины скорѣе привязываются къ тѣмъ, которые уже доказали свою нѣжность; онѣ радуются опытомъ великой чувствительности и находятъ въ немъ для себя щастливую увѣренность, которая ненужна мущинамъ, и которой они не ищутъ. —

Г. Фриморъ, гуляя поутру, дѣйствительно видѣлъ Эльвину на кладбищѣ за нѣсколько минутъ до Нельсонова прихода; но она не видала его.

На другой день отдали Нельсону запечатанный пакетъ отъ Вильгельма. Онъ нашелъ въ немъ переплетенную книгу и слѣдующее письмо: „Повѣряю тебѣ, „любезный другъ, залогъ важный для „моего сердца. . . . Черезъ три мѣсяца „по смерти Госпожи Б*, когда я могъ „еще надѣяться быть щастливымъ, Госпожа Сульмеръ сказала мнѣ, что Эльмина пишетъ журналъ, единственно „посвященный памяти родительницы (*);

(*) Лѣтъ за шесть передъ симъ я писала въ одномъ изъ моихъ сочиненій, что Нѣмецкія чувствительныя дамы каждой день записываютъ свои мысли: нынѣ у всякой молодой Француженки есть *записная книга.* — *Жанлисъ.*

„что это упражненіе питаетъ ея горесть „и еще болѣе разстроиваетъ здоровье. Я „не видалъ уже Эльмины, но часто бы- „валъ у Господина Б*: однажды, въ ма- „ленькомъ кабинетѣ, подлѣ Эльмини- „ной спальни, увидѣлъ *журналъ* ея, — „тихонько взялъ его и въ ту же минуту „ушелъ. Напрасно Эльмина искала книги „своей: я не могъ рѣшиться возвратить „ее, и, къ щастью, никому не пришло „на мысль, чтобы она была унесена мною. „Сей журналъ, которымъ Эльмина пять „недѣль занималась, содержитъ въ себѣ „сорокъ-двѣ страницы, исписанныя ея „рукою: сорокъ-двѣ страницы любез- „ныхъ, трогательныхъ мыслей, которыя „излились изъ Эльминина сердца! Какое „сокровище!... Не упрекай меня кражею: „я жестоко за нее наказанъ; она увели- „чила любовь мою и въ то же время „истребила надежду!... Выѣзжая изъ „Вармбруна, не хочу взять съ собою „этой книги: знаю наизусть ея содер- „жаніе и никогда его не забуду; но мнѣ „мучительно видѣть Эльминину руку... „Ввѣряю тебѣ сей трогательный памят- „никъ нѣжности. Возврати его Эльми- „нѣ, но не прежде, какъ года черезъ „два: теперь онъ возобновилъ бы печаль „ея. — Нельсонъ! хочу, чтобы ты зналъ

„силу любви моей и горести: читай „эту книгу!“

Нельсонъ съ сердечнымъ трепетомъ развернулъ ее . . . На первой страницѣ Эльмина изобразила профиль своей матери, и написала внизу слѣдующее: „Ей „было тридцать-шесть лѣтъ! . . . Мы „никогда не разставались! . . и первая „разлука должна быть вѣчною! мысль „страшная! . . . Время только умножитъ „горесть мою: не будетъ ли она мнѣ „черезъ годъ еще нужнѣе? Чѣмъ долго„временнѣе разлука съ милымъ, тѣмъ „сильнѣе желанїе видѣть его. . . . Она „была еще такъ молода! Я надѣялась „состарѣться въ глазахъ ея и съ нею „провести безопасно бурныя лѣта моло„дости. Она отвѣчала мнѣ за будущее: „я жила спокойно. . . Теперь все трево„житъ меня. . . . Поставленная на путь „добродѣтели милою родительницею, „желаю вѣчно итти имъ; но безъ вѣр„наго путеводителя всякой новой шагъ „ужасаетъ . . . Нѣтъ, никогда не перемѣ„ню состоянїя; одинъ ея выборъ могъ „ручаться мнѣ за щастїе. Легко обма„нуть сердце неопытное; а съ нею мо„гла ли я бояться своей неосторожно„сти? . . . Судьба всего лишила меня: „неизъяснимыхъ прїятностей любви,

„милыхъ ея попеченій и благоразумныхъ „совѣтовъ. Для того, чтобы всегда быть „щастливою и достойною такой матери, „мнѣ надлежало только любить ее и вѣ„рить ей: теперь должно мнѣ пріобрѣ„сти всѣ ея добродѣтели!.. Ахъ! надъ гро„бомъ милой я оплакиваю щастіе, спокой„ствіе, а можетъ быть и доброе имя!.. „Только поведеніемъ своимъ могу чтить „ея память. *Одна* неосторожность запят„нала бы славу мою, и тогда я лишилась „бы права оплакивать ея кончину: она „не могла бы пережить моего безчестія! „Эта мысль ужасна... Обратить въ ни„что всѣ труды воспитанія, всѣ мудрые „совѣты нѣжнѣйшей матери и потерять „доброе имя, ею мнѣ оставленное — нѣтъ, „лучше умереть!... Признательность „будетъ моею наставницею: она, она не „велитъ мнѣ на себя полагаться!... „Знаю обязанности дочери, и вѣрно исполню „ихъ; въ уединеніи буду жить для моего „родителя, и такимъ образомъ могу еще „утвердить судьбу свою, которая сдѣла„лась опасною и невѣрною!"

Тутъ книга выпала изъ рукъ его. „Ангелъ добродѣтели! воскликнулъ Нель„сонъ: мнѣ оставалось только знать внутренность души твоей, и теперь знаю!".. Слезы текли ручьями изъ глазъ его. Онъ

снова взялъ книгу, читалъ, разсматривалъ почеркъ руки, вникалъ въ каждое слово, болѣе и болѣе плѣнялась умомъ и чувствительностїю Эльмины.

Черезъ двѣ недѣли послѣ того Господинъ Б* уѣхалъ, вмѣстѣ съ дочерью, на нѣсколько дней въ Гиршбергъ. Нельсонъ убѣгалъ Эльмины, но развѣдывалъ обо всемъ, что до нее касалось, и захотѣлъ, пользуясь отсутствїемъ ея, видѣть то мѣсто, гдѣ она жила. Садовникъ ввелъ его въ паркъ; тамъ увидѣлъ онъ цвѣтникъ и бесѣдку, окруженные желѣзною решеткою; садовникъ сказалъ ему, что они собственно принадлежатъ Эльминѣ, и что Госпожа Б* отмѣнно любила сїю часть парка. Нельсонъ упросилъ его отпереть дверь; но не могъ безъ угрызенїя совѣсти войти въ это мѣсто, которое освящалось памятїю милой родительницы, и куда Эльмина даже самыхъ друзей своихъ не вводила. Тамъ все представляло душѣ мысли нѣжныя и трогательныя. Ароматическїй воздухъ, которымъ дышалъ Нельсонъ, казался ему благоуханїемъ невинности; а для сердца, волнуемаго порочною страстїю, чувства и вдохновенїя добродѣтели бываютъ уже мучительны: первое наказанїе нашихъ заблужденїй есть то, что мы не можемъ тогда уди-

вляться ей безъ упрековъ совѣсти.... Разсматривая все съ великимъ вниманіемъ и любопытствомъ, онъ замѣтилъ, что въ цвѣтникѣ не было ничего, кромѣ ясминовъ и резеды. Садовникъ сказалъ ему, что Госпожа Б* любила ихъ болѣе всѣхъ другихъ цвѣтовъ, и что Эльмина украшаетъ ими гробъ ея. „Здѣсь (продолжалъ онъ, вошедши съ Нельсономъ въ бесѣдку) „здѣсь все осталось такъ, какъ было „наканунѣ болѣзни Госпожи Б*: Эльмина „не приказала ни до чего касаться. Вотъ „книги, которыя она читала вслухъ ма„тери. Вотъ кресла и пяльцы нашей „покойной Госпожи; а тутъ, подъ чер„нымъ флеромъ, лежитъ работа ея, „которой она не успѣла кончить"... Нельсонъ, съ горестію поднявъ флеръ, увидѣлъ не дошитый цвѣтокъ. „Ахъ! „рука еще молодой женщины (думалъ онъ) образовала половину этой розы; „но вдругъ, оледенѣвъ, навѣки остано„вилась, и работа часовая не могла быть „докончена!.. А мы спокойно занимаемся „великими планами для будущаго и рас„полагаемъ отдаленнымъ временемъ!" Опустивъ черное покрывало на пяльцы, Нельсонъ пересмотрѣлъ книги, лежавшія на столѣ: молитвенникъ, Йонговы Ночи, Гервеевы Размышленія. И такъ Эльмина

бываетъ здѣсь часто? спросилъ онъ у садовника. — „Каждое утро, возвратясь съ кладбища, и въ самой тотъ часъ, въ которой прихаживала сюда съ матерью.“ — Знаютъ ли, что она дѣлаетъ? — „Знаютъ: Г. Б* и мы всѣ, боясь, чтобы Эльмина отъ слезъ и рыданья не упала въ обморокъ, нѣсколько разъ у дверей подслушивали и тихонько заглядывали въ окно. Она становится на колѣни и молится; послѣ того садится на стулъ подлѣ большихъ, пустыхъ креселъ и читаетъ вслухъ, какъ бывало при матери.“ — — Тутъ Нельсонъ, тронутый до глубины сердца, спѣшилъ выйти изъ бесѣдки, сказавъ: „никто изъ смертныхъ не достоинъ входить въ это святилище добродѣтели.“ — Возвратясь домой, онъ призвалъ работниковъ и велѣлъ сдѣлать въ саду своемъ цвѣтникъ, подобный Эльминину; насѣялъ въ немъ ясминовъ и резеды; убралъ бесѣдку свою такъ же, и чтобы сходство было совершенно, то поставилъ въ ней пальцы съ *недошитою розою*, закрытою чернымъ флеромъ. Не нужно сказывать, что въ сїю часть сада, окруженную высокимъ заборомъ, никто не могъ входить, кромѣ хозяина; онъ запиралъ дверь и хранилъ у себя ключь. Генрїета не была ни подозрительна, ни любопытна; сверхъ

того, издавна привыкнувъ къ Нельсоновымъ странностямъ, она даже и не замѣтила сей новой.

Между тѣмъ Эльмина возвратилась изъ Гиршберга. Мнимый Фриморъ не выходилъ изъ ея мыслей. Она желала съ нимъ встрѣтиться; но сей молодой человѣкъ не былъ знакомъ съ Госпожею Сульмеръ и не любилъ общества. Вошедши въ свою бесѣдку, Эльмина примѣтила, что флеръ на пальцахъ немного изнятъ, и что на темной матерїи видны слѣды пудры (которая ссыпалась съ Нельсоновыхъ волосовъ). Приступивъ къ садовнику, она заставила его наконецъ признаться, что онъ, по неотступной прозьбѣ, вводилъ туда молодаго, прекраснаго лицомъ иностранца, не хотѣвшаго сказать своего имени. Ему сдѣлали выговоръ, но легкой и не грубой; а послѣ разспрашивали его очень долго и съ великимъ любопытствомъ. Такое открытїе было весьма важно для Эльмины. Она могла справедливо заключить, что иностранецъ имѣлъ къ ней особенное вниманїе, и что сердце его нѣкоторымъ образомъ отвѣтствуетъ ея сердцу. Считая сего любезнаго меланхолика Гм. Фриморомъ, Эльмина вообразила, что онъ, оплакивая супругу, упрекаетъ себя новою склонностїю къ другой женщинѣ —

„можетъ быть, у него есть дѣти; можетъ быть, онъ поклялся не входить въ новое обязательство!...“ Сія мысль нѣсколько тревожила Эльмину; но она думала: *Фриморъ свободенъ*! великое утѣшеніе для женщины, когда она почитаетъ себя любимою!

Ввечеру Эльмина пошла гулять, уже не въ темный лѣсъ, не въ пустыню, но прямо на Вармбрунскую дорогу; она плакала уже не такъ горько; не углублялась въ печальныя размышленія, а только пріятнымъ образомъ задумывалась.... Вдругъ сердце ея затрепетало: на лѣвой сторонѣ дороги молодой человѣкъ, въ черномъ кафтанѣ, сходитъ съ лошади и цѣлуетъ прекрасную дѣвочку, которая играла на лугу. Это былъ Нельсонъ съ Коралїею. Няня, Англичанка, сидѣла подъ деревомъ. Нельсонъ громко сказалъ ей по-Англїйски, чтобы она шла съ Коралїею домой; сѣлъ на лошадь и поѣхалъ шагомъ на встрѣчу къ Эльминѣ, въ глубокой задумчивости смотря въ землю; наконецъ взглянувъ, видитъ въ десяти шагахъ отъ себя Эльмину, и по невольному движенїю останавливаетъ лошадь свою. Эльмина трепещетъ, блѣднѣетъ, не можетъ итти и готова упасть. Старикъ слуга, шедшїй за нею, испугался и

бросился къ ней, закричавъ: „Боже мой! что съ вами дѣлается?“... Она закраснѣлась, оперлась на слугу, поклонилась Нельсону, прошла мимо его, и черезъ минуту оглянулась назадъ: молодой человѣкъ удалялся и прытко скакалъ по дорогѣ.... Эльмина, вздохнувъ, идетъ къ лугу, гдѣ Коралїя рвала цвѣты; увидѣвъ ее, она бѣжитъ къ ней на встрѣчу. Эльмина съ нѣжностїю цѣлуетъ ее, и, сѣвъ на травѣ, беретъ къ себѣ на колѣни, чтобы лучше разсматривать ея прекрасное лицо, которое изображало всѣ черты Нельсонова. Любезной младенецъ ласкаетъ ее, говоритъ о цвѣтахъ, и вдругъ, начавъ играть ея волосами, проситъ ихъ для своего браслета. Эльмина, ни мало не задумавшись, вынимаетъ изъ кармана ножницы, отрѣзываетъ у себя нѣсколько волосъ и съ улыбкою подаетъ Коралїи; но рука ея дрожитъ и сердце бьется... Въ сїю минуту няня говоритъ, что имъ пора итти домой, и любезная малютка, прощаясь съ ласковою незнакомкою, твердитъ: *приходите завтра; вы очень милы!*

Эльмина возвращалась домой въ глубокой задумчивости, которая однакожь не мѣшала ей смотрѣть, не ѣдетъ ли кто нибудь верхомъ по дорогѣ!... Вспомнивъ о Коралїи и волосахъ, ей данныхъ,

она думаетъ: „Незнакомецъ *убѣгаетъ меня*: какая же неосторожность съ моей стороны! Ахъ! естьли бы матушка была жива, я не могла бы поступить такъ безразсудно!“... Слезы покатились изъ глазъ ея. Она рѣшилась никогда уже не ходить на Вармбрунскую дорогу.

Могъ ли Нельсонъ безъ сильнаго сердечнаго движенія слышать, какъ Эльмина ласкала Коралію? Онъ взялъ ея прекрасные волосы, говоря, что велитъ сдѣлать изъ нихъ браслетъ для дочери, но между тѣмъ отнесъ ихъ въ свою любимую бесѣдку и положилъ за стекло. Взоры и замѣшательство Эльмины давали ему и прежде чувствовать, что онъ могъ бы надѣяться на взаимную любовь, естьли бы не былъ женатъ: даръ волосовъ, *черезъ другія руки*, еще болѣе утвердилъ его въ сей мысли, которая сперва произвела въ немъ живѣйшее удовольствіе, но обратилась въ ядъ для сердца, какъ скоро онъ вообразилъ слѣдствія. Жестокое угрызеніе совѣсти разрушило всю прелесть нѣжныхъ мечтаній его.

На другой день Госпожа Сульмеръ, другъ и сосѣдка Эльмины, пригласила къ себѣ Геврієту: Нельсонъ остался дома, боясь приближиться къ той, отъ которой ему по закону чести и совѣсти надлежало удаляться.... Но ввечеру пере-

мѣнилъ свои мысли, думая, что Эльмина при гостяхъ никогда не бываетъ у своего друга; и сверхъ того рѣшился днемъ гулять только въ саду. Успокоивъ себя такимъ *великодушнымъ* намѣреніемъ, онъ сѣлъ на лошадь и пріѣхалъ къ Госпожѣ Сульмеръ въ самый ужинъ. Ея домъ отдѣлялся отъ Эльминина густою каштановою рощею, гдѣ большой ручей, падая съ высокой скалы, образовалъ чистой прудъ. На берегу его сдѣлано было деровое канапе и называлось *Эльмининымъ*, ибо она всякой вечеръ, послѣ ужина, любила сидѣть на немъ подъ шумомъ каскада.

Въ одиннадцатомъ часу всѣ гости Госпожи Сульмеръ разошлись по своимъ комнатамъ. Нельсонъ остался на свободѣ. Ночь была тепла и прекрасна. Онъ вышелъ въ садъ; ходилъ по алеямъ въ великомъ волненіи, и стремился душею къ каштановому лѣсу, думая: „естьли она тамъ, я могу спрятаться; не все ли одно быть здѣсь или ближе къ ней?“... Сія мысль рѣшила его. Онъ летѣлъ изъ саду въ лѣсъ; вошедши въ него, идетъ осторожно — останавливается и слышитъ только одинъ шумъ водопада; приближается къ нему и боится всякаго шороха, желая искренно, чтобы Эльмина

не видала его: ибо въ противномъ случаѣ ему надлежало бы удалиться! . . Надобно подойти къ дерновому канапе: какъ долгъ кажется ему сей путь! Нельсонъ обходитъ вокругъ пруда, скрываясь въ тѣни; наконецъ видитъ цѣль свою — и бросается на траву въ усталости. . . Слушая съ великимъ вниманіемъ, увѣряется, что канапе пусто; встаетъ, подходитъ къ нему ближе и тихонько раздѣляетъ гибкія вѣтьви сиренги, чтобы одни листья скрывали отъ него Эльмину. . . трогаетъ репетицію часовъ своихъ: бьетъ одиннадцать, и Нельсонъ говоритъ со вздохомъ: „она не будетъ!“ ... Въ самую ту минуту кто-то идетъ.... Онъ стоитъ неподвижно и не смѣетъ дышать . . . Шорохъ приближается — и молодой человѣкъ съ восторгомъ слышитъ легкій шумъ тафтянаго платья: это Эльмина! . . Она садится на канапе и говоритъ . . . . Нельсонъ въ первый разъ слышитъ милый голосъ ея. ... „Лудвигъ! сказала Эльмина: сядь тамъ въ алеѣ, и черезъ часъ напомни мнѣ, что время итти домой.“ Слуга удалился.' Нельсонъ, все еще неподвижный, прижавшись лицомъ къ листьямъ, хочетъ *слышать* Эльминины *мысли*. . . Она вздыхаетъ, плачетъ, и слезы его также льются. Желая раздѣ-

лять съ нею всѣ чувства, онъ воспоминаетъ потерю отца, и такимъ образомъ соединяетъ муку нещастной любви съ горестїю сыновней нѣжности. . . . Уже совѣсть не терзаетъ его: будучи подлѣ Эльмины, Нельсонъ очарованъ прелестїю невинности; сердце бьется тише; сладкое умиленїе мало по малу заступаетъ въ немъ мѣсто сильнаго волненїя страсти; всѣ мысли его непорочны; не думая о будущемъ, онъ всею душею прилѣпляется къ сей минутѣ блаженства. . . . Ночь тиха. Натура безмолвствуетъ подъ таинственною завѣсою мрака. Одинъ шумъ водопада, столь благопрїятный для милой задумчивости и кроткой меланхолїи, оживляетъ мертвое уединенїе.

Нельсонъ съ того времени, какъ узналъ, что Эльмина любитъ ясмины и резеду, всякой день носилъ букетъ изъ сихъ цвѣтовъ: она почувствовала ихъ запахъ, черезъ нѣсколько минутъ кликнула Лудвига и велѣла ему посмотрѣть за деревьями, нѣтъ ли тамъ горшковъ съ цвѣтами (думая, что Госпожа Сульмеръ могла, нарочно для нее, поставить ихъ близь канапе)... Нельсонъ спѣшитъ уйти, оставивъ на травѣ букетъ свой. Эльмина, испуганная шумомъ деревьевъ и восклицанїемъ Лудвига, встаетъ, оборачивает-

ся къ водопаду и видитъ, при свѣтѣ луны, бѣгущаго Нельсона; тѣнь его, мелькая по гладкой поверхности тихаго пруда, скоро исчезаетъ. Слуга возвратясь говоритъ ей, что за деревомъ сидѣлъ человѣкъ, которой скрылся какъ молнія и на бѣгу уронилъ букетъ ясминовъ. „Подай его!“ отвѣчаетъ Эльмина дрожащимъ голосомъ; беретъ, и видитъ, что цвѣты орошены слезами. Она кладетъ ихъ подъ свою косынку, идетъ домой, бросается на кресла, и смотритъ на букетъ Нельсоновъ съ душевнымъ умиленіемъ, думая: „Слезы его, милыя и трогательныя, высохли на моемъ сердцѣ!.. Ахъ! цвѣты, посвящаемые мною горести и могилѣ, служатъ для меня первымъ залогомъ любви! Ужасное предзнаменованіе!.. Онъ безъ сомнѣнія любитъ меня, но упрекаетъ себя склонностію, которая сдѣлалась дозволенною отъ потери его, и которая сражается въ немъ съ печалію — такъ какъ и въ моемъ сердцѣ! Дерзну ли вдругъ отказаться отъ своего намѣренія? Можетъ быть, судьба противится исполненію тайныхъ моихъ желаній... Съ самаго начала жизни какая-то неизъяснимая меланхолія готовила меня къ нещастію; я предчувствовала его, еще не видя и не боясь никакихъ бѣдствій!...

Осмѣливаюсь, безъ нѣжной матери, выбрать предметъ для сердца, и тотъ, кого люблю, убѣгаетъ меня! . . . Нѣтъ, я не сотворена для щастья!..Ахъ! безъ симпатїи горести любовь не побѣдила бы во мнѣ разсудка! Онъ плѣнилъ меня единственно образомъ печали; страдалъ, плакалъ вмѣстѣ со мною, и сердца наши разумѣли другъ друга. По крайней мѣрѣ во всякомъ случаѣ, и въ самомъ ужасномъ, невинность любви моей будетъ ея утѣшенїемъ!"

(Окончанїе въ слѣдующемъ нумерѣ.)

III.

О Госпожѣ Бонапарте.

Госпожа Жозефина Бонапарте есть Американка и родилась на островѣ Мартиникѣ, гдѣ мать ея живетъ еще и нынѣ. Отецъ ея былъ весьма богатый колонистъ, и любилъ дочь свою до слабости. Она родилась не прекрасною, но милою и веселою, склонною къ надменности, къ насмѣшкамъ, но за то нѣжною и чувствительною. Разсказываютъ, что Консулъ шутилъ однажды надъ слезливостїю Парижскихъ дамъ, которыя плакали и

рыдали въ театрѣ отъ Драмы Господина Коцебу: *Ненависти къ людямъ и раскаянія.* Госпожа Бонапарте отвѣчала ему съ жаромъ: „Вы, мущины, не понимаете „мягкости женскихъ сердецъ, и для того „смѣетесь надъ нею; но я благодарю Небо, „что родилась женщиною, и не отдамъ „своей чувствительности за всю славу „вашу.“ Любя страстно блестящія веселья, музыку, танцованье, наряды, спектакли, она пылала желаніемъ видѣть Францію и Парижъ, гдѣ скоро забыла отчизну свою. Графъ Богарне, пріятной молодой человѣкъ, нашелъ способъ плѣнить ея сердце и женился на ней. Они жили щастливо и любили другъ друга, хотя сія любовь не мѣшала одному заниматься Политикою, а другой искусствомъ нравиться въ свѣтѣ. Сдѣлалась Революція. Графъ Богарне отличилъ себя жаркою любовію къ свободѣ въ первомъ Народномъ Собраніи; въ 1795 году командовалъ арміею на границахъ Германіи, былъ разбитъ и казненъ при Роберспьерѣ. Жена, а еще болѣе дочь его, искренно проливала слезы; однакожь разсѣяніе, женское легкомысліе, необходимость думать о собственной безопасности и желаніе сохранить большое имѣніе, скоро облегчили горесть вдовы. Она чувствовала, что одна дружба

сильныхъ тогда людей можетъ спасти ее, и вошла въ связь съ Баррасомъ, человѣкомъ пріятнымъ, вѣтренымъ, но умнымъ и рѣшительнымъ. Госпожа Богарне жила въ его загородномъ домѣ, пышно и роскошно. Въ домѣ ея собирались всѣ лучшіе люди, и Бонапарте былъ введенъ въ сей блестящій кругъ своимъ милостивцемъ и покровителемъ Баррасомъ. Тогда онъ казался мрачнымъ и застѣнчивымъ; однакожь Госпожа Богарне примѣтила въ немъ умъ необыкновенный и великій характеръ. Говорятъ, что сперва дочь плѣняла его болѣе матери; но черезъ нѣсколько времени послѣдняя хитрымъ кокетствомъ своимъ одержала побѣду. Торжество ея состояло въ томъ, что Бонапарте сдѣлался привѣтливъ, говорливъ и веселъ; выучился даже играть въ карты и танцовать. Она вывела его въ чины, и наконецъ, съ согласія Барраса, отдала ему сердце и руку. Домъ ея былъ по-прежнему храмомъ веселья; и когда Бонапарте завоевалъ Италію, она спѣшила къ нему въ Миланъ съ вѣнкомъ лавровымъ. Въ семъ случаѣ нѣкоторые замѣтили въ ней излишнюю спесь и надменность. Въ отсутствіе супруга, бывшаго въ Египтѣ, Госпожа Бонапарте купила Мальмезонъ, гдѣ судьба ея, по возвращеніи Героя,

столь чудесно перемѣнилась, и куда уже не смѣлъ показаться бѣдный Баррасъ, нѣкогда другъ ея сердца и покровитель Наполеона Бонапарте.

(*Изъ Нѣм. Журн.*)

IV.

Остроумное замѣчаніе одного иностранца въ Петербургѣ.

Въ прошедшую холодную зиму пріѣхалъ въ Петербургъ одинъ ученый, любопытный путешественникъ, увидѣлъ передъ Дворцомъ и театромъ большія печи, гдѣ грѣются кучера, и немедленно записалъ въ Журналѣ своемъ: „Холодъ здѣсь такъ „великъ, что жители, посредствомъ печей, „*топятъ* даже *улицы* и *площади*. Однакожь „я не замѣтилъ, чтобы сіи печи нагрѣ„вали воздухъ, и мысль *топить улицы* „кажется мнѣ смѣшною!!“

V.

Новыя письма Жанъ-Жака Руссо.

Скоро выдетъ въ Парижѣ четыре тома переписки славнаго Руссо съ Госпожею Франквиль и Господиномъ Дюперу. Друзья и недруги сего великаго Философа ожидаютъ ее съ нетерпѣнїемъ: первые хотятъ найти въ ней новыя причины удивляться ему, или жалѣть объ немъ, а вторые новый предлогъ оскорблять его память. Самая *исторїя* сей переписки любопытна. Въ то время, какъ *Новая Элоиза* наиболѣе плѣняла воображенїе и сердце женщинъ, двѣ изъ нихъ (Госпожа Франквиль и Соларъ) вздумали писать къ Жанъ-Жаку: одна подъ именемъ *Юлїи*, а другая подъ именемъ Клеры. Слогъ живой и прїятной, мысли остроумныя и знаки чувствительности возбудили любопытство Философа, жившаго тогда въ Монморанси: онъ рѣшился отвѣчать имъ, и письмо слѣдовало за письмомъ. Но скоро Руссо вошелъ въ подозрѣнїе, что подъ именемъ Юлїи и Клеры скрываются мущины, которые хотятъ его дурачить. „Надобно признаться, государи мои или государыни (говоритъ онъ въ одномъ письмѣ), что „вамъ совершенно удалось сдѣлать меня

„шутомъ... Естьли Юлїя женщина, то „она Ангелъ и достойна обожанїя; а „естьли мущина, то онъ уменъ; но умъ „подобенъ власти: излишность раждаетъ „злоупотребленїя.“ — Въ другой разъ онъ пишетъ къ Госпожѣ Франквиль: „Нѣтъ, Юлїя была не такова! . . Вы „очень умны, сударыня, и любите пока- „зывать умъ свой; вамъ хочется толь- „ко писемъ моихъ. Вы женщина — бо- „лѣе, нежели я думалъ!“ — Госпожа Соларъ разсердилась за его грубости и перестала писать къ нему; но *Юлїя* была терпѣливѣе и сносила великодушно самую брань Жанъ-Жака, который наконецъ счелъ ее коварнымъ орудїемъ его непрїятелей. Сїя переписка состоитъ изо 158 писемъ: восемь писаны Госпожею Соларъ, 94 Юлїею, а прочїя Жан-Жакомъ. „Въ *тридцати-четырехъ* письмахъ „вашихъ (говоритъ ему Госпожа Франк- „виль) вы лежите у ногъ моихъ, въ „*семи* не хотите на меня смотрѣть, въ „*осьми* изъявляете холодную учтивость, „а въ *шести* какъ другъ предаетесь сер- „дечной искренности.“ Трудно писать умнѣе, прїятнѣе, любезнѣе Госпожи Франквиль. Во всѣхъ письмахъ своихъ она говоритъ почти только о здоровьѣ и молчанїи Руссо, но всякое изъ нихъ

имѣетъ особенный свой характеръ. „Я „хотѣлъ бы писать къ вамъ чаще (го„воритъ ей Жанъ-Жакъ): но тогда ли„шился бы удовольствія видѣть, съ „какимъ остроумнымъ разнообразіемъ пріятныхъ выраженій вы жалуетесь на рѣдкость писемъ моихъ, такъ, что ваши „никогда одно съ другимъ не сходны!„

Сообщаемъ два примѣра. — „Письмо „мое (говоритъ она Жанъ-Жаку отъ „31 Марта 1764) не должно разсердить „васъ, любезный другъ: оно есть дѣйствіе не *власти*, а *свободы*. Вы пишете ко „мнѣ, когда хотите: для чего же не писать „и мнѣ, когда хочу? Сравненіемъ особенныхъ выгодъ своихъ рѣшимъ, могу ли „безъ преступленія желать равенства въ „дружеской связи нашей. Выгоды, которыя общество даетъ моему полу, служатъ замѣною тѣхъ, которыя Натура „даетъ вашему: и такъ оставимъ ихъ. „У васъ Геній, рѣдкій, удивительный: „у меня — сердце, простое и доброе. Вы „видите истину разумомъ: я нахожу „ее чувствомъ. Ваша благодѣтельность, „неистощимая въ способахъ, можетъ все, „чего хочетъ: моя же, неистощимая въ „желаніяхъ, хочетъ всего, что можетъ. „Вы наслаждаетесь справедливою славою: „мое достоинство состоитъ въ томъ,

„чтобы не имѣть славы, и я никакой „не имѣю. Вы достойны монумента: я „достойна соорудить его вамъ. Вы могли „бы править вселенною, утвердивъ на„вѣки законы разума: я могла бы сдѣлать „щастливымъ хорошаго человѣка. Вашъ „умъ обнимаетъ все важное: я умѣю цѣ„нить васъ. Фортуна въ слѣпотѣ своей „дала вамъ не такой жребій, на которой „вы имѣли бы право: я безъ ослѣпленія „наслаждалась ея дарами и лишилась ихъ „безъ сожалѣнія. Вы чувствительнѣе „всѣхъ мущинъ: я, не превосходя, можетъ „быть, чувствительностію всѣхъ дру„гихъ женщинъ, по крайней мѣрѣ васъ „нѣжнѣе. Вы не презрѣли жертвы моей: „я принесла ее безъ гордости. Вы любите „во мнѣ себя: я люблю въ васъ только „васъ, и мы оба справедливы. Правда, „что вы меня старѣе; но какъ вѣкъ „нашъ есть время красоты, то мущина „въ 50 лѣтъ равенъ съ женщиною трид„цатилѣтнею. Мнѣ кажется, славный „другъ мой, что каждый изъ насъ въ „своихъ отношеніяхъ имѣетъ равное „право на уваженіе честныхъ людей . . . „И такъ пишу къ вамъ, когда мнѣ хо„чется, не опредѣляя времени для ва„шего отвѣта.“ — Второе письмо отъ 25 Февр. 1765: „Сердечно благодарю васъ,

„любезный Жанъ-Жакъ, за то, что вы, „не смотря на ваши огорченія, вздумали „увѣрить меня въ непремѣнной дружбѣ „своей. Но что для васъ зло, то не мо„жетъ быть для меня удовольствіемъ; „и я не хотѣла бы, чтобы вы такимъ „образомъ заслуживали мою благодар„ность. — Давно уже молчаніе стоитъ мнѣ „дорого; и когда вы наконецъ считаете „меня другомъ своимъ, то буду говорить „искренно. . . Уважаю слабость вашу, „любезный Жанъ-Жакъ, но внутренно „удивляюсь ей. Не надлежало ли вамъ „готовить душу свою къ терпѣнію, ко„гда вы посвятили перо свое истинѣ? „Зная, кажется, такъ хорошо людей, „какъ могли думать, чтобы они не „возненавидѣли человѣка, осуждающаго „ихъ нравы своею жизнію, и разящаго „предразсудки своими твореніями? Путь, „вами избранный, ведетъ не къ спокой„ствію, а къ славѣ; — вы это знали — „и рѣшительно, смѣло ступивъ на ея „высочайшую степень, уже ли не нахо„дите въ себѣ нужной твердости, чтобы „великодушно сносить ея бѣдствія? Ко„гда Авторъ *Эмиля* чистъ совѣстію пе„редъ Богомъ, то можетъ ли онъ робѣть „своихъ непріятелей? Не вамъ, а толь„ко любящимъ васъ, — только мнѣ поз-

„волено жаловаться на злобу вашихъ го-
„нителей: моя чувствительность не
„имѣетъ защиты, а ваша должна быть
„тверда и невредима подъ Эгидою вели-
„кихъ истинъ, открытыхъ вамъ Небомъ
„и Генїемъ. Мнѣ не стыдно признаться,
„что судьба моего друга раздражаетъ
„меня противъ его ревности и любви къ
„истинѣ: мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы
„имѣли болѣе спокойствїя въ жизни и
„менѣе славы въ свѣтѣ. Знаете, что
„я люблю васъ и плѣняюсь вашими та-
„лантами; однакожь, не смотря на то,
„нахожу, что вы сами причиною зла,
„которое терпите отъ жестокости людей.
„Новыя творенїя ваши столько ли благо-
„дѣтельны для щастїя другихъ, сколько
„они пагубны для вашего? *Эмиль* пере-
„мѣнилъ не свѣтъ, а только судьбу Ав-
„тора. Ясность, которою вы озаряете
„понятїя, донынѣ темныя, болѣе ослѣп-
„ляетъ, нежели просвѣщаетъ людей обык-
„новенныхъ. Правда, что нѣкоторыя доб-
„рыя сердца воспользуются сѣменами доб-
„родѣтели, щедрою рукою разсыпанными
„въ семъ важномъ творенїи; но можно ли
„сравнить эту пользу съ угнетенїемъ
„человѣка великодушнаго, и съ правомъ,
„даннымъ теперь всякому, быть клевет-
„никомъ его? . . . Сохрани меня Богъ,

„чтобы я такими мыслями хотѣла от-„нять у васъ внутреннее утѣшенїе, „единственное и великое! Вы сдѣлались „бы истинно нещастнымъ, ежели бы „могли усомниться въ справедливости и „силѣ причинъ, заставившихъ васъ объ-„явить войну обыкновеннымъ мнѣнїямъ и „предразсудкамъ; теперь вамъ остается „только или совершенно пожертвовать „самолюбїемъ или продолжать сїю войну. „Одно страданїе моего сердца, къ вамъ „привязаннаго, заставляетъ меня осуж-„дать авторскую откровенность моего „друга. Жалѣю, что отечество (*) столь „неблагодарно противъ своего знамениита-„го гражданина; а еще болѣе жалѣю, „что вы принуждены были открыть „всей Европѣ тиранство его чиновниковъ, „хваливъ прежде ихъ добродѣтель, и ска-„завъ, что *надобно молчать и гнушаться „Хамовымъ преступленїемъ.* Простите, „любезный Жанъ-Жакъ. Не думаю, что-„бы вы могли огорчиться моею искрен-„ностїю; а естьли можете, то хорошо „по крайней мѣрѣ узнать это во-время."

На сїе дружеское, трогательное, нѣжное письмо Руссо отвѣчалъ ей слѣ-дующимъ:

(*) Женевская Республика.

„*Мотье*, 10 *Марта* 1765. Я читалъ „ваше письмо съ великимъ вниманіемъ, „соображалъ всѣ обстоятельства, всѣ „идеи; это было важнымъ дѣломъ для „моего сердца. — Вы льстили мнѣ во вре„мя моего благополучія, и сдѣлались „искреннею во время бѣдствій моихъ: „нещастіе для чего нибудь полезно. — Я „безъ сомнѣнія люблю истину; но есть„ли бы, къ нещастію, случилось мнѣ ви„дѣть друга въ состояніи подобномъ мо„ему, и естьли бы не льзя было сказать „ему никакой утѣшительной истины, „то я солгалъ бы съ радостію. — Всегда „можно осуждать друга, когда онъ ка„жется виноватымъ; но естьли избираешь „для сей искренности минуту его неща„стія, то надобно прежде совершенно „увѣриться въ винѣ его. — Говоря, что „надобно молчать и гнушаться престу„пленіемъ Хамовымъ, я былъ граждани„номъ Женевскимъ: теперь могу сказать „истину тѣмъ, которые лишили меня сего „достоинства. — Я молчалъ, когда дѣло „единственно до меня касалось; но быва„ютъ случаи, въ которыхъ должно гово„рить. Загляните въ предисловіе книги „моей. . . . Прости, Маріанна. (*) *Руссо.*“ —

(*) Письмо Госпожи Франквиль очень умно, но въ самомъ дѣлѣ могло и должно было

Съ сей минуты онъ не писалъ къ ней уже ни строки, давъ себѣ вѣрное слово забыть ее.

(*Изъ Фр. Жур.*)

VI.

Скромное благодѣяніе.

Письмо къ Издателю Вѣстника изъ Кіева.

Бывъ въ хорошемъ состояніи, но вдругъ разными и чудными обстоятельствами довершенный до крайности, въ 1800 году я съ семействомъ своимъ находился въ С. Петербургѣ. Заимодавцы угнетали меня, а всѣхъ болѣе прежній мой Интендантъ, нѣкогда бѣдный, а послѣ разбогатѣвшій. Ни слезы жены моей, ни плачь шестерыхъ дѣтей не могли его тронуть, хотя онъ лучше другихъ зналъ жалкое наше

оскорбить Руссо въ его положеніи. Истинной другъ захочетъ ли блистать умомъ, когда надобно утѣшить друга? Признаюсь, что отвѣтъ Жанъ-Жака нравится мнѣ гораздо болѣе: тамъ красивыя фразы, а здѣсь языкъ огорченной великой, нѣжной и чувствительной души. — К.

положенїе и причину его. Мнѣ надобно было или заплатить 3000 рублей или итти въ тюрьму; первое казалось невозможнымъ, а второе необходимымъ. Уже я прощался съ моимъ отчаяннымъ семействомъ . . . . но вдругъ является молодой человѣкъ, сказывается слугою одного изъ моихъ знакомыхъ, вручаетъ мнѣ большой пакетъ, и пользуясь моимъ замѣшательствомъ, уходитъ. Съ несказаннымъ изумленїемъ нашелъ я въ пакетѣ 3000 рублей и слѣдующую записку: Je n'ignore pas les triſtes évenemens qui vous ont réduit à la pauvreté. Votre ſituation actuelle me touche; elle doit toucher tous. Heureux, ſi le peut ſervice que je viens de vous rendre, peut l'améliorer! Agréez la ſomme ci-jointe; elle ne me dérange pas. Ne me pourſuivez pas de votre reconnoiſſance; la tranquillité de votre famille en ſera le temoignage. Soyez heureux, ſi l'on peut l'être ici; mais plus heureux que moi! C. K. Ce 13 Mars 1800, Petersbourg. („Знаю горестные „случаи, которые довели васъ до бѣдности. „Ваше состоянїе меня трогаетъ; оно должно тронуть всякаго. Щастливъ буду, „естьли неважная услуга моя можетъ „его поправить. Вотъ деньги; эта сумма „не разстроиваетъ меня. Не хочу другой „благодарности, кромѣ спокойствия вашего „семейства. Будьте щастливы, естьли

„можно; по крайней мѣрѣ щастливѣе „меня! К. К. 13 Марта 1800, Петер-„бургъ.“) Благородный и скромный видъ вручителя посылки, замѣшательство и чувствительность, написанныя на его лицѣ, увѣрили меня, что онъ былъ не слуга. Напрасно я бѣгалъ по улицамъ, желая съ нимъ встрѣтиться; но, проходя однажды мимо Вахтпараднаго мѣста, увидѣлъ его въ Гусарскомъ мундирѣ (съ иностранною лентою черезъ плечо), и слѣдуя движенію сердца, хотѣлъ броситься къ нему на шею; но онъ, примѣтивъ меня, спѣшилъ уйти въ зимній Дворецъ. Мнѣ не удалось видѣть его въ другой разъ; только я узналъ наконецъ, что онъ былъ дѣйствительно мой благодѣтель, и что, имѣя состояніе очень посредственное, самъ занялъ эту сумму у Господина Полковника Ф. М. Р. Скоро сей великодушной человѣкъ сдѣлался нещастливъ и нѣсколько времени, въ царствованіе покойнаго Императора, содержался въ Нарвской крѣпости; наконецъ, оправдавшись, получилъ свободу и вступилъ въ Гусарской Полкъ Графа Зубова *третьяго* Полковникомъ. Наслаждаясь теперь удовольствіемъ видѣть семейство мое щастливымъ, я сердечно желаю изъявить ему торжественно мною благодар-

ность, и прошу васъ, М. Г. мой, напечатать это письмо въ Вѣстникѣ Европы. Да проститъ благотворитель мой, что оскорбляю милую ему скромность, обьявляя почтенное имя его: онъ есть Минской Губерніи Дворянинъ, Баронъ Кипріанъ Крецъ. Не знаю, гдѣ теперь находится; но Небо да ниспошлетъ ему всѣ благіе дары Свои! Ежели онъ нещастливъ, то видно, что въ здѣшнемъ свѣтѣ нѣтъ щастія для добрыхъ! — Имѣю честь, и проч.

И. Н.

VII.

Извѣстіе о Марѳѣ Посадницѣ, взятое изъ Житія Св. Зосимы

Женщины во всѣ времена и во всѣхъ земляхъ жили болѣе для семейственнаго щастія, нежели для славы: мудрено ли, что ихъ имена рѣдки въ Исторіи? Чѣмъ ближе народъ къ простотѣ естественной, тѣмъ менѣе вліянія имѣютъ онѣ на политическую судьбу его. Не одно воспитаніе опредѣляетъ скромную жизнь ихъ: сама Природа хотѣла того, давъ имъ нѣжное сердце, чувствительныя нервы,

робость, стыдливость и болѣзни. Мы видимъ цѣль ея: кому нибудь надлежало поручить воспитанїе и храненїе младенцевъ. Однакожь Природа любитъ иногда чрезвычайности, отходитъ отъ своего обыкновеннаго закона и даетъ женщинамъ характеры, которые выводятъ ихъ изъ домашней неизвѣстности на сцену народную, не только въ странахъ просвѣщенныхъ, гдѣ Искусство во многомъ измѣняетъ Натуру, но и въ самомъ почти дикомъ состоянїи людей. Такимъ образомъ и *старая Русь* являетъ намъ примѣры нѣкоторыхъ славныхъ женщинъ — весьма не многихъ, но по тому еще болѣе достойныхъ вниманїя нашего.

И безъ сказки, напечатанной въ *Вѣстникѣ Европы*, всѣ мы знали, что Марѳа Посадница была чрезвычайная, рѣдкая женщина, умѣвъ присвоить себѣ власть надъ гражданами въ такой Республикѣ, гдѣ женщинъ только любили, а не слушались. Естьли бы современные лѣтописцы разумѣли, что такое Исторїя, и что важно въ ней для потомства, то они конечно постарались бы собрать для насъ всѣ возможныя извѣстїя о Марѳѣ; но не ихъ дѣло было цѣнить характеры. Въ сказкахъ, въ пѣсняхъ и въ преданїяхъ осталось болѣе слѣдовъ ея, нежели

въ лѣтописяхъ. Тѣмъ любопытнѣе показалось намъ въ Житіи Св. Зосимы слѣдующее извѣстіе о Посадницѣ, которое выписываемъ здѣсь для Читателей *Вѣстника*:

Обширныя владѣнія Новогородскія простирались на сѣверъ до рѣки Двины и Бѣлаго моря. Бояре и Вельможи сей Республики имѣли знатныя помѣстья въ нынѣшней Архангельской Губерніи. Люди ихъ часто бывали, для рыбной ловли, на островѣ Соловецкомъ, и наглымъ образомъ оскорбляли монаховъ тамошней новой обители. Зосима, начальникъ ея, пріѣхалъ въ Новгородъ и требовалъ защиты отъ Ѳеофила. Отвѣтъ сего Архіепископа достоинъ примѣчанія, изъявляя великое уваженіе Духовныхъ Властей къ тогдашнему Новогородскому Правительству: „я готовъ помогать монастырю твоему, но не могу ничего сдѣлать безъ воли Бояръ *начальныхъ*“ — и святый мужъ, безъ сомнѣнія узнавъ о могуществѣ Мареы, *великой Болярыни града*, просилъ ея заступленія. Она имѣла деревни въ *землѣ Корельской*: рабы ея, вмѣстѣ съ другими часто обижавъ Соловецкихъ монаховъ и боясь допустить Зосиму къ строгой госпожѣ своей, оклеветали его передъ нею, такъ, что Мареа велѣла выгнать старца изъ дому: черша,

которая не доказываетъ отмѣннаго ея Христїянскаго благочестїя. Но Бояре Новогородскїе обошлись съ нимъ ласковѣе, выслушали его справедливыя жалобы, обѣщали покровительство Соловецкой обители и вывели Марѳу изъ заблужденїя на счетъ характера Св. Зосимы. Сїя пылкая женщина, устыдясь своей несправедливости, рѣшилась загладить ее блестящимъ образомъ — дала великолѣпный обѣдъ — пригласила знаменитѣйшихъ Бояръ Новогородскихъ и Зосиму — встрѣтила его съ великими знаками уваженїя — посадила за столомъ въ *первомъ мѣстѣ*, угощала съ ласкою, и желая превзойти щедростїю всѣхъ Бояръ (которые одарили святаго мужа богатыми церковными сосудами и ризами), отдала Соловецкому монастырю большую деревню на рѣкѣ Сумѣ. — Зосима получилъ отъ Совѣта Новогородскаго грамоту на *владѣнїе островомъ*, съ приложенїемъ осьми оловянныхъ печатей: Архїепископской, Посадничей, *Тысященачальнической* и *пяти Концовъ города*. Естьли сїя грамота донынѣ сохранилась въ архивѣ Соловецкаго монастыря, то она должна быть драгоцѣнна для Историка Россїи, который можетъ найти въ ней имена послѣднихъ народныхъ чиновниковъ Новогородскихъ: ибо

скоро по возвращенїи Угодника въ Соловецкую обитель Князь Иванъ Васильевичь объявилъ войну сей Республикѣ и навѣки уничтожилъ ее. Чудеса не принадлежатъ къ Исторїи; однакожь упомянемъ здѣсь о пророчествѣ Св. Зосимы. Выгнанный въ первый разъ гордою Посадницею, онъ сказалъ ученикамъ своимъ: „скоро, скоро „сей домъ опустѣетъ и дворъ его зара„стетъ травою!“ что и въ самомъ дѣлѣ совершилось. Родъ Борецкихъ погибъ съ Республикою; домъ Мареинъ опустѣлъ — но донынѣ еще показываютъ въ Новѣгородѣ мѣсто его (*). — —

Оставляя Мареу, изъявимъ желанїе, чтобы когда нибудь искусное перо изобразило намъ *галлерею Россїянокъ* знаменитыхъ въ Исторїи или достойныхъ сей чести. Въ разсужденїи древности благоразумный Авторъ ограничитъ себя

(*) Другое чудо, описанное въ Житїи сего Угодника, заставляетъ думать, что Князь Иванъ Васильевичь не *простилъ* тогда знатныхъ Новогородцевъ, какъ говорятъ наши лѣтописи. Св. Зосима, взглянувъ на шесть главныхъ чиновниковъ, вмѣстѣ съ нимъ обѣдавшихъ у Мареы, увидѣлъ ихъ сидящихъ безъ головъ. Авторъ *Житїя* прибавляетъ, что сїи шесть чиновниковъ были послѣ *казнены* Московскимъ Княземъ.

Несторомъ и не вздумаетъ начать — на примѣръ — съ Томирисы, Скиѳской Царицы, которая, естьли вѣрить Геродоту и Діодору Сицилійскому, приковала къ кресту нещастнаго Кира. Предки наши Славяне были конечно Скиѳскаго племени; но естьли дозволимъ себѣ восходить такимъ образомъ въ Исторіи народовъ, то доберемся наконецъ до Адама и должны будемъ говорить объ Евѣ какъ о первой знаменитой Россіянкѣ. Нѣтъ, *галлерея* наша открылась бы Ольгою и Гориславою; а среднія времена представили бы намъ изображеніе Греческой Княжны Софіи, супруги Князя Іоанна, (которой Россія обязана первыми искрами просвѣщенія (*)) — матери Царя Ивана Васильевича, имѣвшей слабости, но весьма умной — первой супруги его, прекрасной и любезной Анастасіи — Маріи Годуновой, которой добродѣтель обуздывала иногда Бориса въ жестокостяхъ его подозрительнаго характера — и трогательной, невинной Ксеніи. — Правда, что Рускіе лѣтописцы, въ которыхъ должно искать матеріаловъ для сихъ біографій, крайне скупы на подробности; однакожь умъ внимательъ-

(*) Съ нею пріѣхали изъ Италіи многіе ученые Греки, которые остались въ Россіи.

ный, одаренный *историческою догадкою*, можетъ дополнять недостатки соображенїемъ, подобно какъ ученый любитель древностей, разбирая на какомъ нибудь монументѣ старую Греческую надпись, по двумъ буквамъ угадываетъ третью, изглаженную временемъ, и не ошибается. — Новѣйшая Руская Исторїя имѣетъ также своихъ знаменитыхъ женщинъ; наименуемъ изъ нихъ Наталью Кириловну, дочь бѣднаго Дворянина, и Царицу Россїи и мать ПЕТРА Великаго, въ дѣвическомъ уединенномъ теремѣ и въ царскихъ чертогахъ равно смиренную, кроткую, добродѣтельную, такъ, что никакой микроскопъ исторической строгости не открываетъ въ ея жизни ни малѣйшаго пятна — Софїю, почти великую, — умомъ славу Россїянокъ, духомъ сестру Петрову, сердцемъ женщину, но любезную — Екатерину I, по великодушному характеру достойную блестящей судьбы ея, чудесной и романической. Не знаю, дозволитъ ли Политика въ наше время Философу-Историку свободно и торжественно судить царствованїя Анны и Елисаветы; но умный живописецъ-Авторъ можетъ въ легкихъ чертахъ представить Ихъ личные характеры съ хорошей стороны и безъ лести. Должно отличить сердце Анны

отъ Ея строгаго правленія: какъ женщина, Она была умна и добродушна (по разсказамъ нашихъ отцевъ и всѣмъ извѣстіямъ чужестранцевъ); какъ Государыня — имѣла нещастіе уважать Бирона (*), но имѣла достоинство огорчаться его жестокостію. Имя Елисаветы напоминаетъ — естьли не чрезвычайныя, великія дѣла, то по крайней мѣрѣ веселый Дворъ и щастливое царствованіе, которое послѣ бывшихъ строгостей казалось весьма человѣколюбивымъ. Россія на первыхъ мѣстахъ государственныхъ увидѣла опять Рускихъ, снова услышала вокругъ трона любезный языкъ свой, отдохнула и оживилась. При Елисаветѣ родилась и торжествовала наша Поэзія. Щастливая пѣсня дѣлала щастье стихотворца, и какая-то нѣжность была общимъ характеромъ Двора Государыни мягкосердечной, не хотѣвшей наказывать смертію и самыхъ злыхъ преступниковъ. Довольно для пріятной картины! — Наконецъ не на одномъ тронѣ Сочинитель долженъ искать лицъ для историческихъ портретовъ: онъ вспомнитъ, на примѣръ, сію

(*) Патріотическая Исторія рано или поздно воздастъ ему по дѣламъ его. Къ щастію, онъ былъ не Руской!

Графиню Головкину, которая добровольно промѣняла столицу на Сибирь, и годъ жила въ землянкѣ съ мертвымъ тѣломъ супруга. Такое геройство супружеской любви давно бы прославлено было въ цѣломъ свѣтѣ, естьли бы Руские умѣли и любили хвалиться добродѣтелями Рускихъ. Однимъ словомъ, *галлерея славныхъ Россїянокъ* можетъ быть весьма прїятнымъ сочиненїемъ, естьли Авторъ, имѣя талантъ и вкусъ, изобразитъ лица живыми красками любви къ женскому полу и къ отечеству. Нужно ли сказывать, кому надлежало бы приписать такое сочиненїе *въ наше время?* - - -

въ Кассель, видѣть торжество по случаю возведенія Кассельскаго Ландграфа въ достоинство Курфирста. Церемонія была довольно пышна. Вся богато-одѣтая гвардія и полки стояли въ парадѣ. Въ 9 часовъ утра началась пушечная стрѣльба и выѣхалъ Герольдъ объявить народу о новомъ званіи его Государя. Читали манифестъ и кричали *виватъ*, но только по особенному *приказанію*, и весьма не охотно, какъ мнѣ казалось. Въ 10 часовъ началось шествіе изъ Дворца въ церковь. Курфирстъ ѣхалъ съ своимъ Наслѣдникомъ, а супруги ихъ въ другомъ экипажѣ вмѣстѣ съ Принцомъ Гессен-Дармштатскимъ. За ними слѣдовали Чиновники; Каммергеры несли корону. Всего страннѣе были одѣты Швейцары, которые шли съ галебардами подлѣ кареты Курфирста. Ввечеру городъ освѣтился разноцвѣтными огнями. Мы ходили по улицамъ читать надписи, но не видали ни одной достойной замѣчанія. Даже и Французскій Посланникъ, отъ котораго бы, судя по извѣстному остроумію его націи, можно было ожидать чего нибудь не слишкомъ обыкновеннаго (и котораго домъ освѣщенъ былъ лучше всѣхъ), изобразилъ въ надписи одно желаніе, чтобы миръ вѣчно продолжался между Фран-

щїею и Гессен-Касселемъ! Но какъ всѣмъ гражданамъ правительство велѣло радоваться и (что еще важнѣе) даны были матеріалы для иллюминаціи, то и ремесленники хотѣли изъявить свое усердіе. Одинъ колбасникъ представилъ en transparent огромную колбасу, окруженную маленькими, и подписалъ:

Wie diese Wurst unter diesen würsten,
So ist unser Churfürst unter den Fürsten!

(То есть: *Какова сія колбаса между сими колбасами, таковъ нашъ Курфирстъ между Нѣмецкими Князьями.*) Удачное сравненіе! А мясникъ также вырѣзалъ надпись:

Wer unsern Churfürst wird nicht achten,
Den will ich wie éinen Ochsen schlachten.

(*Кто не почтитъ нашего Курфирста, того убью какъ быка.*) По крайней мѣрѣ всякой изъясняется по-своему. — Смотря на иллюминацію, вспомнилъ я то единственное зрѣлище, когда Москва великолѣпными огнями изъявляла радость свою (15 Сентября, въ 1801 году). Мнѣ казалось, что на все гляжу въ умаляющее стекло; но можно ли было и сравнивать?

На другой день ѣздили мы на такъ называемую *Вильгельмову высоту*, которая прежде называлась *Вейсенштеинъ*. Это одно изъ прекраснѣйшихъ мѣстъ въ Европѣ по своимъ видамъ и по украшенію,

приданному Натурѣ Искусствомъ. На самой вершинѣ горы, съ которой стремятся водопады, стоитъ Геркулесъ, опершись на палицу. Снизу кажется онъ обыкновеннаго человѣческаго росту; но увеличивается въ глазахъ, когда всходишь на гору, и наконецъ является ужаснымъ гигантомъ, такъ, что въ палицѣ его можетъ помѣститься 12 человѣкъ. Въ ней сдѣлана лѣсница и большое окно, изъ котораго можно однимъ взоромъ обнять всѣ разнообразныя окрестности. Съ сей-то высоты падаетъ внизъ, по искусственнымъ сѣдымъ развалинамъ, широкой, шумной водопадъ. — Гора представляетъ Англійскій садъ, въ которомъ возвышается великолѣпной замокъ съ золотою надписью: Wilhelmshöhe (*Вильгельмова высота*). Примѣчательна показалась мнѣ также *Плутонова пещера*; отъ красныхъ стеколъ, вставленныхъ въ ея отверстія, вся внутренность кажется огненною. Церберъ стережетъ входъ: Геркулесъ грозится на него своей палицей. Въ самомъ жилищѣ ада сидятъ на тронѣ Плутонъ и Прозерпина, окруженные прислужниками. Тамъ прядутъ Парки, и одна изъ нихъ перерѣзываетъ нить жизни. — Въ другой сторонѣ сада виситъ, такъ сказать, на скалѣ древній готическій

замокъ Löwenburg; его окружаютъ развалины другихъ Рыцарскихъ замковъ. Трудно повѣрить, чтобы все это было построено въ 18 вѣкѣ: такъ хорошо умѣло Искусство подражать дѣйствїямъ времени!

Въ тотъ же день ввечеру видѣлъ я въ Театрѣ Курфирста и всю его фамилїю. Пїеса была сочинена на случай торжества и названа *Гезусъ* (вѣроятно, родоначальникъ Гессенскаго Дому). Она такъ дурна, что не льзя даже сказать, въ чемъ состоитъ ея содержанїе. Нѣтъ ни начала, ни связи; видно только, что Автору какъ нибудь хотѣлось поздравить новаго Курфирста — и въ самомъ дѣлѣ, послѣ многихъ нескладныхъ сценъ, увидѣли мы огненный щитъ съ надписью: *Вильгельмъ первый Курфирстъ!* Дѣйствующїя лица пали передъ нимъ на землю, а зрители закричали: *виватъ!* —

- - - - - - - - - - - - - - - - - - - -

Ал. Тургеневъ.

ПОЛИТИКА.

I.

День Консула Бонапарте.

Всегдашняя дѣятельность есть главная потребность сего великаго человѣка и первая черта его характера. Сіе природное, весьма рѣдкое дарованіе способствовало возвышенію Бонапарте не менѣе его чрезвычайнаго Генія; и нынѣ помогаетъ ему достойно занимать сію степень величія, къ которой онъ не могъ быть приготовленъ воспитаніемъ. Прилѣжное изслѣдованіе всѣхъ частей государственной науки дѣлаетъ его ежедневно способнѣе повелѣвать Республикою, такъ, что умные Французы и чужестранцы, которые съ нимъ работаютъ или говорятъ, удивляются знаніямъ и богатству собственныхъ идей его. На примѣръ, Швейцарскіе Депутаты, въ дружелюбной конференціи съ Бонапарте, которая продолжалась восемь часовъ, нашли, что онъ знаетъ всѣ, даже сокровенныя отношенія ихъ древнихъ конституцій, законовъ, обычаевъ, и на всякое возраженіе отвѣчалъ съ чудеснымъ проницаніемъ. Такимъ же образомъ одинъ

изъ славнѣйшихъ Политиковъ нашего времени (инѣ не дозволено здѣсь наименовать его) въ разговорѣ съ Бонапарте удивлялся основательности и безпристрастїю, съ которыми онъ изображалъ ему главныя эпохи Французской Исторїи и разныя системы ея Правительства до Революцїи. Изъ сего уже можно заключить, что Консулъ долженъ много читать. Извѣстно, что онъ не только утро, но даже и часть ночи проводитъ въ семъ упражненїи; одинъ ходитъ въ библїотеку и перебираетъ множество книгъ для справокъ въ какомъ нибудь дѣлѣ, занимающемъ его разумъ; и между тѣмъ, какъ обработываетъ идеи въ головѣ своей, Библїотекарь Консульскїй едва успѣваетъ прибирать къ мѣсту разбросанные томы. Особенныя конференцїи, работа съ Министрами или минутныя семейственныя удовольствїя, служащїя отдыхомъ, занимаютъ его часа два до завтрака, похожаго на обѣдъ; а тамъ начинается другая, еще труднѣйшая работа въ кабинетѣ или въ засѣданїяхъ Государственнаго Совѣта, которыя иногда 7 и 8 часовъ продолжаются, и въ которыхъ Бонапарте не рѣдко часа по два говоритъ съ удивительною живостїю мыслей о разныхъ предметахъ. Часто онъ снова разсуждаетъ объ нихъ

послѣ въ особенныхъ комитетахъ и рѣшитъ совсѣмъ не такъ, какъ думалъ Совѣтъ.

Обѣдъ, какъ извѣстно, бываетъ очень поздно. Самъ Бонапарте говоритъ: „кто „хочетъ ѣсть скоро, долженъ обѣдать у „меня; кто любитъ роскошные обѣды, „тому надобно ѣхать къ Камбасересу; а „кто желаетъ умѣренности, того зоветъ „къ себѣ Лебрёнъ.“ Прежде и самые вечера посвящалъ онъ дѣламъ; но съ нѣкотораго времени избираетъ ихъ для отдохновенія или для спокойныхъ разговоровъ за карточнымъ столомъ. Бонапарте играетъ безъ большаго вниманія и говоритъ съ людьми, окружающими столъ его; однакожь не льзя безъ нѣкотораго изумленія видѣть карты въ тѣхъ рукахъ, которыя шпагою и перомъ рѣшили судьбу Европы. Иногда вечернее собраніе заключается маленькимъ баломъ, и Консулъ не рѣдко самъ танцуетъ!

(Изъ записокъ одной Нѣмецкой Дамы, живущей въ Парижѣ.)

II.

Извѣстія и замѣчанія.

Къ нещастію, война открылась. Англія начала ее. Миролюбивому сердцу трудно быть теперь судьею безпристрастнымъ: оно склонно винить того, кто первый обнажилъ мечь кровопролитія. Но Политика не есть Филантропія: Министры смотрятъ только на пользу своего Государства.

Мы читали множество бумагъ, изданныхъ Англійскимъ и Французскимъ Правительствомъ по случаю сего разрыва: то и другое желаетъ казаться правымъ въ глазахъ народа и Европы. Мальта есть причина войны: Англія не хотѣла отдать сего острова, не хотѣла исполнить Амьенскаго трактата; но въ оправданіе свое говоритъ, что самъ Консулъ нарушилъ его, торжественно обязавшись въ немъ хранить цѣлость Турецкой Имперіи, а послѣ обнаружилъ намѣреніе раздѣлить сію Имперію и завладѣть Египтомъ: что доказывается 1) предложеніемъ, которое онъ сдѣлалъ некоторому Двору въ разсужденіи Турціи; 2) отправленіемъ Полковника Себастіани

въ Египетъ и донесеніемъ его, напечатаннымъ въ *Монитёрѣ* (*); и 3) собственными словами Консула, сказанными имъ Лорду Витворту, что Египетъ рано или поздно будетъ Французскимъ владѣніемъ. Надобно признаться, что Англійскіе Министры въ семъ случаѣ говорятъ дѣло, и что ихъ не льзя назвать вѣроломными; но другія неудовольствія Великобританіи, означенныя въ Королевскомъ манифестѣ, кажутся отчасти несправедливыми, отчасти маловажными. Король говоритъ, что Франція послѣ Амьенскаго трактата усилилась новыми пріобрѣтеніями; но Консулъ отвѣчаетъ, что Піемонтъ былъ въ его рукахъ еще прежде мира, и что объявивъ сію землю владѣніемъ Республики, онъ не нарушилъ никакихъ обязательствъ съ Англіею. Могущество Франціи не есть въ самомъ дѣлѣ вина ея, будучи куплено побѣдами и кровію Французовъ. Англичане также взяли бы себѣ, можетъ быть, Кале и Дюнкерхенъ, естьли бы удалось Герцогу Йоркскому

(*) Кто могъ бы вообразить въ 16 или въ 17 вѣкѣ, что со временемъ Христіянскія Державы будутъ дружески заботиться о цѣлости Турецкой Имперіи? Вотъ торжество великодушія или Политики!

разбить Гушара и Пишгрю. Когда народы судятся мечемъ, то побѣдитель рѣшительно выигрываетъ тяжбу, и беретъ, что можетъ; когда же отдаетъ назадъ добровольно, то слава его великодушїю! Слѣдствїемъ сего, такъ сказать, завоеваннаго Францїею могущества былъ самовластный поступокъ Консула въ разсужденїи Швейцарїи, которымъ также оскорбляется Англїя. Естьли молчитъ сосѣдъ; естьли Австрїя, утвердивъ Люневильскимъ трактатомъ независимость Швейцаровъ, не говоритъ ни слова: то Англїя едва ли должна вступаться за ихъ свободу. Другїя жалобы ея состоятъ въ томъ, что Бонапарте не выводилъ войскъ изъ Голландїи (но Голландїя есть завоеванїе Французовъ, и трактатъ Амьенскїй не даетъ Англичанамъ никакого права быть ея защитниками); что Консулъ ничѣмъ не удовольствовалъ Короля Сардинскаго (а для чего Англїйскїе Министры не вспомнили въ Амьенѣ о семъ нещастномъ союзникѣ?); что Францїя, не смотря на миръ, не впускала въ свои владѣнїя Англїйскихъ товаровъ, не давала управы Англичанамъ въ случаѣ обидъ, и подъ именемъ торговыхъ Агентовъ присылала въ Великобританнїю шпїоновъ; что Бонапарте, во время аудиенцїи и въ

присутствіи многихъ Министровъ говоря съ Витворіпомъ, грубыми словами оскорбилъ Англійское Правительство; что онъ торжественно сказалъ Французскому Законодательному Совѣту, будто Англія одна не можетъ воевать съ Франціею (слово нескроиное и несправедливое!), велѣлъ напечатать въ Гамбургскихъ вѣдомостяхъ пасквиль на Министровъ Великобританніи, и *дерзнулъ* требовать перемѣны въ самой Англійской Конституціи, желая, чтобы Лондонскіе Журналисты были подчинены цензурѣ — желая также, чтобы Французскіе Эмигранты и Принцы были высланы изъ Англіи. Сіи послѣднія неудовольствія конечно основательны; но Аддингтонъ и Гакесбури великодушно простили бы Консулу всѣ оскорбленія, естьли бы онъ только уступилъ имъ Мальту: что доказывается двумя нотами Виптворта, въ которыхъ Англія обѣщалась признать законнымъ все, что сдѣлалось въ Европѣ прежде и послѣ Амьенскаго трактата, когда Бонапарте согласится оставить въ ея рукахъ сей островъ. Въ слѣдующемъ нумерѣ *Вѣстника* мы напечатаемъ довольно любопытное сочиненіе, въ которомъ представляется важность Мальты для Англичанъ; на сей разъ скажемъ только, что они, владѣя

сею неприступною скалою, могутъ повелѣвать Средиземнымъ моремъ и не пустить Французовъ въ Египетъ, откуда Консулу столь легко добраться до Индіи, главнаго источника богатствъ для Великобританніи.

Въ Верхнемъ Парламентѣ только два Лорда говорили противъ войны: Станопъ и Лансдаунъ. Первый сказалъ: „Когда „дѣло идетъ о лучшихъ средствахъ для „спасенія Англіи, тогда всякой Патріотъ „долженъ объявить свое мнѣніе. Я ду„маю, что умѣренность всего благо„разумнѣе въ Политикѣ; и естьли мы „обязались трактатомъ отдать Мальту, „то надобно исполнить обѣщаніе. Ми„нистры говорятъ, что Франція усили„лась послѣ Амьенскаго мира, и для „того Англія можетъ требовать новаго „залога. Что, естьли бы Гишпанія от„дала намъ Кубу, или Король Неаполи„танскій Сицилію послѣ заключеннаго „съ Франціею трактата, и естьли бы „Бонапарте вздумалъ въ семъ случаѣ „требовать отъ насъ *новаго залога*? Ка„кой Англичанинъ не назвалъ бы Консу„ла безразсуднымъ? Сверхъ того подлин„но ли усилилась Франція? Гдѣ ея Коло„ніи? Бонапарте неизвинительнымъ об„разомъ поступилъ съ Туссенемъ,

„хотѣлъ снова ввести рабство въ Сен - Доминго и лишился сего богатаго острова. „Что касается до Египта, то Консулъ „безъ сомнѣнія желаетъ завладѣть имъ: „онъ пожертвовалъ цѣлою армїею для „завоеванїя сей Оттоманской провинцїи, „славной въ Исторїи! Но Бонапарте можетъ нынѣ или завтра перемѣнить „свой планъ, ибо онъ часто мѣняетъ „ихъ. Я съ великимъ вниманїемъ читалъ „всѣ бумаги, обнародованныя Правительствомъ, и нахожу, что благоразумные „Министры могли бы сохранить миръ.“ — Лордъ Спанопъ сказалъ между прочимъ, что онъ совѣтовалъ бы отдать Французамъ, за Мальту, острова Джерсей и Гернсей. Лордъ Мольгревъ отвѣчалъ: „Какъ! „отдать Деспоту Бонапарте нѣсколько „тысячь свободныхъ Англичанъ? Развѣ „они преступники? За что ихъ наказывать? Что принадлежитъ до меня, то „я радъ уничтоженїю Амьенскаго трактата; радъ тому, что Консулъ нарушилъ „его и далъ намъ право оставить за собою Мальту.“ — Въ Нижнемъ Парламентѣ говорили всѣхъ долѣе Питтъ и Фоксъ. „Теперь (сказалъ Питтъ) мы „должны разсматривать не поступки „Министровъ своихъ, но основательность „и справедливость войны. Я былъ дово-

„ленъ Амьенскимъ трактатомъ, думая, „что въ тогдашнихъ обстоятельствахъ „надлежало Англіи заключить миръ; но „когда Франція не исполняетъ его условій и явно показываетъ желаніе вредить „намъ, то мы должны снова прибѣгнуть „къ войнѣ. Достойно примѣчанія, что „самая та земля, которая въ рукахъ „Французовъ была для Англіи предметомъ безпокойства, избрана ими для „нарушенія трактата; тамъ, гдѣ все „напоминаетъ храбрость и славу войска „Британскаго, тамъ изъявили они свои „замыслы противъ Британской чести и „славы! Не только напечатанное донесеніе Полковника Себастіани, но и самое „отправленіе его въ Египетъ считаю доказательствомъ опасныхъ намѣреній „Франціи, или, лучше сказать, непріятельскимъ дѣйствіемъ. Какую связь „имѣетъ она съ сею землею? Естьли бы „мы тайно отправили Офицера въ южную „Америку для осмотра городовъ и селеній ея, то могла ли бы Европа повѣрить, „что не имѣемъ никакихъ умысловъ противъ Гишпаніи? Пусть вѣрятъ Франціи тѣ, которые думаютъ, что Агенты ея измѣряли глубину нашихъ пристаней единственно изъ любопытства! „Сего еще не довольно: Первый Консулъ

„вздумалъ вмѣшиваться въ самое внутреннее правленіе Англіи, вздумалъ предписывать намъ законы въ разсужденіи свободнаго книгопечатанія и Эмигрантовъ! Онъ забылъ, что Англія не Голландія и не Италія! Однимъ словомъ, мы должны всѣмъ пожертвовать отечеству и доказать, что, вопреки увѣреніямъ Консула, можемъ противиться его излишнему властолюбію.“ — Рѣчь Питтова сдѣлала сильное и глубокое впечатлѣніе. Грей сказалъ, что ему „прискорбно видѣть Питта оправдывающаго войну: ибо мнѣніе сего Оратора „такъ важно, что судьба государства „зависѣла отъ его рѣчи.“ . . . Тутъ славный Фоксъ всталъ съ мѣста и говорилъ слѣдующее: „Мнѣ кажется, что разсуждая о справедливости войны, мы должны въ то же время судить и Министровъ; должны изслѣдовать ихъ систему „и дѣла. Но почтенный господинъ, *сидящій подъ галлереею* (Г. Питтъ), „не хочетъ того. Думаю, что Министры не долго будутъ пользоваться его снисхожденіемъ. Съ нѣкотораго „времени я такъ удаленъ отъ политическихъ дѣлъ, что не имѣю идеи о „личныхъ связяхъ; однакожь удивляюсь, „что тѣ, которые строго судили Мини-

„стровъ, вдругъ всѣ замолчали. Вѣро-
„ятно, что присутствіе краснорѣчива-
„го Оратора (Питта) не дозволяетъ
„имъ говорить; они выжидаютъ его,
„чтобы возобновить свои нападенія. Любя
„свободу мнѣній, жалѣю, что почтен-
„ный *господинъ* не хотѣлъ сказать мыс-
„лей своихъ о Министрахъ, и тѣмъ за-
„ставилъ всѣхъ безмолвствовать. Какъ
„ни удивляюсь его краснорѣчію, но не
„желаю видѣть его здѣсь часто, когда
„достойные Ораторы не хотятъ говорить
„при немъ о Министрахъ. Для чего за-
„ключали мы Амьенской трактатъ?
„Конечно не для того, чтобы онъ ручал-
„ся намъ за умѣренность и справедли-
„вость Франціи, но для выгодъ мира;
„естьли народамъ не мириться безъ увѣ-
„ренія, что миръ будетъ ненарушимъ и
„вѣченъ, то въ нынѣшнихъ обстоятель-
„ствахъ я не вижу конца войнѣ. Консулъ
„безъ сомнѣнія не докажетъ намъ, что-
„бы мы совсѣмъ не должны были вмѣщи-
„ваться въ Политику Европы; однакожъ
„и то правда, что Франція не обязана
„отвѣчать Англіи за всякое умноженіе
„силъ своихъ, за всякій новый знакъ ея
„могущества. Поступокъ съ Швейцарами
„есть конечно великая несправедливость;
„но можно ли назвать его непріятель-

„скимъ дѣйствіемъ противъ Англіи? „Бонапарте не имѣлъ права требовать, „чтобы мы для него учредили цензуру „въ Англіи; но смѣшно объявлять ему „войну за сіе требованіе. Лучше, естьли „бы вели ее только Журналисты. Одинъ изъ „нашихъ Поэтовъ выводитъ на сцену боги„ню разсудка, которая, являясь между „двумя грозными рыцарями, велитъ имъ „спрятать мечь въ ножны, бранить другъ „друга сколько угодно, но не драться: вотъ „хорошій совѣтъ для Англіи и Франціи! „Что касается до Египта и Мальты, „то они, по моему мнѣнію, не стоятъ „кровопролитія. Парламентъ не забылъ „трактата, заключеннаго въ 1786 году „между Франціею и нѣкоторою Державою: „раздѣленіе Турецкой Имперіи было его „цѣлію, и Египетъ отдавали Королю „Французскому. Тогдашніе Министры не „объявили войны Франціи, а заключили „съ нею трактатъ коммерческій. Я совѣ„тую Парламенту воспользоваться посред„ничествомъ Россійскаго Императора, ибо „сія война можетъ быть ужаснѣе всѣхъ до„нынѣ бывшихъ. Уже почтенный Ораторъ „(Питтъ) съ обыкновеннымъ своимъ „краснорѣчіемъ изобразилъ намъ жертвы, „которыхъ требуетъ отечество отъ сы„новъ своихъ; онъ, какъ извѣстно, есть

„великой Артистъ въ семъ дѣлѣ. Прежде „Министры, для издержекъ войны, *рвали „у насъ только зубы, а теперь воткнутъ ножъ „въ самую средину тѣла.*“ — Сїе грубое, не только для Англїйскаго Патрїота, но и для всякаго человѣка со вкусомъ противное заключенїе Фоксовой рѣчи оскорбило всѣхъ Членовъ Парламента. Виндамъ сказалъ: „Эта странная рѣчь такъ возму„тила мою душу, что я забылъ все, о „чемъ хотѣлъ говорить Парламенту. Могу „только изъявить презрѣнїе къ ея духу „и правиламъ; она ядовита и зла. Какъ „ни велики налоги въ Англїи, но лучше „платить ихъ отечеству; нежели Фран„цузскому Префекту. Почтенный Ораторъ „взялся быть стряпчимъ подлой корысти „и всѣхъ гнусныхъ чувствъ эгоизма. Когда „онъ столько унижаетъ себя, то не за„видую ни талантамъ, ни многочислен„нымъ друзьямъ его. Господинъ Питтъ „воспламенилъ въ насъ душу святымъ „Патрїотизмомъ, а Фокса можно сравнять „съ Хирургомъ, который описанїемъ же„стокой боли отвращаетъ больнаго отъ „спасительной для него операцїи.“ — — Оба Парламента почти единодушно опредѣлили изъявить Королю благодарность за взятыя имъ мѣры для блага Англїи.

Между тѣмъ Бонапарте гремитъ противъ Англичанъ упреками вѣроломства. Въ Сенатѣ, Законодательномъ Корпусѣ и Трибунатѣ говорятъ жаркія рѣчи. Одинъ изъ Ораторовъ сказалъ, что Англія даже и по самымъ философическимъ гибельнымъ системамъ своимъ есть врагъ роду человѣческаго!! Въ разныхъ городахъ открылись добровольныя подписки для строенія кораблей и фрегатовъ. Сенатъ опредѣлилъ на собственныя деньги свой вооружить линейной корабль; а нѣкто Тилорье обнародовалъ, что онъ сдѣлаетъ такой воздушной шаръ, на которомъ 300,000 Французовъ въ нѣсколько минутъ и безъ всякой опасности перелетятъ въ Англію для наказанія вѣроломныхъ! *Мониторъ*, доказавъ, что въ одной Министерской нотѣ, изданной въ Лондонѣ, пропущено пять строкъ, восклицаетъ: „и Англичане дерзаютъ называть себя „свободными!" Бонапарте торжественно объявилъ Депутатамъ Сената, что разговоръ его съ Лордомъ Витвортомъ, напечатанный въ Лондонѣ, есть романъ; однакожь онъ кажется намъ достовѣрнѣе всѣхъ Исторій на свѣтѣ.

Уже непріятельскія дѣйствія начались съ обѣихъ сторонъ. Англичане успѣли взять нѣсколько Французскихъ купечё-

скихъ корабелей и два фрегата; а Бонапарте взялъ въ плѣнъ Англичанъ, которые путешествовали во Франціи, и занялъ войскомъ своимъ Ганноверъ, котораго жители сперва было-храбрились, а послѣ разсудили отдаться Французамъ на время, въ ожиданіи дальнѣйшихъ происшествій. Хотя еще Посолъ Англійскій не выѣхалъ изъ Гаги, однакожь нѣтъ сомнѣнія, что и бѣдная Голландія будетъ вовлечена въ войну, и что Консулъ не дозволитъ ей пользоваться неутралитетомъ. Англичане на всякой случай захватили уже нѣсколько богатыхъ кораблей ея, шедшихъ изъ Батавіи. Они безъ сомнѣнія рады воевать и съ Гишпаніею, тѣмъ болѣе, что Американскій флотъ ея съ серебромъ и золотомъ еще на пути. Англійскіе Офицеры, матрозы и купцы могутъ быть въ великомъ выигрышѣ; но горе человѣчеству и просвѣщенію нашего вѣка, которое имѣетъ такъ мало вліянія на дѣла политическія! Люди очень умны въ книгахъ и въ разговорахъ; но стрѣляя изъ пушекъ другъ въ друга за какую нибудь голую скалу, они еще довольно похожи на варваровъ или на своихъ дражайшихъ предковъ четвертаго-надесять вѣка.

Между тѣмъ есть надежда, что война не продолжится. Министръ Гакесбури

объявилъ Парламенту, что Консулъ согласенъ уступить имъ на 10 лѣтъ Мальту, съ тѣмъ условіемъ, чтобы ему занять своими войсками двѣ Неаполитанскія гавани Адріатическаго моря; объявилъ также, что Англія готова избрать въ посредники великодушнаго Россійскаго Императора, и объявить Ему условія, на которыхъ можетъ помириться съ Франціею. Бонапарте, Питтъ, Парламентъ, желаютъ также посредничества Россіи. Какая слава для нашего Монарха даровать миръ Европѣ и человѣчеству!

Конецъ IX Части.

ОПЕЧАТКИ

въ сей книжкѣ.

Стран.	Стр.	*Надлежит.*	*Читай.*
295	30	Мнюю	Мою

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДЕВЯТОЙ ЧАСТИ.

МАЙ. No 9.

Стран.

I. О Богдановичѣ и его сочиненіяхъ. - 3
II. Исторія слезъ. - - 18
III. Письмо Госпожи Жанлисъ изъ Швейцаріи. - - - 22
IV. Объ учтивости и хорошемъ тонѣ. 24
V. Кладбище въ Цугѣ, горномъ Кантонѣ Швейцаріи. - - 31
VI. Недовольный. - - 35
VII. Анекдоты и мысли, переведенныя изъ Французскихъ Журналовъ. 42
VIII. Башмакъ, или мѣрки равенства. 45
IX. Эпитафія Эпитафіямъ, сочиненная однимъ изъ Авторовъ Эпитафій. 46
X. Ботъ, Неса и Морс. - - —
XI. О долгахъ Великобританіи. - 49
XII. Георгъ Томасъ, солдатъ въ Англіи и царь въ Индіи. - 51
XIII. Хитрости Лондонскихъ Журналистовъ. - - - 56
XIV. Тайное общество благодѣтельности въ Парижѣ. - - 60
XV. Выписки изъ Англійскихъ Журналовъ. 62
XVI. Тайный Орденъ Азіатскихъ Братій. 66
XVII. Извѣстія и замѣчанія. - 68

МАЙ. No 10.

Стран.

I. О Богдановичѣ и его сочиненіяхъ. (Окончаніе) - - 75
II. Тяжба Ума съ Красотою. - 111
III. Выписка изъ Лондонскихъ Журналовъ. - - 116
IV. Великодушное дѣло Тверскаго Дворянина. - - 124
V. Стихи на смерть Сен-Ламберта. 127
VI. Прохожій. - - 129
VII. О предразсудкахъ въ отношеніи къ гражданскому обществу и Политикѣ. — Письмо къ Философисту. - 130
VIII. Джефферсонъ, Президентъ Соединенныхъ Областей Американскихъ. - - - 137
IX. О нынѣшней войнѣ Французовъ въ Сен-Доминго. - - 141
X. Извѣстія и замѣчанія. - 145

ІЮНЬ. No 11.

I. О Россійскомъ Посольствѣ въ Японію. 159
II. Архенгольцъ о Клопштокѣ. - 171
III. Любезный гость у Капуциновъ. - 187
IV. Мудрое предложеніе одного ученаго Нѣмца, сдѣланное имъ Россіи. 189
V. Забавные Шотландскіе Графы. 190
VI. Италіянскіе вулканы. - - 192
VII. Дворянинъ-Профессоръ въ Россіи. 197
VIII. Выписки одной молодой Нѣмецкой Дамы, жившей нынѣ въ Парижѣ. 199

Стран.

IX. Письмо Русскаго Офицера изъ Корфу къ его родителямъ отъ 20 Января 1803. - - - 206
X. Стихи на скоропостижную смерть Петра Аѳанасьевича Пельскаго. 210
XI. Мечта. - - - 213
XII. Экономія одного разбойника. - —
XIII. О нынѣшнемъ состояніи Греціи и степени ея гражданскаго просвѣщенія. - - - 214
XIV. Важный самозванецъ во Франціи. 219
XV. Выписка изъ Лондонскихъ Журналовъ. - - - 226
XVI. Извѣстія и замѣчанія. - 230

ІЮНЬ. № 12.

I. Воспитаніе Льва. - - 239
II. Меланхолія и воображеніе. - 244
III. О Госпожѣ Бонапарте. - 279
IV. Остроумное замѣчаніе одного иностранца въ Петербургѣ. - 282
V. Новыя письма Жанъ-Жака Руссо. 283
VI. Скромное благодѣяніе. - 291
VII. Извѣстіе о Малой Посадницѣ, взятое изъ Житія Св. Зосимы. - 294
VIII. Письмо изъ Геттингенскаго, отъ 23 Мая 1803. - - 303
IX. День Консула Бонапарте. - 307
X. Извѣстія и замѣчанія. - 310